

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»
Институт филологии, культурологии и межкультурной
коммуникации
Кафедра культурологии

Р. Ю. Порозов

Культурно-образовательное пространство города

монография

Екатеринбург
2016

УДК 130.2(035.3)

ББК Ч108.42

П 59

Рекомендовано Ученым советом федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный педагогический университет» в качестве научного издания (Решение № 577 от 21.12.2016)

Рецензенты:

Быстрова Т.Ю., доктор философских наук, профессор

Мурзина И.Я., доктор культурологии, профессор

Порозов, Р. Ю.

П 59 Культурно-образовательное пространство города [Текст] : монография / Р. Ю. Порозов ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2016. – 174 с.

В монографии рассмотрены теоретические и методологические проблемы функционирования города как сегмента культурного пространства. Предложена методика анализа проекций культурного пространства города и их влияние на современного горожанина. Сделана попытка выявления и описания культурного и образовательного потенциала современного мегаполиса и индустриального города на примере Урала. Результаты методики могут быть использованы для дальнейших междисциплинарных исследований.

Книга адресована культурологам, студентам, аспирантам, преподавателям социально-гуманитарных дисциплин, а также широкому кругу читателей, интересующихся проблемами социокультурного развития города.

УДК 130.2(035.3)

ББК Ч108.42

© Порозов Р. Ю., 2016

© ФГБОУ ВО «УрГПУ», 2016

Содержание

Введение	4
Глава I. Город как социокультурный феномен	10
1.1. Теоретико-методологический анализ категории «городское пространство»: социокультурный аспект...	10
1.2. Культурно-образовательное пространство города .	60
Глава II. Социокультурное пространство мегаполиса и индустриального города (на примере Екатеринбурга и Нижнего Тагила)	87
2.1. Мегаполис и индустриальный центр как два типа городских поселений: социокультурный аспект	87
2.2. Культурно-образовательный потенциал мегаполиса и индустриального города (на примере Екатеринбурга и Нижнего Тагила)	115
Заключение	157
Библиографический список	162

Введение

Наше исследование посвящено теоретико-методологическому анализу культурно-образовательного потенциала городского пространства. Наш интерес к данной теме объясним следующими обстоятельствами.

Городское пространство является ведущей организационной формой поселений. Познание города позволяет изучить генезис, сущность и общие закономерности развития и функционирования культуры как системы и ее элементов. Изменения (социальные, культурные, политические, экономические), с одной стороны, находят свое отражение в городе – не только в его физическом облике (планировке, застройке), но также нематериальных составляющих (геокультурный образ, ментальность). С другой, сам город и его жители являются активной силой, которая инициирует данные изменения. Город является локусом пересечения субъективных и объективных структур жизнедеятельности человека. Многие термины современной социально-гуманитарной парадигмы в той или иной степени связаны с дефиницией «городское пространство». Город – это репрезентация человеческого бытия.

Человек предпринимает всевозможные шаги, чтобы понять то место, в котором он проживает свою жизнь. Таким образом, город является пространством и одним из факторов социализации и инкультурации, местом развития интеллектуальных, ментальных, духовных способностей.

Нас, прежде всего, интересует город в его социокультурной интерпретации, транслирующий и генерирующий новые смыслы, ценности, социокультурный опыт, реализующий человеческий потенциал.

Актуальность исследования обусловлена тем фактом, что культурно-образовательный и эвристический потенциал городского пространства не учитывается или вообще не берется во внимание в большинстве исследований.

Культурный и цивилизационный «багаж», накопленный человечеством, «хранится» и транслируется городом. Связь «человек – город», как нам кажется, является амбивалентной. Город – это и субъект, и объект – одновременно. В одно и то же время он создается, обустроивается людьми в соответствии с их требованиями, а также сам влияет на человека – обуславливает его поведение, оказывает воздействие, в частности, на ментальном уровне.

Сложность поставленной проблематики подразумевает комплексный и междисциплинарный подход. Действительно, город является объектом изучения многих наук: географии, социологии, истории, психологии и др.

Итак, мы рассматриваем город как культурно-образовательное пространство, центральная функция которого – воздействие на человека.

Однако следует оговориться, что на наше исследование повлияли представители других социальных и гуманитарных традиций. Рассмотрение культурно-образовательного потенциала городского пространства дает нам возможность анализировать и систематизировать уже имеющиеся в научном арсенале знания.

В рамках исторической парадигмы городское пространство рассматривается: Ж. Ле Гоффом и «школой Анналов», О. Тьерри, Ф. Гизо, Г. Маурер, С. Костов, Л. Мамфорд – в западной исторической традиции. В отечественной исторической науке – Л.Н. Гумилевым, А.А. Сванидзе, С.М. Стамом.

Социологическая парадигма разрабатывалась в трудах П. Бурдьё, П. Бергера, М. Вебера, Э. Дюргейма, Т. Лукмана, Г. Зиммеля, В. Зомбарта. Существенное влияние оказали работы представителей Чикагской школы (Э. Берджесс, Л. Вирт, Р. Макензи, Р.Э. Парк), которые сформировали отдельное направление в науке – городскую социологию.

Категориям «пространство» и «социокультурное пространство» уделено внимание в трудах М. Бахтина, Д. Замятина, В. Каганского, К. Линча, Ю. Лотмана, П. Сорокина, М. Элиаде.

Локальным (региональным) формам социокультурной организации городского пространства посвящены работы Ю. Лотмана, В. Рубцова, Ю. Шабалина, В. Глазычева, Ч. Лэндри, отдельные выдержки из работ которого приходилось переводить на русский язык впервые.

Феномен индустриальной культуры и города исследован в работах Х. Ортега-и-Гассета, О. Шпенглера, Б. Вышеславцева, Э. Тоффлера, А. Шлейфера. Мегаполис как проблемное поле рассматривают Р. Сеннет, Д. Белл, Ф. Фукуяма, С. Милграм.

Проблема культурно-образовательного пространства исследована в работах И. Мурзиной, Н. Гладченковой, И. Ничипуренко, Н. Усатой.

Культурно-образовательный потенциал и креативные практики исследованы и разработаны в трудах П. Торренса, Р. Флорида, О. Карловой.

Итак, **объектом** нашего изучения является город как специфическое социокультурное пространство.

Предметом исследования – культурно-образовательный потенциал городской среды, обуславливающий социализацию и инкультурацию человека.

Цель исследования состоит в анализе культурно-образовательного потенциала городской среды, обуславливающим социализацию и инкультурацию человека, которое представляет возможности для реализации его природных способностей.

В данной трактовке цель предполагает наличие двух аспектов: проанализировать социокультурную традицию в изучении городского пространства (*теоретико-методологический аспект*), исследовать специфические

воплощения городской пространственности (*социокультурный аспект*), выявить культурно-образовательные факторы городского пространства (*культурно-антропологический аспект*).

В этой связи представляется актуальным решить следующие **исследовательские задачи**:

- проанализировать основные исследовательские позиции, позволяющие определить специфику городского пространства;
- феноменологически описать городское пространство;
- проанализировать основные проекции («измерения») города и их реализацию в городском пространстве;
- охарактеризовать современные типы городской пространственности в их социокультурной и культурно-антропологической интерпретации;
- выявить и описать элементы культурно-образовательного пространства индустриального города (Нижний Тагил) и мегаполиса (Екатеринбурга), обуславливающие социализацию и инкультурацию человека.

Методологическая составляющая работы обусловлена представленными задачами, спецификой объекта и предмета исследования. Исследование привлекло к использованию набора методов, включающих анализ специализированной литературы: исторической, социологической, психологической. Требования современного культурологического анализа предполагают использование системного подхода. Это потребовало обратиться к сравнительно-историческому и структурно-функциональному методам, методу локально-исторических типов. Метод аксиологического подхода используется при анализе ценностного пространства города, его культурно-образовательного потенциала

Эвристический потенциал, полученный за счет объединения с другими науками (географией, историей, социологией, философией, психологией, педагогикой), позволяет на качественно новом исследовательском уровне взглянуть на природу исследуемого явления. Феноменология стремится описать события и действия повседневной жизни такими, какими они являются, на лишенном догматики взгляде в его плюралистическом варианте.

Научная новизна работы, по нашему мнению, состоит в следующем:

- уточнено содержание понятия «городское пространство» как социокультурной категории;
- предложена методика культурологического анализа городского пространства;
- выявлены факторы и элементы городского пространства, позволяющие формировать культурно-образовательное пространство современного города;
- проанализировано, как культурно-образовательный потенциал города влияет на социализацию и инкультурацию человека в условиях мегаполиса и индустриального центра.

В ходе нашего исследования мы предполагали подтвердить следующие положения:

1. Современная интерпретация дефиниции «город» представляет собой рассмотрение совокупности географической, исторической, социологической составляющих исследуемого феномена, актуализируемых в рамках социокультурной парадигмы, которая, в свою очередь, представляет собой совокупность нормативных, ментальных, гносеологических, бытийных установок, которыми руководствуются жители городов в своих повседневных практиках.
2. Городское пространство представляет собой совокупность нескольких измерений: физического, символического, ментального, социального. Измерения социокультурно-

го пространства города обладают культурно-образовательным потенциалом.

3. Под культурно-образовательным потенциалом города понимают специфические особенности и функции городского пространства, которые используются субъектами образовательного процесса для трансляции и освоения культурно значимых ценностей.

4. Мегалополис и индустриальный город являются особыми типами социокультурной организации поселений. Культурно-образовательный потенциал мегалополиса и индустриального города реализуется как много уровневая система. Потенциал микроуровня раскрывается через регионально-культурную идентичность. Потенциал мезоуровня актуализируется за счет специфики архитектоники мегалополиса и индустриального города. Микроуровень раскрывает культурно-образовательный потенциал за счет индивидуальных, личностных – креативных – практик горожан.

Мы полагаем, что материалы исследования могут использоваться при разработке лекций, семинаров и практических занятий в процессе профессиональной подготовки студентов гуманитарных специальностей по базовым дисциплинам, в специальных курсах, а также в разработке программ, реализующих культурную политику региона в целом, и отдельных городов, в частности.

Глава I. Город как социокультурный феномен

1.1. Теоретико-методологический анализ категории «городское пространство»: социокультурный аспект

Проблема пространственности является одной из фундаментальных в современной науке. Дискуссии о том, что есть пространство и какова его природа ведутся на протяжении всей человеческой истории. Можно отметить, что парадигматические изменения в представлении о структуре мироздания во много основываются на том, что понимали в конкретное время под дефиницией «пространство». Немецкий философ И. Кант, размышляя о взаимоотношениях человека и пространства, писал о том, что невозможно составить представление об отсутствии пространства¹. Пространство — настолько «труднодостижимое» и «всеобъемлющее» явление, что И. Гете называл его «первофеноменом», перед которым человек испытывает своего рода испуг, и чуть ли не ужас². Исследователь В.Г. Гак отмечает, что «пространство организуется вокруг человека, ставящего себя в центр макро- и микрокосмоса. Это одна из первых реалий бытия, которая воспринимается и дифференцируется человеком...»³.

В классической материалистической философии (И. Гегель, Л. Фейербах, И. Кант, Ф. Шеллинг, И. Фихте) пространство определяется как форма бытия материи, характеризующая ее протяженность, структурность, сосуществование и взаимодействие элементов во всех материаль-

---

¹ Кант, И. Критика чистого разума [Текст] / И. Кант ; пер. с нем. Н. Лосского. – М. : Эксмо, 2006.

² Гёте, И. Максимум и рефлексии [Текст] : об искусстве / И. Гете // Собр. соч. : в 10 т. / И. Гёте. – М., 1980. – Т. 10. – С. 423-432.

³ Гак, В. Г. Языковые преобразования [Текст] / В. Г. Гак. – М. : Яз. рус. культуры, 1998. – С. 670.

ных системах. Пространство существует a priori: это онтологическая категория. Вся деятельность человека осуществляется в пространстве, все ощущения лежат в рамках пространства⁴.

Процесс формирования представлений о природе пространства не ограничивается либо только научными открытиями, либо философскими максимами. Это двусоставный процесс, объединяющий два начала – «эпистему» (от науки) и «софию» (от философии)⁵. Так научные открытия, интерпретирующие природу пространства, непременно находили отражение в философских концепциях. Vice versa, философские размышления являются катализатором дальнейших физико-математических обоснований теории.

Онтологический интерес к категории пространства расширил данное понятие настолько, что данное понятие встречается не только в философии или точных дисциплинах, но и в науках гуманитарного цикла. Например, объектом исследования становится «социокультурное пространство», «образовательное пространство», «художественное пространство» и его особый вид – «хронотоп».

В дефиниции «пространство», наиболее актуальной для нас является ее социокультурная составляющая. Так, отечественный философ П. Флоренский отметил, что «вся культура может быть истолкована как деятельность организации пространства»⁶.

---

⁴ Брокгауз, Ф. А. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона [Текст] : соврем. версия : в 82 т. / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – М. : Терра, 2000-2004.

⁵ Поппер, К. Миф концептуального каркаса [Текст] / К. Поппер // Поппер К. Логика и рост научного знания : избр. работы / К. Поппер. – М., 1983. – С. 445-467.

⁶ Флоренский, П. А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях [Текст] / П. А. Флоренский. – М. : Прогресс, 1993. – С. 55.

Опираясь категорией «социокультурность», мы придерживаемся традиции отечественного исследователя П. Сорокина, который одним из первых предложил рассматривать «социальное» и «культурное» в нерасчлененном виде⁷. «Социокультурное» невозможно рассматривать обособленно, т.к. подобный дискурс был бы *абсурдным* (термин, используемый П. Сорокиным). Любая организованная группа – социум – обязательно обладает «набором» ценностей (религиозными, моральными, эстетическими, экономическими), которые являются элементами культуры.

По нашему мнению, социокультурное пространство как (ре)транслятор культурных ценностей наиболее репрезентативно представлено городской формой организации жизни общества. В настоящее время город является доминирующей формой организации человеческой социокультурной активности. С древнейших времен вплоть до середины XIX века число горожан не превышало и 7%. По прогнозами экспертов ООН в ближайшие 25 лет доля городского населения может составить 80% от всех жителей планеты, сосредоточенных при этом всего на всего на 3-х% площади суши.

Основная проблема нашего исследования заключается в трудности дать точное и исчерпывающее определение дефиниции «городское пространство». Так, один из авторитетов науки о городе Л. Мамфорд сформулировал совокупность представлений об объекте нашего исследования: «Никакое одно определение нельзя приложить ко всем его проявлениям, и никакое одно описание не может охватить его превращения от зародышевого социального ядра до сложных форм его зрелости и физического разложения преклонного возраста. Происхождение города темно, большая часть его прошлого похоронена или стерта

---

⁷ Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество [Текст] / П. А. Сорокин. – М. : Политиздат, 1992. – С. 219.

так, что его невозможно восстановить, а его будущее трудно оценить»⁸. Диахронный, кросс-культурный, лингвистический анализы позволяют делать выводы, что понятие «городское пространство» изменялось не только во времени, но имеет различную интерпретацию в культурах, языковой традиции.

Этимологически слово «город» в русском языке близко к «ограждать», «городить» – то есть отделять *значимое* пространство от природного, «дикого». Однако современные города лишены крепостных стен. Более важным в настоящее время является инфраструктурная обеспеченность городского поселения, чем защитные стены. Судебная власть осуществляется не только в городах. Ярмарки и рынки, а также их «модификации» – торговые центры и супермаркеты – в настоящее время целесообразно размещать на окраине города или за его пределами.

В английской языковой традиции существует несколько номинаций – «city», «town», «borough», одинаково переводящиеся как «город». В русском языке (в разных исторических эпохах): «уездный город», «мегаполис», «индустриальный городской центр», «наукоград» и другие. Однако, термины отличаются количественными показателями – площадью или численностью населения. Но данное обстоятельство не лишает населения именоваться «городом».

Существуют количественные критерии, которые формально позволяют определять некое поселение как город. Апеллируя к количественным показателям, такие как «численность населения», «площадь городской застройки», которые характеризуют «город», мы исключаем из нашего внимания широких круг вопросов, важных для урбанистики – науки о городе, наиболее актуальный из которых – почему город является мощным аттрактором и по-

---

⁸ Mumford, L. The City in history: Its origins, its transformations and its prospects [Текст] / L. Mumford. – London : Penguin Books, 1966. – P. 11.

чему именно городское пространство обладает ценностью для человека; и др. Действительно, оперирование количественными характеристиками не в полной мере дает ответы на поставленный выше вопрос. Так, простейшим формальным критерием выделения города является категория численности, руководствуясь которой, казалось бы, можно четко разграничить различные виды поселений. Во многих странах законодательно закреплён статус городского поселения по численности – в Дании, например, городом может называться поселение численностью от 250 человек, а в Японии – начиная от 30 тысяч человек. Если говорить о протогородских поселениях (Месопотамия), то, численность жителей составляла несколько сотен человек.

По правилам, принятым в Российской Федерации, населенному пункту, чтобы получить статус города, необходимо иметь не менее 12 тысяч жителей и не менее 85% населения должно быть занято вне сельского хозяйства. Тем не менее, в нашей стране существуют исключения из данного правила в силу сложившихся исторических причин (например, посёлок городского типа Пашковский в Краснодарском крае, насчитывающий 43,0 тыс. жителей).

Таким образом, формальные критерии площади и численности не являются единственными критериями определения сущности «город», привнося субъективность в осмысление большого и малого.

Категорию «городское пространство» необходимо рассматривать в рамках социокультурной парадигмы. Под социокультурной парадигмой мы понимаем совокупность ценностных установок (мотивов, механизмов, паттернов), которые влияют на восприятие физического объекта, а также изменяют данный объект. Исследователь Ю.Д. Апресян отмечает, что способ восприятия имеет приоритет перед действительным положением вещей. Когда он расходится с фактами, предпочтение при осмыслении

реальности отдается ему “... для описания ряда значений языковых единиц требуется понятие пространства говорящего”⁹. Вне зависимости от того, какими бы мотивами – осознанными или подсознательными – ни руководствовался человек, все это репрезентируется в культурных феноменах, в частности – в городе. Процесс культуротворчества представляется как амбивалентный: человек – это генератор социокультурных феноменов, с другой, сам опосредуется социокультурным окружением.

Обратимся к качественным критериям выделения понятия «город» в рамках социокультурной парадигмы. Используя терминологию немецкого философа В. Дильтея (1833 – 1911), социокультурную парадигму можно определить как совокупность «наук о духе». Философ полагает, что в противоположность «науке о духе», к коей причисляют знание об обществе и его культуре, «от рациональности естественных наук, ускользает реальность человеческого бытия»¹⁰. Рациональные науки следуют логике причинно-следственных отношений, когда как «науки о духе» выражают эвристические возможности человека. Ценностное отношение к действительности, является определяющим в социокультурных дисциплинах, и в культурологии, в частности. Рассматривая городское пространство как культурологическую категорию, мы можем определить комплекс факторов, мотивов, механизмов, влияющих на субъект-объектные отношения между человеком и окружающим пространством, чего не может быть достигнуто методологическим инструментарием естественных наук.

---

⁹ Апресян, Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира [Текст] / Ю. Д. Апресян // Избр. тр. : в. 2 т. / Ю. Д. Апресян. – М., 1995. – Т. 2. – С. 625-650.

¹⁰ Дильтей, В. Собрание сочинений [Текст] : в 6 т. / В. Дильтей ; под ред. А. В. Михайлова, Н. С. Плотникова ; пер. с нем. В. С. Малахова. – М. : Дом интеллектуал. кн., 2000. – Т. 1 : Введение в науки о духе. – С. 292.

Итак, городское пространство может быть рассмотрено как практическая реализация ценностного отношения к пространству, как норма, традиция, наделенная уникальным культурным смыслом.

Подобный исследовательский дискурс привел к появлению отдельного направления, который в международной практике имеет название «Urban Studies» – совокупность дисциплин, охватывающих все аспекты городской жизни. В отечественной традиции аналог международной практике – культурология города. Исследовательница Л.Е. Трушина¹¹, выделяет культурологию города как самостоятельную дисциплину, выбирая в качестве объекта изучения городское пространство. Она считает, что культурология города имеет следующие исследовательские дискурсы:

- поиск жизненного центра города, в другой терминологии – «души», «формы». Антропологи называют это «менталитетом» – то, что сплавляет людей не только в пространстве, но и во времени – от поколения к поколению.
- Стилистический анализ архитектуры и дизайна городской среды – от пластической обработки артефактов мелкой политики и графического дизайна до рекламы и светового оформления города. Сюда же исследователь включает нормы стилистики поведения горожан на улице, манеры одеваться и речевая практика.
- Изучение коммуникативных процессов в городской среде – от открытых контактов, доступных визуальному контакту, до скрытых в виртуальной реальности.

Традиционно социокультурная парадигма в науке определяется как парадигма, исследующая формы органи-

---

¹¹ Трушина, Л. Е. Культурология города как самостоятельная дисциплина [Текст] / Л. Е. Трушина // Формирование дисциплинарного пространства культурологии : материалы науч.-метод. конф., 16 янв. 2001 г., г. Санкт-Петербург. – СПб., 2001. – С. 209-210.

зации человеческого опыта, реализующегося в культурных артефактах, информационных системах и формах человеческого поведения – ритуалах, обычаях, традициях. Ключевым в данном случае является понятие «смысла». Это тем более актуально, если учитывать, что «культура», в противоположность «природе», выражается в «символической форме».¹²

Уникальность города как среды, в которой постоянно «рождаются» новые смыслы, очевидна. Такое понимание семиотического явления подтверждается высказыванием С.П. Гурина: «реальность горожанина – это символическая реальность. Труд горожанина – это, прежде всего, работа с символами. Город – это место, где преобладает символическая деятельность: мифология, религия, идеология, искусство, кино, реклама, виртуальная реальность»¹³.

В рамках семиотической науки, любое пространство, в том числе и культурное, можно рассматривать как знаковую систему, **текст**. В отечественной науке этот подход был предложен Ю. Лотманом и другими представителями тартуско-московской семиотической школы. Но «культурный текст» понимается гораздо шире текста лингвистического. Общим остается то, что понятие знака рассматривается первоэлементом всякой семиотической системы. Такое представление о тексте восходит к Пирсу – Моррису.

По мнению Ю.М. Лотмана, для языкознания, оперирующего, например, единицами фонетики и их графической закреплённостью как соотношением планов содержа-

---

¹² Кассирер. Э. Философия символических форм [Текст] : в 3 т. / Э. Кассирер ; пер. с нем. С. А. Ромашина. – М. : Унив. кн. ; СПб. : Унив. кн., 2001. – Т. 1 : Язык. – С. 45.

¹³ Гурин, С. П. Образ города в культуре: метафизические и мистические аспекты [Электронный ресурс] / С. П. Гурин. – Режим доступа : http://www.comk.ru/HTML/gurin_doc.htm.

ния и выражения, оба плана оказываются сущностно важными. В семиотике культуры план выражения в лингвистическом понимании не всегда присутствует и обладает меньшей значимостью. В культурологии текст понимается как совокупность различных кодовых языков, природа которых различна. Так, в семиотике культуры может рассматриваться соединение «языка» танца и жеста, при этом полученный текст называют «текстом ритуала», или при симбиозе музыки и слова рождается танец, со своим оригинальным языком. Тексты такого типа намного богаче любого языка в чистом виде, поскольку при «декодировании» / «дешифровке» они обладают обширной смыслообразующей природой. И действительно, одно и то же явление в различных культурных традициях будет обладать различной смысловой наполненностью в силу различия кодовых систем.

Исходя из особого понимания текста в культурологии, Ю. Лотман приписывает ему своеобразные функции. Первая и главная функция любого текста – это **передача имеющейся информации**. Вторая функция – создание **новой информации**. Известно, что остановка – это движение назад, поэтому если текст не будет подвергаться постоянному обновлению, он может потерять статус культурно ценного. Третья функция текста – **сохранение памяти**. Текст в данном случае представляется не только неким генератором культурных смыслов, но и конденсатором культурной памяти. «Текст обладает способностью сохранять память о своих предшествующих контекстах»¹⁴.

«Текст» города включает в себя множество элементов как физические объекты (архитектурные доминанты, например), так и нематериальные, составляющие «город-

---

¹⁴ Лотман, Ю. М. Избранные статьи [Текст] : в 3 т. / Ю. М. Лотман. – Таллинн : Александра, 1993. – Т. 1 : Статьи по семантике и филологии культуры. – С. 162.

ской словарь». Данные элементы **передают имеющуюся информацию, генерируют новую информацию**, сохраняют память: мифологемы, урбанонимы («это знаковый континуум, содержательная сторона которого создает некое информационное пространство, и в нем образ города прорисовывается в различных смысловых модальностях»¹⁵

– название улиц, (не)формальные имена пространственных образований). Данный «именной пласт» *запоминает* события, связанные с городским пространством, т.к. он:

- характеризует ландшафт, указывая на его индивидуальные отличительные свойства;
- являются показателями социальной и деловой активности жителей города;
- ориентируют по отношению к **периферии** (направление из города) и **ядру** города;
- обозначают ценностное отношение к топосу (месту).

Городское пространство, несмотря на его видимую хаотичность, с помощью номинации его ключевых объектов стало представляться человеку упорядоченным, пригодным для жизни. Люди «одомашнили» дикое пространство, присвоив ему те имена, которые представляются им ценностными в своей жизнедеятельности.

Итак, социокультурная парадигма подразумевает широкий исследовательский дискурс и ни только не исключает экономическую, географическую, историческую, психологическую, социальную интерпретации категории «городское пространство», но привлекает методологию указанных выше подходов. Наиболее полным, с нашей точки зрения, является рассмотрение дефиниции как совокупности определенных пространств-пластов, в частности:

---

¹⁵ Голомидова, М. В. Образ пространства и пространственные образы в названиях старого Екатеринбурга [Текст] / М. В. Голомидова // Известия Уральского государственного университета. – 2001. – № 20. – С. 56-69.

- географического (город – это, прежде всего, всего локализованное пространство земной поверхности);
- исторического (город – это пространственное явление, которое разворачивается во времени);
- социального (город – это пространство, которое является результатом действия групп людей);
- ментального (город – это коллективный образ, амбивалентный по своей сути – он создается человеком, но он же и опосредует деятельность человека).

Каждый из указанных «пластов» является объектом специального (т.е. в рамках определенной науки) исследования.

В географии городское пространство является ключевым объектом изучения в силу методологической особенности данной дисциплины – географическая наука изучает природу и структуру земной поверхности, неотъемлемой частью которой является городское поселение. По ироничному высказыванию доктора искусствоведения В.Л. Глазычева, слово «город» употребляют все, но только географы точно знают, что они при этом имеют в виду – у них есть карта, на карте стоит точка, и рядом – надпись «город»¹⁶.

География изучает результаты размещения и пространственную организацию артефактов и природных объектов на Земле. Это позволяет объединять все географические науки, которые изучают как законы природы, так и законы функционирования хозяйства и общества. Предметом исследования являются территориальные системы: городские агломерации, транспортные системы, промышленные районы и др. – в экономической географии; клима-

---

¹⁶ Глазычев, В. Л. Представление о городе и технологии управления средовым развитием. Типология городов [Электронный ресурс] / В. Л. Глазычев. – Режим доступа : http://www.glazychev.ru/courses/1998-10-30_predstavlenie_o_gorode.htm.

тические зоны, особенности рельефа и др. – в физической географии.

В рамках географического подхода можно наблюдать два основных исследовательских направления, которые могут быть использованы применительно к анализу городского пространства: физическое (т.е. природное); экономическое (т.е. хозяйственное).

Основной целью географических наук является выявление характера взаимодействия между человеческим обществом и географической средой, чтобы найти пути рациональной территориальной организации общества и природопользования. Подобная дихотомия «природное – искусственное» реализуется в городе.

Классическое описание города как геосистемы начинается с определения его физического положение на поверхности Земли. Наиболее важными и актуальными характеристиками в данном случае являются координаты и местоположение объекта – долгота и широта, географический пояс, высотная зональность. Имея подобные данные, исследователь выстраивает физико-географическую модель городского пространства, которая включает: климатические особенности региона, специфику рельефа и ландшафта, уровень солнечной радиации, характер почвенного покрова и т.д. Далее географическая наука становится не столько описательной наукой, но – конструктивной и прогнозирующей. Исследователь может с большой долей вероятности выявить и объяснить логику развития данного пространственного феномена в качестве экономической или геополитической единицы.

Физическая география позволяет планировать и развивать модель народного хозяйства. Мы можем с большой долей вероятности предположить, каково промышленное и сельскохозяйственное производство в городской геосистеме, следовательно, это может быть город с высо-

кой долей, например, металлургического производства или сельского хозяйства. Очевидно, что человек будет развивать то, что предоставила ему природа в силу положения того или иного города на земной поверхности.

Физическая география объясняет роль того или иного города в социально-политической системе, которая может строиться исходя из особенностей его положения на земной поверхности (город-порт, транзитный город), специфики геологической и почвенной структуры земной поверхности, на которой он расположен (ресурсный город).

Эвристическое объединение двух дискурсов – *географического* и *социокультурного* – привело к появлению качественно нового – геокультурного. В данном случае мы можем говорить о геокультурном пространстве – ценностно маркированном географическом образе физического пространства, опосредованном культурой. Таким образом, рассматриваемый феномен является результатом действия двух факторов – природного (естественного) и социокультурного. В данном случае мы можем говорить о геокультурном пространстве – ценностно маркированном географическом образе физического пространства, опосредованном культурой.

Каждая культура создает и обладает репрезентативными образами географического пространства; это ее не-объемлемая черта. На традиционное физико-географическое пространство накладываются многочисленные «слои», различных по своему происхождению, структурам и способам функционирования¹⁷. И таким образом человек видит не «безликий рельеф», а пространство, «впитавшее» весь опыт и смысл культуры, которое исследователи называют географическим образом или геокulturой. Каждое место без исключения имеет свой гео-

---

¹⁷ Замятин, Д. Н. Метагеография: пространство образов и образы пространства [Текст] / Д. Н. Замятин. – М. : Аграф, 2004. – С. 21.

графический образ, опосредованный культурой. А так как культуре свойственно мифотворчество, т.е. создание множества представлений, то у одного и того же места может быть несколько географических образов. Таким образом, пространство города как место проживания человека и развития общества – состоит не просто из реальных наблюдаемых объектов, а является ментальным и мифическим представлением. Итак, город является сложным геокультурным образом.

Таким образом, было бы уместным говорить уже не просто о «физическом пространстве», а о «культурном ландшафте» (нем. «Landschaft», вид местности, от Land – земля и schaft – суффикс, выражающий взаимосвязь, взаимозависимость).

Если в классической географии понятие «ландшафта» определялся через «особенности, образы и структура специфической географической территории, включающей биологический состав, физическую окружающую среду и антропогенные, или социальные, системы»¹⁸, то в настоящее время это понятие включает — наряду с природными компонентами и результатами природообразовательской деятельности человека — также объекты материальной и духовной культуры¹⁹. А в руководящих документах ЮНЕСКО культурный ландшафт понимается как результат совместного творчества человека и природы (combined works of nature and of man). Культурный ландшафт иллюстрирует процессы эволюции общества под влиянием ус-

---

¹⁸ Пузаченко, Ю. Г. Разнообразие ландшафта и методы его измерения [Текст] / Ю. Г. Пузаченко, К. Н. Дьяконов, Г. М. Алещенко // География и мониторинг биоразнообразия / Н. В. Лебедева [и др.]. – М., 2002. – Разд. 2. – С. 145-302.

¹⁹ Веденин, Ю. А. Проблемы формирования культурного ландшафта и его изучения [Текст] / Ю. А. Веденин // Известия АН СССР. Сер. Географическая. – 1990. – № 1. – С. 5-17.

ловий природной среды и социальных, экономических и культурных процессов.

Различия между природным (физическим) и культурным ландшафтом можно представить посредством сопоставления пространственных категорий. Так в классической географии, физический ландшафт можно представить в виде трехмерной конструкции, обладающей параметрами высоты, длины, ширины. Культурный ландшафт — четырехмерный феномен, где помимо трех важнейших составляющих — длины, ширины и высоты, присутствует четвертая «невидимая» — смысловая (т.н. «семантическая нагрузка»). Также можно сказать, что ландшафт становится феноменом культуры по мере накопления в нем т.н. «неэнтропийных свойств» — признаков структурированности, освоенности («одомашнивания»), осмысленности пространства. Таким образом, «культурный ландшафт» — не просто прагматически освоенное человеком пространство, но в большей степени ценностная категория.

Геокультурную, то есть синтез физического и семантического пространств, составляющую городского пространства рассматривают такие исследователи, как Д.Н. Замятин, Ю.А. Веденин, В.Л. Каганский.

Городское пространство как геокультурная категория проанализирована В. Каганским. Ученый настаивает на том, что не следует рассматривать концентрическую пространственную структуру, города например, через классическую схему «центр – периферия». В данной схеме «Центр» представляет собой главный, активный и задающий всей системе смысл, компонент. А «Периферия» будет являться пассивной, подчиненной составляющей данной структуры. Каганский предлагает дополнить классическую схему по той причине, что она описывает только

«простой ареал» в «безразличной среде»²⁰, но реальность предполагает еще и «переходные», маргинальные зоны. Если их не учитывать, то происходит смещение ядра и основной зоны, окраины системы с ее рубежом. Учитывая все сказанное, В.Л. Каганский предлагает детализацию схемы и минимальным набором элементов (зон) в ней будет: центр, провинция, периферия, граница.

Центр. Городской центр концентрирует в себе всю специфику и разнообразие системы. Он является активно действующим и властным элементом всей структуры. Отсюда вытекает его основной статус – поддержание анти-энтропийных тенденций (удержание нарастания хаоса) в городской ареале. В доказательство можно сказать, что главные административные постройки в городе располагаются именно в центре. Они как бы «утверждают» себя на территории, откуда диктуют свою волю другим зонам. Также следует отметить, что при смене политического статуса в государстве, первые изменения происходят именно в центре города, потому что он репрезентует весь культурный ландшафт города.

Центр города – это место, где преобладают искусственные элементы среды, носящие подчас характер симулякра. Нигде в другом месте не обнаружится такое обилие рекламной информации.

Пространство центра является наиболее привлекательной частью любого города в экономическом, социальном и досугово-развлекательном плане. И действительно, все главные события происходят именно в центре города; самая дорогая недвижимость расположена именно здесь; деловая жизнь «кипит» именно в нем – все стремятся в центр. Поэтому центр города – это «сложная система

---

²⁰ Каганский В.Л. Основные зоны и типы культурного ландшафта [Текст] // Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. – М.: НЛЮ, 2001. – С. 62.

меньшинств»²¹. Центр является наиболее сильным аттрактором в городском пространстве.

Все эти факторы, несомненно, гиперболизируют образ центра в создании горожан. Они стремятся провести свое свободное время в нем, надевают самую лучшую одежду при посещении центра. Для многих горожан центр города – это синоним самого города.

Провинция. Это, прежде всего, зона, удаленная от «краев и крайностей»²². Она является базой всей системы... «Провинция – производственная база системы»²³. Пример большинства промышленных городов показывает, что большую часть рабочей силы Центр *черпает* именно из Провинции.

Провинция – это самодостаточная территория, так как она содержит «мощное самописание ... является убежищем культурно значимых текстов»²⁴. Каганский в данном случае приводит Русский Север как источник фольклора. Провинция характеризуется доминантой оперирования конкретными предметами, в отличие от Центра, где предметы замещаются их знаками, символами. С этим согласен психолог А.С. Обухов: «В сельской местности природные реалии выступают на передний план, а рукотворная среда во многом является для человека посредником, средством взаимодействия с ней. В городе предметная среда отгораживает существование человека от природы»²⁵. В качестве примера может служить восприятие денежных единиц в Центре и Провинции.

---

²¹ Там же. С. 68.

²² Там же. С. 78.

²³ Там же. С. 79.

²⁴ Там же. С. 80.

²⁵ Обухов, А. Построение программы психологического исследования личности в контексте русской традиционной культуры [Электронный ресурс] / А. Обухов. – Режим доступа : <http://rl-online.ru/articles/1-02/32.html>.

Периферия. Периферия – это, прежде всего, зависимая от Центра территория. Это ресурсная база системы. «Пространство этой территории присвоено, а не освоено, неопределенно»²⁶. Поэтому Центру выгодно жестко эксплуатировать Периферию. Парадоксальность данной территории заключается в том, что она предельно фрагментарна и максимально централизована. Это объясняется тем фактом, что единственно важное направление для нее – это курс на Центр.

Население периферии представляет собой «неукорененных» жителей. Если в провинции горожане в большинстве своем являются таковыми во 2-3 поколениях, то на периферии – это люди, которые недавно «примерили» на себя роль городского обывателя.

Для периферии характерно натуральное хозяйство с использованием природных ресурсов. В данной ландшафтной зоне преобладает агрессивное пренебрежение, как этими ресурсами, так и самой территорией²⁷. На периферийных территориях многих районных городов особую статью расходов жителей покрывается за счет огородного хозяйства. Так зона медленно превращается в деревню, но импульсы, поступающие из центра не дают этому процессу свершиться окончательно.

Граница – это, прежде всего, «антиЦентр» и «контрЦентр». Если учесть, что Периферия – это «несамодостаточная и центростремительная зона, то Граница – это несамодостаточная центробежная сила»²⁸. Диалектику зоны «Граница» можно понять из того, что она есть некий «Рубикон», т.е. область между компонентами разных сис-

---

²⁶ Каганский В.Л. Основные зоны и типы культурного ландшафта [Текст] // Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. – М.: НЛЮ, 2001. – С. 82.

²⁷ Там же. С. 87.

²⁸ Там же. С.86.

тем. Отсюда и структура данной зоны – хаотичное разнообразие. Граница – это неполный переход из одной зоны в иную, частью ни одной из этих зон не являясь. Это окончание одной из зон, но еще не полноценное начало следующей ступени ландшафта. Функция Границы – медиативная, это плавный рубеж, характеризующийся компиляцией признаков обеих ландшафтных систем. Следует также учитывать, что Граница – это маргинальная территория.

Если в провинции наиболее важным показателем социального комфорта было ценностное отношение к топосу и соседу, то на границе особенности мест стираются и обесцениваются межличностные связи.

Необходимо подчеркнуть, что рассмотрение городского пространства с точки зрения зон культурного ландшафта во многом носит релевантный характер, т.е. статус зоны зависит от позиции наблюдателя. Также внутренне зоны могут делиться на подуровни. В провинции можно выделить смысловой центр, а в самом центре присутствуют периферийные участки. Таким образом городское пространство представляется не «складом-музеем-свалкой вещей без связи», а «сложной и обязывающей цельной средой»²⁹.

Предложенная В. Каганским познавательная схема в актуальных городских реалиях, как нам кажется, репрезентирована в двух измерениях: материальный дискурс (застройка, планировка, ландшафтная организация) и виртуально-символическом (городские информационные и знаковые системы, ментальность, геокультурный образ). Схема *работает* как в «классическом» (провинциальном, нестоличном, либо в котором сильны традиции прошлых исторических эпох), так и в «постсовременном» городе, в частности, в городе-мегаполисе. Однако необходимо доба-

---

²⁹ Там же. С. 95.

вить некоторыми дополнения и пояснения к каждой конкретной городской ситуации.

Классический город – это город, мыслимый в категориях «структуры», «структуралистский» город. В таком городе, исходя из специфики архитектоники и социокультурной динамики, мы можем относительно четко выделить «центр», «провинцию», «периферию», «границу». Логика социокультурного процесса определена центростремительным вектором. Геокультурные зоны представляются контрастными и выстраивают иерархию. Данное обстоятельство мы можем иллюстрировать тем, как происходит распространение нововведений и информации. В классическом городе этот процесс проходит от «зон первого порядка» к зонам «второго порядка», от ведущих экономических районов, которые генерируют «новое», к районам периферии, т.е. в одном направлении.

В постсовременном городе два измерения имеют не просто различную природу, но противоречат друг другу. *Образно говоря*, «план содержания» не совпадает с «планом выражения». За *пост-неклассическим* городом признается качество пост-структуралистского феномена. По мнению Ж. Дерриды «Центр» «ускользает от структурности», это «функция, в которой до бесконечности разыгрываются подстановки знаков»³⁰. В данном случае города имеют номинальный центр как сосредоточение финансовой, политической, экономической активности. Однако ментально и с точки зрения ценностного восприятия человеком города «Центр» *расплывается* и накладывается на другие зоны. В «провинции», «периферии», «границе» появляются свои «Центры», которые сами могут генерировать «новое», т.е. становятся субъектами социокультурного процесса. Традиционная концентрическая схема модифицируется в

---

³⁰ Деррида, Ж. Письмо и различие [Текст] / Ж. Деррида ; пер. с фр. Д. Ю. Кралечкина. – СПб. : Акад. проект, 2000. – С. 371.

ацентричную, либо полицентричную, превращаясь в гиперсеть, которая не имеет одного центра.

Особенность российской урбанизации, как нам кажется, может быть описана через данную схему.

Специфика исторической методологии при рассмотрении пространственного феномена заключается в сравнении состояния данного феномена в исторически разные периоды времени, регистрации и описании качественных и количественных изменений, которые произошли в эти периоды. По замечанию Л.Н.Гумилева, «история – это наука о событиях в их связи и последовательности. Эталон, которым пользуется историческая наука, является общественный институт, коим может быть государство, племенной союз, религиозная группа, торговая компания, политическая партия т.д., словом любое учреждение в любых веках и у любых народов»³¹. Методология истории связана с представлением различий во времени.

Среди методов исторической науки наиболее часто используют метод выделения локально-исторических типов. Универсальность данного метода в том, что косвенно он позволяет проводить диахронный анализ исследуемого феномена – анализ изменений структуры объекта во времени. Применительно к анализу городского пространства, можно придерживаться следующей классификации городов – в рамках исторической методологии: архаический город, античный город, средневековый город, современный город.

На ранних этапах развития общества определяющую роль играет природный, географический фактор. Эта закономерность прослеживается в любом регионе земного шара. Архаические городские поселения, расположенные, например, на территории современного Ближнего Востока

---

³¹ Гумилев, Л. Н. Этносфера: история людей и история природы [Текст] / Л. Н. Гумилев. – СПб: Кристалл, 2002. – С.47.

– Месопотамии или Древнего Египта, во многом зависят от климата и сезонных осадков, что влияет на ирригацию посевной площади; рельефа и ландшафта местности, уровня солнечной активности. Позднее географический фактор ослабевает – по мере освоения природы. Рассматривая специфику архаического городского поселения, исследователи определяют его через функции защиты и политико-административной (религиозно-сакральной) организации окружающего пространства.

Древнегреческая полисная культура представляла собой сеть обособленных городских поселений. Полисная система описана А.Ф. Лосевым³². Только коренной житель полиса считался полноправный членом общества. Город являлся коллективом равноправных и лично свободных граждан; этот коллектив (политес) совпадал с коллективом домохозяев и землевладельцев (ойкономов). Будучи таковым, он обладал широкими – по меркам Древнего мира – правами и возможностями: избирать и быть избранным, посещать театр, заниматься законодательной деятельностью. Только в рамках полиса человек мог существовать не только физически, но и вести полноценную жизнь, достойную свободного человека. Атрибутами полноправного жителя античного полиса являлись личная свобода человека (отсутствие какой бы то ни было зависимости от другого лица); право выбора занятий и хозяйственной деятельности; право обсуждения дел на народном собрании.

Самым страшным наказанием для жителя полиса считалось изгнание из города. Изгнание приравнивалось к смерти, так как указанные выше атрибуты жителя полиса были доступны только в «родном» полисе. Эллин был полноправным гражданином лишь в своем маленьком го-

---

³² Лосев, А. Ф. Двенадцать тезисов об античной культуре [Текст] / А. Ф. Лосев // Лосев А. Ф. История Античной эстетики: итоги тысячелетнего развития : в 2 кн. / А. Ф. Лосев. – М., 1992. – Кн. 1. – С. 314-322.

роде – государстве. Стоило ему переехать в соседний, – и он превращался в бесправного метека (от греч. *metoikos*, буквально – переселенец, чужеземец), платившего особый налог. Метеками являлись богатые рабовладельцы, торговцы, владельцы мастерских. Будучи лично свободными, метеки не имели политических прав, что являлось наивысшей ценностью для коренного жителя полиса. Древние греки осознавали свою *со-причастность* к городскому пространству, поэтому родной «топос» являлся наивысшей ценностью.

Характерной особенностью средневекового городского пространства является его сословный характер. Так, ремесленники, купцы объединялись в гильдии, которые могли противостоять крупным феодалам, отдельным монархиям. Жизнь средневекового горожанина регламентировалась во всех ее проявлениях. Цеховые уставы, городские уложения, «правды», капитулярии обуславливали не только производственную сторону жизни бюргера, но морально-этическую. Несмотря на социальную дифференциацию («феодалы», «крепостные», «ремесленники», «горожане») все жители именовали себя «братьями», многие события и мероприятия были направлены на укрепления этого чувства – города имели своего святого покровителя, городские праздники. Средневековый город силен своим корпоративистским духом, что позволяло защититься от угроз нападения извне.

В исторической науке современное городское пространство интерпретируется как «лаборатория, приёмник, хранитель культуры и высших показателей цивилизованности»³³. Город предельно функционален. Показательно в данной связи высказывание Ле Корбюзье – «отца» современной архитектуры и теоретика урбанистики, что «дом –

---

³³ Граве, И. М. История в краеведении [Текст] / И. М. Граве // Краеведение. – 1996. – № 4. – С.30.

это «машина для жилья». «Можно менять эту «машину для жилья» так же часто, как меняют велосипед, холодильник, автомобиль. Точно так же можно покидать родной город или родную провинцию, если только этому не мешает перемена климата»³⁴. Каждый феномен предметной среды является способом удовлетворения той или иной потребности горожанина: физиологической, духовной. Основная функция городского пространства, с точки зрения Ле Корбюзье – организовать «цикл ежедневных функций: жить, работать, отдыхать, передвигаться»³⁵.

В постсовременном городе наивысшей ценностью – капиталом – является информация. Город опутывается своего рода информационными связями, при которых расстояние и местонахождение в какой бы то ни было точке городского пространства, уже не имеет значения. В современных мегаполисах, например, обеспеченность территории оптико-волоконным Интернет-соединением является определяющим критерием при выборе того или иного места работы или ведения бизнеса. Развитие информационных коммуникаций с очевидностью уменьшает пространственную близость между местом проживания и местом выполнения работы. В связи с этими изменениями мы можем констатировать появление нового типа городского пространства, которое можно определить как «виртуальное», а сам город назвать «информационным».

С точки зрения исторической науки, городское пространство понимается как индивидуальный временной срез общественной жизни – с этим связаны, в частности, типологии, основанные на исторических формациях: Древний мир, Средние века, Новое время и т.д. По высказыванию известного отечественного историка С.Ф. Платонова «ис-

---

³⁴ Там же. С. 31

³⁵ Ле Корбюзье, Ш. Э. Архитектура XX века [Текст] : пер. с фр. / Ш. Э. Ле Корбюзье. М. : Прогресс, 1977. – С. 176.

тория – есть наука, изучающая конкретные факты в условиях именно времени и места, и главной целью ее признается систематическое изображение развития и изменений жизни отдельных исторических обществ и всего человечества»³⁶.

Городское пространство как исторический феномен было рассмотрено такими исследователями как Ж. Ле Гофф и «школа Анналов», О. Тьерри, Ф. Гизо, Г. Маурер, С. Костов (Spiro Kostof), Л. Мамфорд – в западной исторической традиции. В отечественной исторической науке – Л.Н. Гумилёвым, А.А. Сванидзе, С.М. Стамом.

Примером синтеза культурологического знания и исторической науки является направление, разработанное, в частности, в рамках «школы Анналов» (в научной литературе иногда встречается другое название – «Новая историческая наука»). Жак Ле Гофф – один из виднейших представителей данной школы – предложил новую эвристическую дисциплину «историческую антропологию». «Она охватывает собою все достижения «Новой исторической науки», объединяя изучение менталитета, материальной жизни, повседневности вокруг понятия антропологии. Она охватывает все новые области исследования, такие как изучение тела, жестов, устного слова, ритуала, символики и т.п.»³⁷.

Метаисторический подход – использование инструментария и методологии истории совместно с другими (географии, этнологии, археологии, классической физикой)

---

³⁶ Платонов, С. Ф. Полный курс лекций по русской истории [Текст] / С. Ф. Платонов. – СПб. : Литера, 2000. – С.8.

³⁷ Гуревич, А. Я. Исторический синтез и школа Анналов [Текст] / А. Я. Гуревич. – М. : Индрик, 1993. – С. 297.

– предложен А. Тойнби в его концепции «Вызов-и-Ответ», объясняющей причину развития цивилизаций и культур³⁸.

В рамках социологической парадигмы городское пространство стало впервые объектом научного изучения. Социология – это «наука об обществе как целостной системе и об отдельных социальных институтах, процессах и группах, рассматриваемых в их связи с общественным целым»³⁹. В рамках социологической науки выделяется отдельная дисциплина – социология города – «специальная социологическая теория, объектом познания которой является город как социально-пространственная общность, исторически конкретная поселенческая структура, основная форма расселения людей»⁴⁰. Предметом изучения является механизм городского устройства и городские подсистемы. Ключевыми и операционными понятиями социологии города являются: производственная инфраструктура города, города социальная инфраструктура, городской образ жизни, городская культура, социальный состав городского населения, городского населения социальная стратификация, города социальная морфология.

Базовой категорией для социологии выступает «социальное взаимодействие», «социальная реальность» (терминология в разных исследовательских традициях) – в той или иной мере ее используют большинство социологических школ. Интерпретация этой категории происходит через изучение и рефлекссию общественных совместных практик, частным проявлением которой является город.

---

³⁸ Тойнби, А. Д. Постигание истории [Текст] / А. Д. Тойнби ; пер. с англ. Е. Д. Жаркова. – М. : Прогресс : Культура, 1996.

³⁹ Брокгауз, Ф. А. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона [Текст] : соврем. версия : в 82 т. / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – М. : Терра, 2000-2004.

⁴⁰ Социология [Текст] : энциклопедия / сост. А. А. Грицанов [и др.]. – Минск : Кн. Дом, 2003.

Социологическое знание как таковое зародилось в городах – в середине XIX века. Процесс урбанизации как глобального явления совпадает с научным оформлением социологии, как самостоятельной дисциплины. Итак, городское пространство в силу методологических установок становится «проблемным полем» социологии. Социологическая традиция накопила самый большой исследовательский материал, позволяющий интерпретировать урбанистические процессы, понять, что такое город как социальная реальность.

Так, для Э. Дюркгейма социальная реальность, коей является город, представляет собой сеть невидимых связей, образующих пространство. Социальное пространство города складывается из внешних по отношению друг к другу позиций и характеризуется соотношением друг с другом – близостью, соседством или удаленностью, – а также взаимным расположением в пространстве относительно друг друга – выше- или нижестоящим, промежуточным или срединным⁴¹.

В классическом марксизме город следствием «капиталистической формации», отражающем ее основную черту – классовую борьбу.

Ф. Теннис определяет город как «ассоциативный» тип сообщества. Основной принцип, который «работает» в городе – это рациональный обмен, что делает социальные отношения безличными и отстраненными.

Наибольшее влияние на развитие социологических представлений о городском пространстве оказал немецкий исследователь М. Вебер – в работе «Город».

---

⁴¹ Дюркгейм, Э. Метод социологии [Текст] / Э. Дюркгейм // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков : учеб. пособие для студентов вузов / под общ. ред. В. И. Добренкова. – М., 1996. – С. 256-309.

Анализируя исторические факты, исследователь задался основным вопросом – «что необходимо понимать под городом». Привлекая *на помощь* историю, Вебер диалектически подходит к расстраиваемому объекту, т.е. в его противоречивости и многогранности.

Итак, предвосхищая многие возражения настоящих и будущих критиков, Вебер с первых же строк своего труда заявляет, что определений «города могут быть самыми различными по своему характеру»⁴². Общественная жизнь есть, по Веберу, сознательная, ценностно-ориентированная деятельность. Поэтому попытки трактовать общественное явление, которым является в частности город, как механизм, систему материальных отношений, складывающихся независимо от сознания человека, отражают узкоспециальный подход. Действия людей протекают в нормативно-ценностных рамках, которые во многом зависят от исторического времени. Отсюда множество оговорок, к которым Вебер прибегает для определения дефиниции «город». Таким образом, автор классифицирует города по типам, анализирует их различия, объясняет те или иные влияния обстоятельств, которые приводят к формированию определенного типа. Так, у Вебера появляются западный город, античный город, средневековый город, плебейский город, азиатский город, каждый из которых имеет свою специфику и внутреннюю, непохожую на другие типы, динамику. Но всё же существуют определенные характеристики, которые являются общими для «*идеального типа*» (термин Вебера) города. Прежде всего, это то, «что город представляет собой замкнутое (во всяком случае, относительно) поселение, «населенный пункт», а не одно или несколько отдельно расположенных жилищ»⁴³. Так же в ряд особенно-

---

⁴² 17. Вебер, М. Город [Текст] / М. Вебер // Вебер М. История хозяйства. Город : пер. с нем. / М. Вебер. – М., 2001. – С. 336.

⁴³ Там же. С. 336.

стей универсального типа города, которые бы характеризовали исследуемый феномен, как специфическое поселение, Вебер ставит социальные и экономические критерии. С социальной точки зрения, город представляет собой населенный пункт, в котором «отсутствует специфическое для общества соседей личное знакомство друг с другом. При таком определении городами можно было бы считать лишь достаточно большие поселения; а при какой величине поселения этот признак можно считать определяющим, зависело бы от общих культурных условий»⁴⁴. И действительно, количественный признак не является определяющим, т.к. существуют города с населением в одну тысячу жителей (Дания, например) и деревни в несколько сот дворов, как в России.

О «городе» в социально-экономическом смысле можно говорить, если население удовлетворяет свои ежедневные потребности на местном рынке. Отличая город от деревни, следует подчеркнуть, что для первого свойственно тот факт, что горожане не заняты сельскохозяйственным трудом, но ремеслом и торговлей. И как следствие, признаком городского поселения – многообразие занятий.

Вслед за Вебером мы понимаем под городом – с социологической точки зрения – следующую сумму характеристик.

С точки зрения социологической традиции город – это «исторически сложившаяся, территориально локализованная *форма организации жизнедеятельности общества*, в основе функционирования которой лежит механизм городского устройства, выражающий способ взаимосвязи подсистем, составляющих социально-пространственную структуру»⁴⁵. Таким образом, городское пространство –

---

⁴⁴ Там же. С. 336.

⁴⁵ Социология [Текст] : энциклопедия / сост. А. А. Грицанов [и др.]. – Минск : Кн. Дом, 2003.

это, прежде всего, территориально локализованное социальное пространство.

Значительный вклад в развитие методологии социологических исследований городского пространства был сделан на рубеже XIX – XX вв. Это позволило сформироваться отдельному направлению в рамках социологической науки.

Для П. Бурдые социальное пространство – город – является систематизированным пересечением связей, объединяющих субъектов, обладающих общими признаками. Социальное пространство обладает способностью функционировать как символическое пространство жизненных стилей и статусных групп, характеризующихся различным стилем жизни⁴⁶.

Благодаря научной деятельности т.н. «чикагской школы» (представители: Э. Берджесс, Р. Парк, Л. Вирт и др.), городская социология выделилась в отдельное направление. В соответствии с идеями Парка и Берджесса город является совокупностью зон, каждая из которых сложилась в ходе борьбы разных городских групп за блага цивилизации: жилье, услуги, работа, отдых и т.д. Кроме того, представители данного направления придавали существенное значение влиянию различных сообществ и субкультур, которые также «климат» социокультурного пространства города.

Исследователи Бергер и Лукман считают, что город можно охарактеризовать как плюралистическую ситуацию «с сильно развитым разделением труда, сопутствующей высокой дифференциацией социальной структуры и большими экономическими излишками»⁴⁷. Для данной группы

---

⁴⁶ Бурдые, П. Социальное пространство и генезис «классов» [Текст] / П. Бурдые // Вопросы социологии. – 1992. – Т. 1. – № 1. – С. 17-26.

⁴⁷ Бергер, П. Социальное конструирование реальности [Текст] : трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Медиум, 1995.

исследователей город – это сконструированное группой людей пространство действий. С точки зрения Бергера и Лукмана социальная институциональная реальность конструируется в несколько этапах. На первом этапе любое повторяющееся действие отрабатывается человеком до автоматизма. В дальнейшем это же действие выполняется с большей экономией усилий и высвобождает силы для инновационной деятельности. Таким образом, «задний план опривыченной деятельности предоставляет возможности переднему плану для рассуждения и инновации»⁴⁸. Второй этап – это институализация. Типовые действия постепенно классифицируются, оформляются в некие шаблоны. Институт – это «взаимная типизация опривыченных действий деятелями разного рода»⁴⁹. При этом типичность должна быть и развиваться также с точки зрения деятелей, т.е. «институт исходит из того, что действия типа X должны совершаться деятелями типа X»⁵⁰.

Последним этап конструирования реальности является ее овеществление, материализация. Эта кристаллизация происходит из поколения в поколения. Когда появляется новое поколение, сложившаяся до них социальная реальность воспринимается «сама собой разумеющейся», – возможность ее изменения практически не мыслится. Окружающая реальность становится законной благодаря трудам предыдущих поколений. Авторы подчеркивают, что «лишь с передачей социального мира новому поколению ... фундаментальная социальная диалектика приобретает завершенность»⁵¹.

---

⁴⁸ Бергер, П. Социальное конструирование реальности [Текст] : трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Медиум, 1995. – С. 91.

⁴⁹ Там же. С. 92.

⁵⁰ Там же. С. 92.

⁵¹ Там же. С. 102-103.

Посмотрим, как конструируется социальная реальность городского пространства с точки зрения Бергера и Лукмана. В определенный момент истории человек, скорее всего опытным путем, пришел к выводу, что лучшим способом адаптации к окружающей и противостоящей ему природе является оседлый образ жизни – нет необходимости частной смены жеста проживания, что требует значительных временных и физических затрат. Отработанные за многие поколения типовые действия строительства жилищ при оседлом образе жизни высвобождают время на *экспериментальную* деятельность – совершенствовать строительные и земледельческие техники, улучшать системы управления группами людей. Новые поколения «уже-горожан» не представляют себе такую кочевую реальность, при которой жили их «отцы». Институты (религиозные, политические, экономико-хозяйственные), полученные по наследству, восприниматься легитимными. Поддержание и развитие институций происходит за счет того, что каждое поколение истолковывает терминами своего времени, т.к. первоначальный их смысл уже не доступен в категориях памяти. Наиболее гибкой системой, позволяющей установленной реальности *подстраиваться* под «вызовы» времени, являются знаковые и символические системы, а также язык.

Современная социологическая традиция условно разделила городское пространство на два уровня: *микроуровень* и *макроуровень*. На микроуровне человек организует пространство, которое можно назвать, воспользовавшись определением Г. Зиммеля, как «личное». Это пространство является своеобразной «малой охранной зоной» для человека. Некий пиетет в отношении «личного пространства» характерен только для городского жителя. Как болезненно житель мегаполиса воспринимает, например, если кто-то близко к нему прислонится в метро или прися-

дет рядом на скамеечку в парке. Но городские реалии таковы, что повседневная жизнь – это столкновение многих «личных пространств». Как себя поведет горожанин на качественно новом – макроуровне?

Человек разделяет реальность повседневной жизни с другими людьми. Без других людей не может быть полноценного социального взаимодействия. В этом случае социальное взаимодействие может быть двух видов: *реальное* (лицом – к – лицу) и *анонимное* (посредством социальных ролей-функций). В результате *реального* взаимодействия происходит постоянный взаимообмен экспрессивности, имеет место непосредственная данность партнера, его действий, атрибутов, а главное – мир обогащается множеством признаков конкретного человека. Подобным образом строится «живая реальность».

На другом полюсе от «живой реальности» – мир анонимности. Анонимность возрастает по мере того, как человек отдаляется от своего партнера. «Непосредственная данность партнера» заменяется его типизацией, абстракцией, лишенной уникальными качествами, присущими живому человеку.

Из разнонаправленных процессов строится городская жизнь – есть ближний круг социального взаимодействия (ситуация «лицом – к – лицу») и периферийный круг (анонимность и типизация). Характер отношений кругов социального взаимодействия будет характеризовать качество социального пространства: либо город станет благоприятной средой для человека, либо он превратится, по словам Зиммеля, в «невротика».

Характеристики социального пространства современного города можно выявить, применяя т.н. контент-анализ средств массовой информации: газет, журналов, телевидения, web-ресурсов. Контент-анализ (от англ.: contents – содержание, содержимое) – социологическая ме-

тодика исследования, подразумевающая анализ содержания массивов и продуктов коммуникативной корреспонденции. Примером такого анализа может являться одно и то же сообщение, но в разных газетах. В одной из них сообщение является «нейтральным», в другой – выделено шрифтами, дополнено фотографиями, иллюстрациями; оно может располагаться на первой полосе. Политический контент-анализ (Дж. Б. Мангейм, Р. К. Рич⁵²), контент-анализ медиа-текста (Б. Берельсон: «Контент-анализ является объективным, систематическим и количественным описанием явного содержания коммуникации»⁵³) описывают социальное пространство современного города.

Итак, контент-анализ СМИ, которые являются «лакусовой бумажкой» общества, характеризуют состояние социального пространства современного города. Социолингвистический анализ современной газетной риторики позволяет нам заявлять, что социальное пространство города обладает следующими особенностями:

- Гетерогенностью. Эта особенность проявляется в наличии неоднородности городского населения, например, в актуализации субкультур в современном обществе (молодежной, криминальной, профессиональной и т.п.).
- Динамичностью. Социальная мобильность горожан – вертикальная (например, карьерный рост) и горизонтальная (внутри социальной группы) отличается головокружительной скоростью.
- Размытостью границ. СМИ уделяют большое внимание маргинальным проявлениям городской жизни. Теперь представители маргинальных групп становятся «героями» газетных рубрик или телевизионных программ.

---

⁵² Мангейм, Д. Б. Политология: методы исследования [Текст] : пер. с англ. / Д. Б. Мангейм, Р. К. Рич. – М. : Весь Мир, 1997.

⁵³ Berelson, B. Content Analysis in Communication Research [Текст] / B. Berelson. – Glencoe : Free press, 1952. – P. 15.

Эти выводы можно сделать, прочитав заголовки газет или журналов, посмотрев ТВ – передачи. Города несут с собой одновременно и разнообразие социальных форм взаимодействия, и социальную аномию.

Итак, в социологической традиции городское пространство рассматривается как результат (взаимо)действия социальных групп.

Примером наук, сочетающих методологии социальных наук и культурологического знания, является антропология, в частности, социальная и культурная антропология. Один из авторитетных отечественных исследователей-антропологов Орлова Э.А. считает, что «культурная (социальная) антропология – это социально-научная дисциплина, в рамках которой человек изучается через анализ его взаимодействия с природным и искусственным окружением; через исследование причин, факторов и механизмов, обуславливающих порождение, поддержание и изменение людьми создаваемых ими объектов (артефактов)»⁵⁴. В научной литературе предлагается рассмотрение следующей структуры – «человек-культура-пространство». Социокультурная парадигма, предложенная антропологическим дискурсом, как нельзя лучше, позволяет рассмотреть городское пространство в поставленной проблематике. Данный аспект позволяет определить городское пространство как феномен являющийся результатом не только деятельности человека, но и обуславливающим его социокультурную активность.

Механизм наделения природного (естественного) пространства социокультурным смыслом был подробно рассмотрен М. Элиаде на примере того, как религиозный человек – *homo religiosus* – задает онтологические координаты окружающему миру. Для носителя религиозного соз-

---

⁵⁴ Орлова, Э. А. Культурная (социальная) антропология [Текст] : учеб. пособие для вузов / Э. А. Орлов. – М. : Акад. Проект, 2004. – С.32.

нения пространство представляется неоднородной субстанцией – «в нем много *разрывов, разломов*; одни части пространства качественно отличаются от других»⁵⁵. То есть для такого человека существуют пространства:

- «священное» – место сильное и значимое. «Это – разрыв пространства, позволяющий сотворить Мир, т.к. он обнаруживает «точку отсчета», центральную ось всякой последующей ориентации», создавая при этом некий «Центр Мира»;
- «неосвященное» – не имеющая ни структуры, ни содержания, аморфная зона.

Подобное членение пространства обнаруживает своеобразную дихотомию – противопоставление «Хаоса» и «Космоса». Если, по терминологии М. Элиаде, «Космос» – это «наш мир», то «Хаос» представляет собой «чужое ... пространство, населенное лаврами, демонами, «чужими». Оборудованное и обитаемое пространство противостоит неизвестному. В своей ментальности религиозный человек ощущает, что он защищен от воздействия «чужого» мира всей мощью «своего» – гарантированного и освященного – пространства.

В мирском же, лишенном религиозного подтекста, восприятии пространство является однородным и нейтральным. Оно предельно геометрично и его составные части качественно никак не выделяются. Однако автор оговаривается, что подобное мироощущение в чистом виде никогда не встречается. Действительно, какой бы ни была «степень десакрализации Мира, человек, избравший мирской образ жизни, не способен полностью отделаться от религиозного поведения». Подсознательно «мирское существование сохраняет в себе следы религиозных оценок Мира». Все же определенно существуют некие величины,

---

⁵⁵ Элиаде, М. Священное и мирское [Текст] / М. Элиаде ; пер. с фр. Н. К. Гарбовского. – М. : Изд-во МГУ, 1994. – С. 22.

которые дают знать о «неоднородности пространства». «Какие-то особые места, качественно отличные от других: родной пейзаж, место, где родилась первая любовь, улица или квартал первого иностранного города, увиденного в юности, сохраняют даже для человека искренне нерелигиозного особое качество – быть «единственными»⁵⁶. Это и есть «святые места» для нерелигиозного человека.

Но если у религиозного человека «Центр Мира» – это один определенный топос, то у светского – их много. Таким образом, с онтологической точки зрения, «истинная ориентация» исчезает. Иначе говоря, «больше нет «Мира», а есть лишь осколки разрушенной Вселенной, т.е. аморфная масса бесконечно большого числа «мест» более или менее нейтральных, где человек перемещается, движимый житейскими потребностями, обычными для существования в индустриальном обществе».

В соответствии с подобными представлениями о пространстве человек и выстраивает «отношения» со своим жильем, городом. Центр города является наиболее сакральной частью. Первое, что делают люди при основании города – это выбирают его центр. Относительно центра выстраивается планировка будущего города. Сакральность центра закрепляется размещением некоей постройкой-доминантой – религиозного характера (храмом, пирамидой, ступой), общественно-политической или деловой (здание городской ратуши, парламента, правительственной резиденции).

В самом центре Космоса находится так называемый *Axis mundi* – «Ось Мира», «Пуп Вселенной», вокруг которой простирается весь обитаемый мир.

Axis mundi связывает собой три Мира: Небо (Мир Богов), Землю («Космос»), нижние области (Антимир).

---

⁵⁶ Элиаде, М. Священное и мирское [Текст] / М. Элиаде ; пер. с фр. Н. К. Гарбовского. – М. : Изд-во МГУ, 1994. – С. 25.

Подобная трехчленная конструкция и подобный подход разработан отечественными исследователями городских текстов, в частности, петербургского и московского. Исследователи выделяют, что Петербург (и далее, экстраполируя это на другие города) имеет три уровня: «душа», «тело», «брюхо».

Душа («Небо», «Мир Богов»). Это то, что делает город неповторимым, отличает его от других городов. Душа, дух Петербурга складывался на протяжении трех веков, и во многом благодаря литературе, уникальной архитектуре. Литературные образы, стереотипы настолько прочно вошли в реальность горожанина и его гостей города, что сформировали новую реальность. Душа Петербурга, в частности, описывалась Н. Анциферовым⁵⁷.

Тело («Земля»). Городское тело складывается из ежедневных практик, социальных взаимодействий горожан. Это наиболее динамичная часть социокультурного пространства города – публичная сфера жизни города.

«Брюхо» («Низ», «Антимир»). Часть города, которая в силу своей маргинальности, «выпадает» из официальной и публичной жизни города. Так, московское «брюхо» описывал В. Гиляровский⁵⁸, петербургское – исследователь А. Бахтияров⁵⁹.

Как мы уже сказали, данной описательной методикой – в той или иной мере – придерживаются многие исследователи при анализе пространства конкретного города. Исследователи описывают не только физическое пространство, но социокультурное – *ценностно значимое*.

---

⁵⁷ Анциферов, Н. П. Душа Петербурга [Текст] / Н. П. Анциферов. – СПб. : Лира, 1991.

⁵⁸ Гиляровский, В. А. Собрание сочинений [Текст] : в 4 т. / В. А. Гиляровский. – М. : Правда, 1989. – Т. 4.

⁵⁹ Бахтияров, А. А. Брюхо Петербурга [Текст] : очерки столич. жизни / А. А. Бахтияров. – СПб. : Ферт, 1995.

Ценностное отношение к городскому пространству раскрывается через феномен «утопии». Греческое слово «утопия», буквально означает «нигде», «несуществующее место», которое стало нарицательным благодаря одноименному произведению английского философа Томаса Мора, изобразившего пример идеального места для бытия.

Заметим, что предметом утопий становился исключительно определенный тип пространственной организации – городское пространство. Возможная причина видится в том, что город является естественным и в то же время упорядоченным образованием – в противовес загадочной и таящей в себе неизвестное природе. Город в утопиях представляется наивысшим творением человеческого разума, имеет идеальные пропорции и формы (круга, квадрата), четкую радиальную или кольцевую застройку пространства: улицы пересекаются под прямыми углами, в центре города всегда находится некая сакральная или общественно важная постройка.

При анализе утопических представлений о городе выделяются два вектора, которые репрезентуют ментальность человека в отношении этого феномена:

1. Город является космологической метафорой, «калькой» *верхнего* мира, является *результатом* «божественного откровения».

2. Город – это место идеального порядка, социальной справедливости, кульминация цивилизации, и в то же время – антитеза иррациональной природы.

Представление о городе как универсальной космологической категории можно обнаружить на ранних этапах человеческой истории. Каждая архаическая культура или культура Древнего мира мыслила *огороженное пространство* не просто обычное поселение. Своим расположением, внутренней и внешней структурой организации пространства протогородское поселение манифестирует свою

тесную связь с *Универсумом*. Так, у многих древних городов Междуречья, по поверью, существовали «звездные прототипы»: у Ниневии – в созвездии Большой Медведицы, Ашура – на звезде Арктур, Ниппур – в созвездии Рака. Появление городов было связано с божественным промыслом. В соответствии с главой «Апокалипсиса» (21:2), земной Иерусалим сошел с небес от Бога. Город – это посредник между мирами. Вавилон (в переводе с шумерского – «ворота богов») является местом, где боги спускаются на землю. А в римской традиции, «*tundus*» или ров вокруг основанного города – это место, где земные и небесные силы встречаются: «когда *tundus* разомкнут, то это боги открыли ворота мрачного ада». (Пер. «Сатурналий» Макробия, I, 16). Внешне, город противостоит окружающему ему «негарантированному пространству». Аналогичные воззрения мы находим и в средневековых утопиях. Одной из характерных черт средневекового мировоззрения является представление о существовании двух противопоставленных друг другу миров – «Града Земного» и «Града Божьего». Самое яркое представление этой идеи может быть найдено в религиозном трактате «О Граде Божьем»⁶⁰ — философском труде средневекового теолога Св.Августина. В его труде образ города («Земной» или «Божий») становится скорее метафорой, чем материальной категорией. При описании образа города очень редко используются какие-либо архитектурные элементы, как стены, городские ворота, площади. Основа этих «городов» теолог видит в идеях, которые они собой воплощают. «Божий Град» живет из любви к Богу, а внутренняя логика «Земного Града» подчинена эгоистическим «злым» принципам. Августин противопоставляет два города друг другу еще и тем, что один («Божий») является «пилигримом на

---

⁶⁰ Saint Augustine. The City of God [Текст] / Saint Augustine. – London : Penguin books, 1972.

земле»⁶¹, а основатель другого – это первый человекоубийца Каин. Показательно также и то, что «Земной Град» должен быть подчинен «Божьему» — он является «необходимым злом», пока продолжается исторический конфликт добра и зла. «Земной Град» — пространственно-временной промежуток между грехопадением и Судным Днем. Подтверждение этому можно проследить, если проанализировать иконографию города Средних веков. В средневековом искусстве города обычно были населены демоническими фигурами, на картинах/гравюрах изображались падшие женщины, алчные горожане, жонглеры и акробаты, символизирующие распутность «земной жизни».

Отличительная черта утопий традиционных обществ – ретроспективный характер — «идеальное общество» существовало в «золотом веке», в далеком прошлом. В эпоху, последующую Возрождению и Новому времени утопические представления о городском пространстве манифестируют собой место идеального порядка, наивысший расцвет цивилизации – и это существует либо в настоящее время (но на других континентах или странах: Т.Мор, Т. Капманелла), либо может быть осуществлено в недалеком будущем (Дж. Оруэлл).

Процесс взаимодействия (диффузии, т.е. взаимопроникновения) городского пространства и сознания человека может быть интерпретировано через категорию «ментальности».

Первоначально термин «ментальность», производное от термина «менталитет», употреблялись в психологии. Исследователь А.Я. Гуревич определяет «ментальность» как некий «психологический инструментарий» и «специфическую структуру сознания», не высказанный

---

⁶¹ Там же. XVIII, 54.

эксплицитно; умственные установки, общие ориентации и привычки сознания индивида⁶².

«Ментальность» в психологии – это состояние субъекта. «Ментальность» в культурологии – социально-психологические и этнические особенности группы людей, «групповая психология». Это – «характерная для конкретной культуры (субкультуры) специфика психической жизни людей, детерминированная, в первую очередь, экономическими и политическими обстоятельствами и имеющая надсознательный характер»⁶³. Так, ментальность раскрывается через архетипы, образы коллективного группового бессознательного.

Ментальная модель ландшафта в сознании горожанина раскрывается через «образы пространства», или «ментальные карты». Английский исследователь Дж. Тробриндж одним из первых употребил термин «ментальная карта»⁶⁴. Ментальная карта – это образ города, складывающийся в сознании человека в результате лично важных особенностей города (социокультурных, исторических, архитектурных) и психологических свойств самого человека. В соответствии с проведенными опросами лондонский рабочих, ученый делал графические зарисовки ориентации испытуемых относительно собственного дома, в противовес ориентации по сторонам света. Исследование показало, что у каждого жителя есть «личный» образ города.

В городском пространстве ментальность приобретает уникальные свойства, которые определяются функция-

---

⁶² Гуревич, А. Я. Изучение ментальностей: социальная история и психология исторического синтеза [Текст] / А. Я. Гуревич // Советская этнография. – 1988. – № 6. – С. 16-25.

⁶³ Социальная психология [Текст] : словарь / под ред. М. Ю. Кондратьева // Психологический лексикон : энцикл. словарь : в 6 т. / под общ. ред. А. В. Петровского. – М. : ПЕР СЭ ; СПб. : Речь, 2006.

⁶⁴ Trowbridge, G. On fundamental methods of orientation and 'Imaginary maps' [Текст] / G. Trowbridge // Science. – Vol. 88. – 1913. – P. 45-56.

ми. Основными функциями ментальности в городском пространстве можно назвать функции объединения и различения.

Функция объединения. Жители одного города стараются придерживаться одних и тех же норм, правил и порядков, начиная от любви к определенной футбольной команды и заканчивая общественно-политическими пристрастиями (так в политологии существуют определенные наименования городов в связи с их политической активностью, в России, например, «города красного пояса», поддерживающие коммунистическую партию).

Функция различения. По той же самой причине, что и в случае с функцией объединения, жители разных городов иногда испытывают определенную «неприязнь» к жителям иных городов. Существует определенная «конкуренция» (социальная, культурная, политическая, административная) между жителями крупнейших городов \ районов в пределах одного государства \ муниципалитета.

Современные исследователи выделяют следующие типы ментальности: индивидуальная, групповая, национальная ментальность, цивилизационная.

Данные типы ментальности представлены в городском пространстве.

На динамику городской ментальности влияют многие факторы: особенности городской застройки, природные и климатические особенности окружающей среды, тип городского управления или самоуправления, стиль городского поведения.

Ментальное пространство города – это пространство личных переживаний, ценностное отношение к окружающему. Ментальное пространство города изменчиво во времени. То, каким представляли себе свой родной город его жители и гости – его образ, менялся. Невозможно однозначно ответить на вопрос, кто инициировал подобную

смену – сами жители или сам город влияет на окружающих – это амбивалентный процесс.

Социокультурная традиция позволяет открыть *феноменологический* смысл категории «городское пространство». Особенности культурологического знания – возможности междисциплинарного подхода в рассмотрении изучаемого явления, использовать инструментарий других наук. Эвристический потенциал, полученный за счет объединения с другими науками (географией, историей, социологией, философией, психологией, педагогикой), позволяет на качественно новом исследовательском уровне взглянуть на природу исследуемого явления. Феноменология стремится описать события и действия повседневной жизни такими, какими они являются, на лишенном догматики взгляде в его плюралистическом варианте. Основная интенция данного взгляда раскрывается через высказывание основоположника феноменологии Э. Гуссерля, который полагал, что «по мере развития феноменологии совершенствуется намеченная Лейбницем универсальная онтология, унификация всех мыслимых априорных наук и реализуется на новом, недогматическом основании феноменологического метода»⁶⁵.

В основе феноменологического подхода лежат такие методологические установки, которые мы используем в нашем исследовании – редукция, идеация, эпохе. Так, установка «эпохе» означает в нашем исследовании отказ от однозначного, раз и навсегда данного представления или верования от объекте и предмете исследования. «Идеация», «категориальное созерцание» позволяют нам всесторонний взгляд на исследуемую проблему, причем, исключая из внимания какой-либо мистический опыт. Метода «редукции» исключает из нашего исследовательского поля

---

⁶⁵ Гуссерль, Э. Феноменология [Текст] / Э. Гуссерль // Логос. – 1991. – № 1. – С. 12-21.

привычный взгляд на проблематику, отсеивает такие элементы и выводы, которые не могут быть реализованы и не реализуются в опыте сознания.

Таким образом, при исследовании городского пространства феноменологически исследователь «вынужден» прибегать ко многим подходам, точкам зрения, традициям, методологиям. Поэтому, нам кажется, что феноменологически городское пространство может быть и должно быть описано в рамках культурологии – универсальной гуманитарной дисциплины, примиряющей многие, на первых взгляд, противоречивые подходы.

Так, феноменологическое прочтение городского пространства позволило, в частности, американскому исследователю Кевину Линчу проанализировать городское пространство через категорию «образа города», который формируется в сознании жителей.

Американский урбанист Кевин Линч является тем исследователем, научная деятельность которого во многом определила направление развития современной *градоведческой* мысли. Несмотря на то, что первые труды К. Линча были опубликованы еще в 1960 – ые гг. (например, фундаментальная и во многом знаковая работа «Образ города» вышла в свет 1960 г.), частота цитируемости его публикаций по-прежнему чрезвычайно высока. Отдельные его идеи с незначительными изменениями можно встретить у многих современных теоретиков городского пространства.

Концептуальное ядро системы Линча – городское пространство, его образ в человеческом восприятии – раскрывается в книге «Образ города»⁶⁶. Приведем центральную мысль данной работы: «Всё воспринимается не само по себе, а в отношении к окружению, к связанному с ним цепочкам событий, к памяти о прежнем опыте. У каждого

---

⁶⁶ Линч, К. Образ города [Текст] / К. Линч ; пер. с англ. В. Л. Глазычева ; сост. А. В. Иконников. – М. : Стройиздат, 1982.

горожанина есть свои ассоциации, связанные с какой-либо частью города, и этот персональный образ пронизан воспоминаниями и значениями»⁶⁷.

Американский исследователь отмечает, что формирование образа города является двухсторонним процессом. Город – это не только физический объект, он также становится продуктом деятельности многих профессиональных групп людей: дизайнеров, застройщиков, архитекторов, которые постоянно изменяют его структуру. Уловив диалектичность и противоречивость данного процесса, К. Линч формулирует задачи, цели своего исследования. Именно поэтому мы можем смело назвать излагаемые им идеи целостной системой. Ясность и четкость, с которой автор излагает свою теорию, можно сравнить с ясностью и четкостью зданий, выстроенных в стиле функционализма.

Итак, К. Линч поставил перед собой следующую задачу – рассмотреть визуальное качество городского пространства (на примере американских городов) и проанализировать ментальный образ города, которым обладают его жители. Основным критерием визуального качества городского пространства можно назвать *читаемость ландшафта*, под которым понимается легкость распознавания и упорядочивания частей города в единое целое. Поэтому «читаемый город» можно назвать таким, в котором элементы с легкостью группируются в целостную картину. Этим определяется цель исследования – «отстоять взгляд, согласно которому читаемость имеет ключевое значение в сложении города»⁶⁸.

По мнению данного исследователя, мир может быть упорядочен через систему «ключевых точек». «Сколько бы ни различались способы упорядочивания, сколько бы ни казалось бесконечным число потенциальных «ключей», с

---

⁶⁷ Там же. С. 15.

⁶⁸ Там же. С. 16.

помощью которых можно расчленять видимый мир, все они указывают на единство средства, которые мы используем для определения своего местонахождения в нашем городском мире»⁶⁹. Большинство данных «ключей» соответствует абстрактным типам элементов образа города: путь, ориентир, граница, узел, район. Данные элементы носят универсальный характер, так как они проявляются во множестве типов образа окружения. Приведем авторское понимание «ключевых точек» городского пространства:

1. Пути – «это коммуникации, вдоль которых наблюдатель может перемещаться постоянно, периодически или только потенциально»⁷⁰. В качестве «пути» может выступать тротуары, улицы, железные дороги. Именно они являются организующими элементами городской среды в формировании образа окружения, относительно которых выстраиваются все остальные «ключи». Подавляющее большинство людей обозревают город, двигаясь по нему через эти «пути».

2. Границы – элементы окружения, являющиеся «стыками» между двумя состояниями; «линейные разрывы непрерывности»: стены, окраины жилых районов, берега рек. Границы также служат для многих горожан в качестве организующего элемента: они охватывают и очерчивают определенные зоны городского пространства.

3. Районы – «части города, средние по величине и представляемые как двухмерная протяженность, в которую наблюдатель мысленно входит «изнутри»⁷¹. Так, известно, что большинство горожан структурируют пространство своего города по неким сегментам – «районам».

---

⁶⁹ Там же. С. 20.

⁷⁰ Там же. С. 51.

⁷¹ Там же. С. 51.

4. Узлами можно назвать такие стратегические точки города, в которых максимально сфокусированы и сконцентрированы какие-либо функции или особенности пространства. Зачастую «узлы» приобретают черты центробежной силы для целого района и обладают символическим значением.

5. Ориентиры – точечные пространственные элементы, которые являются внешними по отношению к наблюдателю. Используемый ориентир является таким, если он вычленяется из множества. Такими ориентирами могут быть стела, здание, гора, фасад. Один тип ориентиров – дистанционные – воспринимаются с разного расстояния и под разными углами, как правило, поверх других пространственных элементов. Другие – локального типа – могут быть атрибутированы только в пределах ограниченного пространства и с определенных подходов. Это бесчисленное количество знаков, рекламных витрин, деревья – все то, на что большинство жителей полагаются по мере того, как маршрут становится всё более знакомым.

Очевидно, что не существует «идеальных» (т.е. изолированных) пространственных элементов. Так, каждый район насыщен узлами, определен с помощью границ, пронизан путями и насыщен ориентирами. Все эти элементы действуют одновременно в едином контексте, формируя пространственные представления о городах.

Итак, социокультурный смысл категории «городское пространство» может быть сформулирован в следующем виде – это ценностное восприятие города или его частей, являющееся результатом взаимодействия четырех субстанций или элементов: «пространства, времени, смысла и коммуникации»⁷². Поэтому объектом нашего внимания являются не только физически воспринимаемые объ-

---

⁷² Тишков, В. А. Культурный смысл пространства [Текст] / В. А. Тишков // Этножурнал. – 2003. – № 8. – С. 32-41.

екты, но, прежде всего, ментально освоенные элементы городского ландшафта. При подобном дискурсе городское пространство является уникальной социокультурной программой («социогеном»), которая генерирует и транслирует человеку «мир ценностей», самоусложняясь, порождая новые проблемы (социокультурные ситуации), сама их решает.

Современная интерпретация дефиниции «город» представляет собой рассмотрение совокупности географической, исторической, социологической, составляющих исследуемого феномена, актуализируемых в рамках социокультурной парадигмы.

С географической точки зрения город – это «долговременное скопление людей и их жилищ, занимающее значительное пространство и расположенное в центре крупных коммуникаций»⁷³. Основными факторами, определяющими специфику географического пространства города, являются природные, присущие данной территории: климат, уровень солнечной радиации, ландшафт, влажность. В данном случае городское пространство функционирует как интерференция антропогенного и природного начал.

Социальное пространство города – это пространство взаимодействия групп людей, проживающих на данной территории. Современные социологические концепции рассматривают город не просто как форму поселения или тип производства, но так особый тип социальности, специфика которой заключается в совмещении, интеграции различных форм и видов человеческой активности в рамках одной саморазвивающейся системы.

Историческое пространство города представлено совокупностью феноменов – физических и нематериаль-

---

⁷³ Ратцель, Ф. Земля и жизнь: сравнительное землеведение [Текст] : в 2 т. / Ф. Ратцель. – СПб. : Просвещение, 1905.

ных, отражающих качественные и количественные изменения относительно временных отрезков, протекающих на определенной территории.

Эвристический синтез рассмотренных выше парадигм (исторической, географической, социологической, психологической) и культурологической позволяют рассмотреть феномен городского пространства на качественно ином исследовательском уровне. В этой связи мы можем выделить этапы анализа городского пространства, которые могут стать элементами методики:

- геокультурный образ городского пространства;
- изменчивость взаимоотношения человека и городского пространства во времени;
- городское пространство как результат ценностно ориентированной деятельности социальных групп;
- специфика семиосферы городского пространства;

Предложенный исследовательский дискурс позволит нам в дальнейшем рассмотреть городскую пространственность с точки зрения культурно-образовательной функции.

Итак, социокультурная парадигма в интерпретации категории «городское пространство» придерживается междисциплинарного и комплексного подхода. Комплексность и междисциплинарный аспект позволяют исследовать объект с точки зрения его жизненной ценности для человека.

1.2. Культурно-образовательное пространство города

Современная гуманитарная наука рассматривает культуру в рамках деятельностного подхода. Человеческая деятельность – осознанная или бессознательная, мотивы, специфика, модели – конструирует социокультурную реальность городского пространства. Исследовательская мысль, в частности, педагогическая, рассматривает городское пространство через его культурно-образовательную составляющую. Понятие «культурно-образовательное пространство», которое объединяет два концепта «культура» и «образование» в их пространственном контексте, позволяет интегрировать междисциплинарные проблемы, которые невозможно рассмотреть в рамках отдельной дисциплины. Город совмещает указанные концепты: «культура», «образование», «пространство».

Феномены «культура» и «образование» выполняют схожие и взаимодополняемые функции. Это определяется тем обстоятельством, что оба явления имеют общую цель – воспроизводство социокультурного бытия. Так, трансляция культуры (национальной, глобальной) – как совокупности ценностей и норм – является одной из важнейших составляющих современного образовательного процесса. Образовательная функция культуры подразумевает воспитание полноценного члена культурной или социальной группы (через язык, систему символов, обычаев, традиций и др.). На институциональном уровне (учреждения системы образования и культуры) – данные феномены так тесно связаны и представлены, что невозможно провести демаркационной линии и ответить на вопрос, где заканчивается «одно» и начинается «другое», какое учреждение является исключительно «культурным» или «образовательным». Однако мы не предлагаем ставить знак равенства между культурным пространством и образовательным простран-

ством. Мы считаем, что культурное пространство шире образовательного, и образовательное пространство является лишь частью культурного.

В рамках деятельностного подхода культура анализируется, с одной стороны, как личностное развитие, с другой – человеческая универсалия. Универсалия в том смысле, что характерная для всего человечества система внебиологических механизмов, «благодаря которым действия людей особым образом стимулируются, программируются, воспроизводятся»⁷⁴ и возможна активность, как таковая. К таким механизмам относятся: социогенетические потребности, знания, орудия труда, юридические установления, одежда, пища, жилища и множество других явлений. Так, благодаря исторически выбранному способу деятельности, обеспечивающему адаптацию различных народов к условиям окружающей их природной и социальной среды, возможно объяснение феномена «этничности», «национальной культуры». Действительно, аксиологическая составляющая культуры реализуется в деятельности. Причем образование (и в нормативном отношении и с юридической точки зрения) – это целенаправленный динамический процесс.

Образование – это способ войти в культуру. Широкий комплекс культурных феноменов – ценности, нормы, эталоны – направлены на то, чтобы процесс образования был успешным. О важности образования можно судить по тому факту, что оно является отдельным социальным институтом, особой функцией общества. Элементом системы культуры можно выделить систему образования.

---

⁷⁴ Маркарян, Э. С. Об исходных методологических предпосылках исследования этнических культур [Текст] / Э. С. Маркарян // Методологические проблемы этнических культур : материалы симп. – Ереван, 1978. – С. 8.

Социокультурная парадигма (в диахронном и синхронном аспекте) отражается на образовательной модели. Мы можем говорить об изменчивой и детерминированной (исторически или географически) образовательной модели. Так, в Средние века образование являлось элитарным – только малая часть социума – монашество, составлявшее элиту общества – имело или могло иметь образование; зачастую дворяне не имели должного образования, чтобы в состоянии прочитать какой-либо текст. Педагогическая модель – эзотерическая (т.н. «педагогика идеала») – образовательный процесс характеризуется идеализацией учителя, катарктическими переживаниями. Образование 20 века можно охарактеризовать как эгалитарное, педагогическая модель – стандартизация и типизация, что, как нам кажется, связано с процессом массовой индустриализации.

Учитывая вышесказанное, мы можем сформулировать рабочее определение термина «культурно-образовательное пространство», под которым мы понимаем динамическую (в том смысле, что динамически развивающуюся) целостность или структуру, элементы которой используются субъектами социокультурного процесса для трансляции и освоения актуального комплекса ценностей и смыслов.

Город – будучи частным проявлением культурного пространства – может быть рассмотрено как образовательное. Мы предлагаем следующий исследовательский курс: рассмотреть феномены, которые делают городское культурное пространство образовательным.

Поскольку культурное пространство города – многоуровневая система, мы выделяем макро-, мезо- и микроуровни культурно-образовательного пространства города.

Макроуровень. В данном случае человек представляет городское пространство как гештальт – обобщенный образ. Можно отметить, что у каждого горожанина «свой

образ города». Помимо этого существуют коллективные образы города, город как архетип. Анализ макроуровня позволяет характеризовать «ткань» культурно-образовательного пространства в целом, например, «разорвано» оно или гомогенно. Городской образ формирует особую городскую ментальность – в качестве примера можно привести неповторимую и особую ментальность жителей Санкт-Петербурга, Парижа, Венеции и др. знаменитых городов, т.н. *genius loci*. «Связь человека с местом его обитания загадочна, но очевидна. Ведает ею известный древним *genius loci*, гений места, связывающий интеллектуальные, духовные, эмоциональные явления с их материальной средой»⁷⁵. В современных исследованиях все чаще звучит сравнение города с брендом – концептуально аналогичное понятию «торговая марка» в русской языковой традиции. Грамотная работа с брендом города позволяет городским властям привлекать инвестиции, туристов, изменить у жителей устоявшееся негативное восприятие.

Городской образ реализуется в семантической форме – городском именном пласте, городской топонимике, которая представлена как в прагматическом плане (официально: городская символика, в частности), так и в эмоционально-оценочном (субкультурный).

Мезоуровень. На данном уровне выделяются конкретные элементы и структура культурно-образовательного пространства города: район, квартал, дом. Данный уровень представлен в частности архитектурной городского пространства, под которой понимают общее устройство городской территории: архитектурно-эстетический план, инфраструктурный план, а также курс отдельных элементов: рекламы, СМИ, транспорта,

---

⁷⁵ Вайль, П. Гений места [Текст] / П. Вайль. – М. : КоЛибри, 2008. – С. 5.

символики и т.д.⁷⁶ Таким образом, архитектоника городского пространства – это окультуренная природная территория. Человек разрабатывает городскую архитектонику на трех уровнях: воздушном, наземном, подземном. Чем больше разработана архитектоника в определенном городе на указанных трех уровнях, тем большим аттрактором он является.

Микроуровень культурно-образовательного пространства города представлено личностью и индивидуальностью человека. Исследователь А.М. Бекарев показал, что индивидуальное пространство задано тремя координатами, характеризующими отношения: «я могу», «мне нужно», «я нужен»⁷⁷. Так место человека в пространстве зависит от того, что нужно обществу и кто нужен ему. Культурно-образовательное пространство на его микроуровне формирует т.н. зоны или локусы приватного самочувствия. Отсутствие зоны приватного самочувствия в городе как таковой негативно влияет на индивидуальное самочувствие горожанина. Зоны приватного самочувствия формируются на основе устойчивого эмоционального отношения к определенной части городского пространства. Зоной приватного самочувствия в городском пространстве может быть дом, памятное место, природный ландшафт.

Вхождение в образовательное пространство города описывается двумя категориями «социализация» и «инкультурация». В научной литературе существует дискуссия по поводу дефиниций – «социализация» и «инкультурация». Понятие «социализация», введенное в научный

---

⁷⁶ Пирогов, С. В. Социология города [Текст] : программа дисциплины / С. В. Пирогов ; Томск. гос. ун-т им. В. В. Куйбышева. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2003. – С. 91.

⁷⁷ Бекарев, А. М. Свобода человека в социальном пространстве [Текст] / А. М. Бекарев ; Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. – Н. Новгород : Изд-во Нижегород. ун-та, 1992.

обиход в 30-ые гг. XX века, определяет процесс усвоения и воспроизведение индивидом социокультурного опыта. Социализация является результатом влияния на личность «жизненных ситуаций», которые складываются из паттернов (образцов) поведения, ценностей, социальных ролей, норм, характерный для определенной социальной группы или системы: возрастной, профессионально-деловой. Исследователь В.И. Шевандрина определяет социализацию как «процесс и результат включения индивида в социальные отношения. Она осуществляется путем усвоения индивидом социального опыта и воспроизведения его в своей деятельности. В процессе социализации индивид становится личностью и приобретает необходимые для жизни среди людей знания, умения, навыки, т.е. способность общаться и взаимодействовать с другими людьми»⁷⁸.

Определение «инкультурация» представляет собой процесс приобщения ребенка (в узком смысле) или индивида (в широком смысле) к особенностям конкретной культуры. Дискуссия об уместности выделения понятия «инкультурация» связана с тем, что, по мнению некоторых исследователей, оно является частным проявлением более общего – «социализации».

Мы придерживаемся мнения, что «социализация» и «инкультурация» являются хоть и во многом схожими понятиями и явлениями, но имеют ряд принципиальных отличий. Инкультурация начинается с момента рождения и продолжается всю жизнь. Это внеинституциональная форма приобретения знаний и опыта, т.к. базируется на коммуникации с представителями «своей» культуры. Результатом инкультурации является человек, компетентный воспроизводить культурно значимые элементы: ценность, обря-

---

⁷⁸ Шевандрин, Н. И. Социальная психология в образовании [Текст] : учеб. пособие / Н. И. Шевандрин. – Ч. 1 : Концептуальные и прикладные основы социальной психологии. – М. : Владос, 1995.

ды\ритуалы, язык. Социализация происходит благодаря специализированным институтам (образование, государство). Результатом социализации является личность, которая способна поддерживать и развивать структуру общества. «правильное включение в жизнь общества, правильная социализация возможны лишь тогда, когда человек сознательно стремится к гармонии собственного "Я" с интересами других людей, не только умеет, но и старается поступиться своими желаниями в интересах общего блага»⁷⁹.

Таким образом, под социализацией понимают социальные аспекты адаптации к среде обитания, ее институтам – в частности, институт образования, что позволяет стать «полноценным членом общества\социума». Под инкультурацией – культуротворческие (аксиологические, гносеологические) аспекты приспособления к среде обитания.

Отличительная особенность социализации, происходящей в городе – это ее сверхдинамический характер. Социализации городского жителя имеет модальности (десоциализация, ресоциализация), что не характерно для других типов поселений. Так, в городском пространстве проявляется десоциализация (процесс, обратный социализации) – утрата индивидом социальных ценностей и норм вследствие каких-либо внешних факторов. Данное явление сопровождается невозможностью найти социальной группы, с которой индивид мог бы себя ассоциировать.

Горожанин находится в такой ситуации, что *выполняет* несколько социальных ролей – зачастую накладывающихся одна на другую. Если инкультурация, как процессуальное явление, происходит в жизни человека единожды, то горожанин переживает множество качественно разных видов социализации (политическая, профессиональная) за относительно короткие временные отрезки.

---

⁷⁹ Сухомлинский, В. А. Методика воспитания коллектива [Текст] / В. А. Сухомлинский. – М. : Просвещение, 1981.

Итак, погружение в городское пространство – это перманентный цикл ресоциализаций. Более того, элементы человеческого бытия, вырабатываемые в процессе инкультурации, редуцируются или нивелируются – такие, как принадлежность к этнической группе, языковая (лингвистическая) специализация. На первый план выходят элементы бытия, инициированные социализацией. Нам кажется, что образовательное пространство города становится эвристическим только тогда, когда первое – социализация – не умоляет второе, но дополняет.

Овладение культурным комплексом (язык, орудия труда) невозможно без социальной структуры – так как одну из культурных универсалий можно сформулировать следующим образом: «культура не могла бы существовать в обществе, состоящем из одного человека». С другой стороны, социальная структура – как система взаимоотношений – выстраивается на основе конвенциально принятом культурном комплексе. Как только данный комплекс разрушается, социальную структуру охватывает явление, в научной литературе называемое «аномией». Данное определение, введенное Э.Дюркгеймом, означает такое состояние общества, в котором разрушены системы общественных норм и ценностей. Современные исследования понимают под аномией «отсутствие чёткой системы социальных норм, разрушение единства культуры, вследствие чего жизненный опыт людей перестает соответствовать идеальным общественным нормам»⁸⁰. Понятие «нормативности» является важнейшим концептом и элементом образовательного пространства города. Можно заметить, что понятие «нормы» в городе является динамическим и релевантным. Норма, которая исходит из традиции, в городском пространстве теряет актуальность. Если принять во внима-

---

⁸⁰ Громов, И. А. Западная социология [Текст] : учеб. пособие / И. А. Громов, И. А. Мацкевич, В. А. Семёнов. – СПб. : ДНК, 2003. – С. 531.

ние, что город – это гетерогенная материя (в социальном и этическом отношении), то норма «X» одной группы (социальной или этнической) накладывается на норму «Y» другой группы. В итоге появляется качественно новая норма, отвечающая общим потребностям коллектива. Так только соотношение или баланс между группами нарушается (вследствие миграционных волн, урбанизации, субурбанизации и т.п.), появляется потребность в новой конвенции – норме. Более того, категория «нормы» подразумевает более либеральные санкции за их нарушение, чем в традиционном обществе. Поясним это на хрестоматийной схеме, приведенной ниже. Для городского пространства характерна высокая степень дифференциации категории «норма»: привычки, обычаи, традиции, нравы, законы, табу. При этом степень их распространенности обратно пропорциональна степени жесткости санкций, налагаемых за их нарушение, т.е. привычки являются самой распространенной «нормой» в городском пространстве с самыми лояльными санкциями.

Социализация происходит по крайней мере в трех основных сферах – в деятельности, в общении в самосознании. Посмотрим, как это реализуется в культурно-образовательном пространстве города.

В сфере деятельности социализация проявляется, как освоение и расширение видов социокультурной активности, в процессе чего усваиваются новые нормативные и поведенческие установки. В условиях городской реальности человек, в противовес, традиционному (*негородскому*), вынужден прибегать к инновационным видам социокультурной активности. Чтобы достигнуть поставленной цели, в ситуации повышенной социальной конкуренции, человеку необходимо осмысливать не только характер и результат чужих действий, но использовать качественно иную методологию. Примером может служить

стремление городских жителей получать новые знания, проходить переквалификации, т.е. повышать свои конкурентные преимущества. Наличие дополнительного образования является формальным критерием для приема на престижную работу при равном профессиональном опыте двух соискателей.

В сфере общения социализация осуществляется за счет расширения круга общения и обогащения коммуникативных навыков. Действительно, город порождает ситуацию «коммуникативного котла» – разнообразие «жанров» общения: формального, неформального, ожидаемого. В отличие от деревенского коммуникативного акта в городе его результат во многом непредсказуем. Кроме того, в городском пространстве присутствует множество «коммуникативных медиаторов», которые отделяют участников общения от непосредственного сенситивного контакта: СМИ, реклама, медиасфера. Наиболее востребованными в городе являются специалисты, компетентные в области информационных технологий или специализированных коммуникаций (например, маркетинговых, общественных, корпоративных).

В сфере самосознания социализация протекает за счет формирования образа собственного Я: осмысления социальной принадлежности, роли в обществе, самооценке. Результатом социализации в городе является полистиличный «образ Я». Разнообразие форм социокультурной активности порождают вариативность социальных ролей. Можно также отметить, что горожанина характерна динамичная самооценка, которая может значительно меняться за короткие временные отрезки, что противопоставляется «не-горожанину», который имеет статичную и детерминированную малым количеством обстоятельств структуру сознания и самооценки.

Как нам кажется, на стыке социализации и инкультурации в городском пространстве развивается качественно новое явление – социокультурная идентичность, под которой мы понимаем соотношения собственного «я» индивида с референтной группой. Мы понимаем, что идентичность не только шире социализации и инкультурации, но также включает их. Например, индивид (вне зависимости от его социального положения или национальности) может соотносить себя с определенным пространственным феноменом: городом (идентичность жителей Москвы или Санкт-Петербурга), страной (идентичность граждан Российской Федерации), регионом (идентичность жителей Евросоюза, мусульманского Востока).

Мотивы формирования идентичности могут быть рассмотрены через идеи интеракционистской школы (Дж. Мид) или школы социальных представлений (С. Московичи) – как результат социализации на основе самокатегоризации. Так С. Московичи и сторонники «школы социальных представлений» приходят ко мнению, что социальные представления формируются не на основе любых признанных взглядах, а только на тех, которые являются продуктом «практического, здравого смысла», тем, что человек использует в своих ежедневных практиках. «Однажды произведенные, они живут своей жизнью, перемещаются, комбинируются, притягиваются и отталкиваются, рождают новые представления, в то время как старые исчезают»⁸¹. Структура социального представления имеет три измерения.:

1. Информационное. Совокупность знаний об объекте. «Информация категоризуется в связной и глобальной когнитивной системе, которая позволяет субъекту

---

⁸¹ Moscovici, S. Les représentation sociales [Текст] / S. Moscovici // Communication presente au colloque sur les representations socialts. – Paris, 1979. – P. 34-41.

построить образ мира, дающий возможность его понять, к нему приспособиться и действовать в нем»⁸².

2. Поле представления, характеризующее организацию его содержания с качественной стороны. «Любой стимул, любая частица окружения, любое впечатление социально реконструированы, и поведение не является ответом на стимул, но реконструкцией этого стимула»⁸³. Таким образом, поведение не пассивный ответ или биологическая реакция, но детерминирована внешними факторами.

3. Установка по отношению к объекту представления. «Содержание, логика представления укрепляют внутреннюю структуру группы или индивида, воспроизводят и актуализируют ее, устанавливая внешние связи»⁸⁴. Социальное представление является атрибутом групповой активности. Социальное представление коррелирует с понятие идентичность. Идентичность – это своеобразный маркер, позволяющий ориентироваться в социокультурном пространстве. Этими ответами можно смоделировать реальность, в которой живет данный человек, в той или иной степени прогнозировать его поведение, определить ценностный комплекс, ментальность. Ценностный аппарат можно интерпретировать в терминах биологических систем, например, «креод» – устойчивая траектория развития биосистемы. Понятие было введено в научный оборот биологом К.Х.Уоддингтоном, который этим термином обозначил канализированную траекторию (протяженный во времени процесс изменений), притягивающий ближайшие

---

⁸² Kaes, R. Images de la culture chez les ouvriers francais [Текст] / R. Kaes. – Paris : Dunod, 1968.

⁸³ Moscovici, S. Les représentation sociales [Текст] / S. Moscovici // Communication presente au colloque sur les representations socialts. – Paris, 1979. – P. 34-41.

⁸⁴ Moscovici, S. La psychoanalyse, son image et son public [Текст] / S. Moscovici. – Paris : Centurion, 1976. – P. 79

траектории⁸⁵. Междисциплинарный характер термину придал А. Газарян: «Притягивая соседние траектории, креод определяет наиболее вероятное направление дрейфа и эволюции системы, но не детерминирует их полностью, поскольку фактическая линия развития не только подвержена флуктуациям, но проходит и через точки бифуркации. Следовательно, креод характеризует поведение системы при заданных внутренних и внешних условиях ее существования»⁸⁶. Социокультурная идентичность является креодом, поддерживает городскую систему изнутри.

Мы придерживаемся позиции, что процесс инкорпорации человека в образовательное пространство города не заканчивается в подростковом возрасте с момента окончания школы или ранней взрослости – окончания вуза и начала профессиональной деятельности. В стадийном отношении в структуре образовательного пространства можно выделить три основных периода: дотрудовой, трудовой, пост-трудовой. Каждой стадии соответствуют свои институты, которые формируют систему общественных отношений, обуславливают доминирующую социальную систему поведения. Так, дотрудовая стадия в городском пространстве охватывает период от рождения до начала трудовой активности – раннее детство и период школьного обучения. Соответствующие периоду институты: семья и образовательные учреждения. Трудовая стадия охватывает зрелый период жизни человека – ее активная часть. Социокультурные институты: профессиональные и трудовые сообщества, неформальные группы, коллективы «по интересам». Пост-трудовая стадия включает пенсионный возраст.

---

⁸⁵ Уоддингтон, К. Х. Основные биологические концепции [Текст] / К. Х. Уоддингтон // На пути к теоретической биологии / под ред. Б. Л. Астурова. – М., 1970. – Т. 1 : Прологомены. – С. 21.

⁸⁶ Газарян, А. Е. Субструктури і інформація [Текст] / А. Е. Газарян // Філософська і соціологічна думка. – 1990. – № 5. – С. 61.

Образовательное пространство города является диалогичным по своей природе. Проблема диалога в культуре и диалога культур разработана М. Бахтиным и В. Библером. М. Бахтин понимает культуру как «форму общения людей различных культур, форму диалога»⁸⁷. Понятие «Другого» или «Собеседника» является в концепции Бахтина важнейшим, т.к. только в соотнесенности с «Другим» личность становится личностью. При подобном дискурсе каждый продукт культуры является своего рода «посланием» – «он по-своему “говорит”, вопрошает и отвечает, несет в себе “весть”, которую нужно уметь “услышать” и которая, соприкасаясь с другим текстом, вновь и вновь актуализируется в целостной жизни культуры»⁸⁸. Необходимо понимать, что текст в понимании исследователя является экстралингвистической категорией, т.е. не ограничивается языковыми феноменами. «Единицей» диалога в культуре М. Бахтин называет текст, который реализуется в следующих формах: речь человека; текст, зафиксированный на любом носителе или плоскости; любая знаковая система.

Наивысшей формой текстуальности в культуре является произведение. Так, М. Бахтин обращался к диалогическому анализу художественных произведений, в частности, Ф.М. Достоевского.

Экстраполируя идеи М. Бахтина в область городской пространственности, можно отметить, что процесс социокультурной активности человека в городском пространстве – это диалогичный процесс, результатом которого является текст – продукт, созданный на «рубеже двух сознаний», «авторов», «субъектов» (города и людей, его

---

⁸⁷ Библер, В. С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика и культура [Текст] / В. С. Библер. – М. : Прогресс : Гнозис, 1991. – С. 85.

⁸⁸ М. М. Бахтин как философ [Текст] : сб. ст. / отв. ред. Л. А. Гоготшвили, П. С. Гуревич. – М. : Наука, 1992. – С.115.

населяющих). О городе и его жителях можно судить по текстам, которые они вырабатывают. Так городская текстуальность является объектом отдельного изучения – петербургский текст, московский текст (Ю.М. Лотман). Через призму текста, создаваемого в процессе культуротворчества, определяется специфика социокультурного бытия.

Необходимо учитывать, что городской текст представляет собой крайне противоречивое явление. Действительно, город представляет собой «динамику означающих, создающих потоки смысла или бесконечные цепи метафор, где означаемые расщепляются и сами становятся означающими»⁸⁹. Городское пространство можно назвать как текстовой системой «второго порядка». Данная проблематика хорошо разработана французским семиологом Р.Бартом, в частности, в его труде «Миф сегодня». Исследователь придерживается мнения, что в современном обществе основной тип текстуальности представлен мифом. «миф – это коммуникативная система, сообщение, следовательно, миф не может быть вещью, конвентом или идеей, он представляет собой один из способов означивания, миф – это форма»⁹⁰. Следовательно мифологической формой могут быть «покрыты» широкий спектр феноменов: реклама, СМИ, социальные отношения, религия. В культурно-образовательном пространстве города миф приобретает особые характеристики, если учесть, что «миф действует экономно, он уничтожает сложность человеческих поступков, придает им простоту сущностей и элиминирует всякую диалектику, пресекает всякие попытки проникнуть

---

⁸⁹ Трушина, Л. Е. Интерпретация визуальных текстов городского пространства [Текст] / Л. Е. Трушина // Этическое и эстетическое: 40 лет спустя : материалы науч. конф., 26-27 сент. 2000 г. : тез. докл. и выступлений. – СПб., 2000. – С.155.

⁹⁰ Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика [Текст] : пер. с фр. / Р. Барт. – М. : Прогресс : Универс, 1994. – С. 72.

по ту сторону непосредственно наблюдаемого; он творит мир без противоречий»⁹¹. Мифический текст пытается скрыть паразитарность, чтобы стать не одной из нескольких точек зрения на мир, но единственно возможной. Таким образом, городской миф представляет собой опасность, с точки зрения культурно-образовательной функции, так как редуцирует эвристические возможности человека, не дает возможности критического осмысления действительности.

С другой стороны, миф создает альтернативное социокультурное бытие, которое может быть использовано в воспитательных и образовательных целях. Соответственно, может быть разработан инструментарий, позволяющий улучшить городской текст, а также пространство, в котором живет человек – учитывая, что это холистический процесс.

Уникальность процесса вхождения человека в образовательное пространство города заключается, что оно происходит не только среди физически воспринимаемых объектов. Городское пространство – это особый временной континуум. Французский исследователь Ф. Бродель⁹² показал, что время обладает не одним измерением. Так можно выделить три временных шкалы:

- географическое время. Городское пространство является «разработанной» частью географического пространства – часть поверхности Земли, литосферы. Земная поверхность, на которой расположены *старые* города (Иерусалим, Рим), изменена активной деятельностью человека.

---

⁹¹ Там же. С. 72.

⁹² Бродель, Ф. Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II [Текст] : в 3 ч. / Ф. Бродель ; пер. с фр. М. А. Юсима. – М. : Яз. славян. культуры, 2002-2004.

- Социальное время, под которым понимается степень развития социальных систем и институтов. Пример древних Афин и система социальных институтов (прямая демократия, политические свободы) не имела примеров в современной для данного города истории.
- Индивидуальное время. Время жизни конкретного человека, погруженного в городское пространство.
- Горожанин одновременно живет в нескольких временных и, следовательно, онтологических координатах. Реальности и события, порождаемые «типами» временных шкал, могут пересекаться, иметь одно направление, вызывать нормативные конфликты. Следствием являются различные поведенческие формы – реакция индивида на дисбаланс между желаемыми целями и средствами их достижения. Американский социолог Р. Мертон выделил следующие поведенческие реакции:
  - конформизм – ситуация полного принятия социально одобряемых целей и средств их реализации;
  - новаторство и инновация – принятие целей с отрицанием законных или разрешенных способов их достижения;
  - ритуализм – ригидность в принятии целей и средств, сведение их к обесцененному (в моральном и прагматическом аспекте) процессу – «процесс ради процесса»;
  - ретризм – пассивный уход от действительности, отрицание, как целей, так и средств;
  - мятеж и бунт – активное отрицание социальных норм⁹³.

Идея о разнообразии способов приспособления людей к целям и нормам в процессе социализации в городском пространстве объясняет его гетерогенную и динамическую природу, позволяет понять контекст производства и воспроизводства социокультурного бытия.

---

⁹³ Мертон, Р. К. Социальная структура и аномия [Текст] / Р. К. Мертон // Социс. – 1992. – № 3. – С. 104-114.

Вопрос о возможности использования потенциала пространства города в воспитательных и образовательных является одним из разрабатываемых в современной исследовательской мысли. Понятие «потенциал» [от лат. *potentia* – сила, возможность] характеризует совокупность условий, средств, необходимых для инициирования, развития и поддержания какого-либо процесса или явления. Актуальность понятия в исторической ретроспективе определялось его семантической сочетаемостью. Так появлялись дефиниции «классовый потенциал» (в терминологии научного коммунизма характеризует ресурсы, находящиеся в распоряжении какого-либо класса: пролетариат, интеллигенция); «творческий потенциал» (в психологии и других науках определяет новизну и интеллект в решении поставленных задач); «электромагнитный потенциал» (в физике описывает специфику электромагнитного поля). С началом гуманизации образования (в широком смысле, переход к ценностям индивидуальности, обращение к личности; недогматичный характер культурно-образовательного процесса) понятие «потенциал» стало осмысливаться педагогикой. Современная гуманитарная парадигма оперирует категорией «культурно-образовательный потенциал», под которой понимают специфические особенности и функции явления, которые используются субъектами образовательного процесса для трансляции и освоения культурно значимых ценностей. Например, в ходе нашего исследования мы выявили большой пласт работ, в которых уделяется внимание культурно-образовательному потенциалу отдельных школьных и вузовских предметов, английскому языку, в частности. Исследователи подчеркивают, что подготовка иноязычных специалистов не должна ограничиваться формальными классическими образовательными процедурами (запоминание языковых правил, фонетическая и разговорная компетенция), но также сочетаться с

развитием общечеловеческих, общекультурных, нравственных, этических и эстетических качеств выпускников. Такой подход подразумевает обращение к изучаемому явлению в контексте диалога культур, культурологического и междисциплинарного знания. *Идеалом* культурно-образовательного процесса должна стать целостная профессиональная личность (от «знания\теории» к «умению\практике»), которая способна реагировать на «вызовы современного мира».

Необходимо выделить критерии, в соответствии с которыми можно судить о культурно-образовательном потенциале пространственного явления – городе. Во-первых, это система учреждений, которая гарантирует содержательное погружение в культурный мир. Как правило, это происходит через приобщение к региональной культуре. Это помогает преодолевать фрагментарность культурного пространства современного города, снимает противоречия первичной социализации. Метафорически, само пространство (социум) *«готовит»* личность, которая будет *жить* в нем, закладывая с детства те качества, которые будут потом в нем востребованы. Во-вторых, гуманизация методов образовательного процесса. Применение практик, которые отвечают требованиям дифференциации, поливариантности образовательного процесса. Классические методы обучения и воспитания (репродуктивные, словесные, поисковые и др.) обретают потенциал в зависимости от позиции субъекта образовательного процесса. В-третьих, специфика пространства, заключающаяся в его *открытости, диалогичности*. Обращение к разным – в пространственном и временном отношении – точкам зрения на проблемы бытия формирует многоуровневую «картину мира». Действительно, практика подтверждает, что сложная «картина мира» вырабатывает в человеке критический взгляд на мир,

позволяет мыслить нетенденциозно, учитывать альтернативные мнения.

Реалии глобализованного мира выдвигают на передний план инновационные, креативные практики. «Креативность является источником новых технологий, новых индустрий, нового преуспевания и многих других экономических благ, поэтому ее ценят все выше и стараются поощрять и использовать при помощи различных приемов»⁹⁴. Культурно-образовательный потенциал активизируется за счет креативной деятельности. Деятельность является креативной, если она обладает такими качествами, как новизна, имеющаяся информация подвергается оригинальной когнитивной перестройке, эффективно используются аналогии. Исследователями также отмечается качество практичности креативной деятельности, т.е. важен не только процесс, но продукты и результаты данного процесса⁹⁵. П. Торренс выделяет основные показатели креативности:

1. Беглость, отражающая способность к порождению большого числа идей. «Тест Торренса» позволяет количественно определить уровень креативности индивида.

2. Гибкость как способность выдвигать разнообразные идеи, переходить от одного аспекта проблемы к другому, использовать разнообразные стратегии решения проблем.

3. Оригинальность как способность к выдвижению идей, отличающихся от очевидных, банальных или твердо установленных.⁹⁶

---

⁹⁴ Флорида, Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее [Текст] / Р. Флорида ; пер. с англ. А. Константинова. – М.: Прогресс, 2007. – С. 35.

⁹⁵ Креативная лаборатория: диалог творческих практик [Текст] / ред.-сост. О. А. Карлова. – М. : Акад. Проект, 2009. – С. 110.

⁹⁶ Шумакова, Н. Б. Исследование творческой одаренности с использованием тестов П. Торренса у младших школьников [Текст] / Н. В. Шу-

Креативная деятельность формирует креативное пространство. Применительно к городу, креативное пространство формируется на институциональном уровне (за счет концентрации научно-исследовательских институтов; выгодного экономико-географического положения; диверсифицированной экономики; уровня развития малого и среднего бизнеса; качества образования; it-сектора; независимости от источников бюджетных доходов от добычи/переработки полезных ископаемых), а также за счет особого класса людей, способных вырабатывать креативные продукты, осуществлять креативные практики – т.н. «креативный класс» (профессионалы сферы образования, культуры, искусства и здравоохранения, специалисты из сектора информационных технологий, коммерции и финансов, бытового обслуживания, представители общественных объединений). Действительно, чем больше в структуре населения города представителей данных профессий и доля производства в экономике, тем креативнее пространство и город становится сильным аттрактором.

Вхождение в образовательный мир – образовательное пространство – происходит через постижение феноменов культуры, культурных «измерений». Каждое из измерений имеет свою наполненность, обусловленное природным, физическим началом – «фюзис», и тем, как человек реализует себя в данном измерении. Помимо физического пространства исследователи выделяют: ментальное пространство, символическое пространство, ментальное пространство, социальное пространство⁹⁷.

макова, Е. И. Щепланова, Н. П. Щербо // Вопросы психологии. – 1991. – № 1. – С. 27-32.

⁹⁷ Мурзина, И. Я. Региональное образовательное пространство: к вопросу об одной педагогической категории [Текст] / И. Я. Мурзина // Образование и наука. – 2008. – № 5. – С. 54.

Физическое пространство – «это закрепленное в физическом мире место, обладающее набором качеств – протяженностью, связностью, непрерывностью и пр.». Под физическим образовательным пространством понимается конкретное образовательное учреждение или существующая сеть образовательных учреждений, объединенных в систему образования.

Ментальное пространство образования – комплекс представлений «о том, чему и как мы учим». Интеллектуальное пространство является синонимичным ментальному пространству, так как представляет собой локализацию *imago mundi*, образов реальности.

Символическое пространство. «Особая форма существования образовательного пространства, в которой запечатлены смыслы культуры, которые «оживают», когда человек обращается к ним, стремится их понять и принять»⁹⁸. Культура представляет собой «текст» (шире, чем текст в лингвистике), который человек прочитывает на протяжении своей жизни.

Образование является социальным пространством, т.к. является одновременно социальным институтом и генератором общественных отношений и связей, норм и ценностей.

Взаимодействие указанных измерений создает образовательное пространство в самом широком смысле.

Выделим основные локусы городского пространства, обладающие культурно-образовательными функциями. Это, прежде всего, **институциональные структуры**, под которыми подразумеваем сеть образовательных (дошкольные – общеобразовательные – средние специальные – профессиональные) и культурных учреждений (кино\театры, библиотеки, дома творчества). Основная функция локусов заключается в том, что они участвуют в конструировании

---

⁹⁸ Там же.

и поддержании культурно-образовательного пространства. Действительно, невозможно представить себе город без образовательного или культурного учреждения. Сеть образовательных учреждений *обеспечивает* город компетентными специалистами. Зачастую горожане проводят первые 20-25 лет в непрерывном образовательном процессе. Культурные учреждения *предлагают модели социального поведения* или *позволяют абстрактно оперировать* реальностью. Феномен театра, например, очень важен для города, особенно провинциального, т.к. дает возможность *встречи* с альтернативной реальностью. **Информационно-коммуникативные структуры** культурно-образовательного пространства города: семиотические системы (кодирующие \ декодирующие городскую информацию), системы коллективной памяти (как институциональные: музеи, художественные галереи, банки информации, архивы, так и нематериальные, – отвечающие за образование социопамяти города: урбанонимы, городские тексты и дискурсы). Город является концентратором информационных полей и ресурсов, в частности, в виде текстов. В культурно-образовательном пространстве города можно выделить следующие виды текстов и их функции:

- тексты, появляющиеся в результате вербальной и невербальной коммуникации. Городской житель – активный субъект коммуникации. Большую часть своей жизни (в быту, профессиональной и рекреационной сфере) он погружен в перманентную коммуникативную ситуацию. Определенно, можно отметить типы горожан, которые испытывают «информационный голод», не представляющих себе пространство без собеседника.
- тексты, закрепленные в печатной форме. Структуру культурно-образовательного пространства города (его специфику) можно анализировать при помощи оппозиции «книга – электронный носитель». Нам кажется, что

современные города можно типологизировать как «классический информационный ресурс», т.е. метафорически как «книгу» и как «постинформационный ресурс» – т.е. «компьютерную сеть». Для «города-книги» характерна линейная упорядоченная структура, система четких номинаций и иерархий, поступательное и эволюционное развитие социальных отношений. Примерами таких городов мы можем назвать (с определенными оговорками): индустриальный, производящий центр, провинциальный город. С другой стороны, мы можем привести примеры «посткнижных городов» с особым *качеством* культурно-образовательного пространства: неравномерное развитие информационных полей, сложная структура социальных отношений, быстроразвивающейся социокультурной динамикой. Нам кажется, что такими городами являются, прежде всего, мегаполисы. Для мегаполисов характерно особое внимание к электронным базам данных, которые равноценны *топливу* для промышленного города. «Электронные документы или их коллекции, имеющиеся в распоряжении библиотек, архивов, информационных центров, издательств, музеев и иных фондодержателей, отмечает Т. Ершова, сохраняя автономию, интегрируются в единую распределительную систему, дополняя и взаимообогащая друг друга»⁹⁹. Постинформационный город – это электронная оболочка для информационных потоков.

- тексты, генерирующие городскую социопамять и «коллективную городскую память». Такие тексты являются результатом как формального, целенаправленного процесса, так и результатом субъективной (ценностно окрашенной), неформально деятельности. Нам кажется

---

⁹⁹ Общество и книга: от Гуттенберга до Интернета [Текст] / общ. ред. А.П. Королевой. – М. : Традиция, 2000. – С. 272.

интересным с исследовательской точки зрения рассматривать культурно-образовательное пространство города с той точки зрения, как генерируют и влияют на социопамять «официальные власти» (например, формируют имидж города) и то, как город воспринимается самими горожанами и его гостями. Опыт российских городов по формированию имиджа показывает типовую схему «официальная инициатива – процесс – рефлексия». Нам кажется, что имидж города становится культурно-образовательным феноменом, если в данную схему добавить элементы, чтобы получилась следующая схема: «официальная инициатива – общественность (в широком смысле) – анализ – процесс – рефлексия». Исключение «городской общественности», отсутствие внимания к ее предложениям провоцирует появление *обезличенного, ценностно нейтрального* культурно-образовательного пространства. В таком случае город становится «подозрительным символическим порядком. В нем нет ничего выдающегося, особенного, привычного и близкого, ничего, что можно отметить для себя или чем восхищаться, ничего открытого для памяти и сердца, кроме своего дома»¹⁰⁰.

Итак, подход, при котором город рассматривается как культурно-образовательное пространство, позволяет интегрировать два универсальных и жизненно важных концепта – «образование» и «культура» в их пространственном контексте. Не смотря на то, что «культура» и «образование» выполняют схожие социальные функции, мы считаем, что культурное пространство шире образовательного, и образовательное пространство является лишь ча-

---

¹⁰⁰ Заковоротная, Н. В. Информационные технологии: индивидуализм и тотальность [Текст] : (социал.-психол. аспект) / Н. В. Заковоротная // Человек и город : в 2 т. / гл. ред. Н. Н. Моисеев. – М., 2000. – Т. 1. – С. 239.

стью культурного. Образование является наиболее эффективным способом войти в культуру. Широкий комплекс культурных феноменов – ценности, нормы, эталоны – направлены на то, чтобы процесс образования был успешным.

Мы можем представить городское пространство как трехуровневую систему – макро- (город как метасистема, образ города), мезо- (локализованное пространство города: дом, район, улица), микроуровень (городское пространство *сквозь призму* на индивидуальной психике горожанина).

Вхождение в образовательное пространство города описывается категориями «социализация» и «инкультурация». Под социализацией понимают социальные аспекты адаптации к среде обитания, ее институтам – в частности, институту образования, что позволяет стать «полноценным членом общества\социума». Под инкультурацией – культуротворческие (аксиологические, гносеологические) аспекты приспособления к среде обитания. «Городской» вариант социализации отличается сверхдинамическим характером, она перманентна и имеет несколько модальностей: ресоциализация, десоциализация.

Понятие «нормативности» является важнейшим концептом и элементом образовательного пространства города. Можно заметить, что понятие «нормы» в городе является динамическим и релевантным. Для городского пространства характерна высокая степень дифференциации категории «норма»: привычки, обычаи, традиции, нравы, законы, табу.

Образовательное пространство города является диалогичным по своей природе. Необходимо учитывать, что городской текст представляет собой крайне противоречивое явление. Городское пространство можно назвать как текстовой системой «второго порядка» – мифической системой. городской миф представляет собой опасность, с

точки зрения культурно-образовательной функции, так как снижает эвристические возможности человека, не дает возможности критического осмысления действительности. С другой стороны, миф создает альтернативное социокультурное бытие, которое может быть использовано в воспитательных и образовательных целях.

Необходимо учитывать, что горожанин живет в нескольких временных координатах: географическое время (степень разработанности природного ландшафта), социальное время (роль социальных институтов в жизни города), индивидуальное время (время жизни горожанина в конкретном городском пространстве). Следствием жизни в нескольких временных, онтологических координатах являются различные поведенческие формы – реакция индивида на дисбаланс между желаемыми целями и средствами их достижения.

Потенциал культурно-образовательного пространства города может быть использован в педагогических целях. При подобном дискурсе пространство представляет собой совокупность нескольких измерений: физическое, символическое, ментальное, социальное. Освоение указанных измерений, происходящее на протяжении всей жизни человека, является процессом вхождения в образовательное пространство.

Культурно-образовательный потенциал активизируется за счет креативной деятельности. Креативная деятельность формирует креативное пространство. Применительно к городу, креативное пространство формируется на институциональном уровне, а также за счет особого класса людей, способных вырабатывать креативные продукты, осуществлять креативные практики – т.н. «креативный класс».

Глава II. Социокультурное пространство мегаполиса и индустриального города (на примере Екатеринбурга и Нижнего Тагила)

2.1. Мегаполис и индустриальный центр как два типа городских поселений: социокультурный аспект

В данной главе мы рассмотрим специфическое воплощение городской пространственности на примере индустриального городского центра и мегаполиса. Данное сопоставление вызывает наш научный интерес, поскольку на смену классической городской системе приходит качественно новый тип социокультурной организации человеческого поселения – мегаполис. Социокультурный анализ должен выявить специфику городской пространственности. Основным дискурс данной части нашего исследования – мегаполис и индустриальный город являются уникальными социокультурными феноменами, т.е. особыми системами: нормативными, гносеологическими, геокультурными, ментальными и др. Мы предлагаем выявить и интерпретировать причину появления данных структур.

Под индустриальным городом мы подразумеваем отраслевой центр, экономическая специализация которого сосредоточена на одном или нескольких сегментах производства. Индустриальные города основываются в соответствии с классическим принципом экономической географии «у источника сырья», т.е. поселение является добывающей и перерабатывающей базой при месторождении (углеводородов, лесных, рудных и нерудных, морских и др.). По терминологии М.Вебера¹⁰¹, индустриальный город – это промышленный город или город производителей. Это такой тип городов, в которых рост населения, способ-

---

¹⁰¹ Вебер, М. Избранные произведения [Текст] : пер. с нем. / М. Вебер : сост. Ю. Н. Давыдов. – М. : Прогресс, 1990. – С. 312.

ность платить налоги и увеличение покупательной способности основаны, на том, что в них имеются промышленные предприятия (домашнее производство, мануфактуры, фабрики), товары которых вывозятся за пределы города. Вся инфраструктура процессов подчинена одной цели – поддерживать промышленное производство на «должном уровне». Промышленность насколько слилась с городом, что «пики» его развития (экономического, социального, культурного) являются проекцией развития отрасли в целом – любое конъюнктурное влияние (ценовые спады или подъёмы, сезонность, информационные поводы) – всё это отражается на городе.

Примерами индустриальных городов можно назвать: города Рура в Германии (Бохум, Дортмунд, Дуйсбург), Уэльса в Великобритании (Кардифф, Ньюпорт), Украины в районе Донбасса (Днепропетровск, Донецк). Классическими примерами индустриальных центров в России являются, за редким исключением, большая часть городов Европейского Севера страны, Урала и Сибири, которые являлись «форпостами» при продвижении Российского государства на восток и север современной территории страны. Данные города появлялись именно потому, что могли дать возможность государству развить определенную индустрию: металлургию, топливно-энергетическую, лесопромышленную и т.п.

Феномен индустриальной культуры подробно рассмотрен в трудах А. Тойнби, Х. Ортега-и-Гассета¹⁰², О.Шпенглера. Однако общая интенция указанных трудов сводится к критике индустриализма как социального и культурного феномена, неспособного привнести что-либо положительное и конструктивное в жизнь. Тойнби, в частности, называл индустриализм «чудовищной, страшной

---

¹⁰² Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс [Текст] : пер. с исп. / Х. Ортега-и-Гассет. – М. : АСТ : Ермак, 2005. – С. 40.

силой»¹⁰³, по Шпенглеру человек является «рабом машины»¹⁰⁴.

Русский философ Б.П. Вышеславцев рассмотрел феномен индустриальной культуры, не только его критические стороны, но также те плюсы, которые он приносит человечеству.

Специфические черты индустриализма (с точки зрения Б.Вышеславцева) проявляются как минимум в трех отношениях – технологическом, социальном, психологическом.

На технологическом уровне. «Сущность всеобъемлющего индустриализма выражается в принципе рационального использования всех сил природы и человека для производства материальных благ»¹⁰⁵. В сравнении с предыдущими эпохами, в частности, феодализмом, индустриализм представляет собой экстенсивный тип производства. М. Маклюэн утверждал, что уровень развития культуры определяется количеством энергии, производимой феноменами данной культуры. Индустриальная культура привела к энергетическому всплеску, которое человечество не знало до этого времени.

На социальном уровне. Индустриальная культура имеет дело с большой массой людей, которые должны обслуживать технику и «аппарат». Индустриальная культура создала уникальную *мегамашину* (по терминологии Л.Мамфорда¹⁰⁶) – социальную мегамашину, которая по-

---

¹⁰³ Тойнби, А. Д. Постигание истории [Текст] / А. Д. Тойнби ; пер. с англ. Е. Д. Жаркова. – М. : Прогресс : Культура, 1996. – С. 10.

¹⁰⁴ Шпенглер, О. Закат Европы очерки морфологии мировой истории [Текст] : в 2 т. / О. Шпенглер ; пер. с нем. И. И. Маханькова. – М. : Мысль, 1998. – Т. 2 : Всемирно-исторические перспективы. – С. 530.

¹⁰⁵ Вышеславцев, Б. П. Кризис индустриальной культуры [Текст] : избр. соч. / Б. П. Вышеславцев. – М. : Астрель, 2006. – С. 192.

¹⁰⁶ Мамфорд, Л. Миф машины: техника и развитие человечества [Текст] / Л. Мамфорд. – М. : Логос, 2001.

зволила мобилизовать человеческие силы на постройку грандиозных сооружений. Мы знаем примеры таких построек в России – в эпоху первых пятилеток, в США – в эпоху Великой Депрессии, в Германии – в период между мировыми войнами.

На психологическом уровне. Каждая эпоха, культура, по Юнгу, имеет свой характер, тип сознания. Установка сознания индустриального города – экстравертность – направленность на внешний мир объектов. «Такой тип человека не интересуется в сущности внутренней психической жизнью, он не знает и не чувствует бессознательных содержаний души и вообще забывает, что у него есть душа»¹⁰⁷. Иррациональное начало культуры редуцируется, т.к. не поддается логическому осмыслению. М. Вебер характеризовал это явление «десакрализацией мира».

С точки зрения Вышеславцева, существуют два типа «индустриализма» – тоталитарный и капиталистический. Оба являются злом для человека, и человек чувствует это, однако последний не разрушает окончательно комплекс «личных свобод», либерализм и демократию.

Исследователь Э. Тоффлер¹⁰⁸ выделил шесть основных тенденций индустриального общества: концентрация, централизация, синхронизация, стандартизация, специализация и максимизация.

Стандартизация. Стандартизация коснулась не только производственные процессы, осуществляемые при помощи машинного труда, но сами основы жизни. Так, существуют стандартные нормы оплаты труда, тесты на определение профессиональной пригодности, СМИ распространяют общие для всех системы образцов поведения,

---

¹⁰⁷ Вышеславцев, Б. П. Сочинения [Текст] / Б. П. Вышеславцев. – М. : Раритет, 1995. – С. 187.

¹⁰⁸ Тоффлер, Э. Третья волна [Текст] : пер. с англ. / Э. Тоффлер. – М. : АСТ, 1999.

вкусов, моды. Именно с появлением индустриализации появилась необходимость в выработке общих измерительных стандартов, единой мериле, эталоне.

Специализация. Индустриализация «вычеркнула» как производственную единицу крестьянина – мастера «на все руки», на место которого встал узкий специалист. В данном случае любую точку земного шара (государство, регион, город) можно представить как некую мануфактуру, специализирующуюся на определенном виде работы, выпускающую специализированную продукцию.

Синхронизация. В индустриальном обществе любой элемент – механизм или человек – должны работать в одном временном режиме, причем именно человек должен подстраиваться под ритм механизма. Только в индустриальном обществе пунктуальность стала социальной необходимостью. Рабочий день, досуг, отпуск, учеба, сон строго синхронизированы – можно даже сказать, что весь мир «живет в унисон».

Концентрация. Индустриальное общество может существовать в условиях концентрации – не только природных источников энергии, но также населения, капиталов. Показатели эффективности зависят от концентрации производства. Транснациональные корпорации как концентраторы являются следствием индустриального образа жизни.

Максимизация. В индустриальную эпоху дефиниция «большой\максимальный» является синонимом слову «эффективный». Города, государства, народы гордятся самыми большими небоскребами, спортивными аренами, плотинами.

Централизация. Любая система (технологическая, социальная, политическая, финансовая) – для того, чтобы эффективно работать – должна иметь центральный аппарат. Индустриальная эпоха дала этому немало примеров

таких централизирующих элементов в рамках государств и земного шара – национальные государственные банки, регулирующие финансовую политику страны, управления железными дорогами, конституции.

Все приведенные выше принципы с очевидной ясностью проявляются в индустриальном городе.

Феномен индустриального городского поселения широко представлен в России. Процесс массового роста промышленных городов, как и начало индустриализации традиционно относят к 30-ым гг. XX века. Технологическое отставание от ведущих мировых держав советское государство форсировало за одно-два десятилетия. По замечанию У. Черчилля: «Сталин принял Россию с сохой, а оставил с ядерным оружием». Однако «первую волну» индустриализации можно отнести к периоду правления Петра I, когда на Урале создавалась сеть казенных и частных городов-заводов. Конечно, до петровских преобразований существовали промышленные предприятия, но именно с этого времени индустриализация становится целенаправленной государственной политикой. Разведанные природные запасы Восточной и Северной части современной России, их последующее промышленное освоение определили на столетия социально-экономическую и социокультурную специфику данных регионов. Города данных регионов стали «локомотивами» советской индустриализации.

Таким образом, сама логика исторического процесса вынудила жителей Руси – Российской империи – Советского Союза – Российской Федерации осваивать природное пространство в рамках индустриальной парадигмы. Исследователь Глазычев отмечает, что развитие большинства отечественных городов происходит благодаря властным инициативам; города основывались как колониальные

центры¹⁰⁹. Это позволяло, в свою очередь, вести активную внешнюю и внутреннюю политику. Специфика индустриальной базы, которая формировалась в нашей стране, не похожа на европейскую. До петровских времен на Руси существовали ремесленные слободы, приписанные к царскому двору, обеспечивающие его всем необходимым. С начала XVIII века тенденция меняется – государство создает централизованные органы, которые призваны контролировать поступление продуктов, производимых природных ресурсов или прибыль, получаемую от их продажи: Берг-Мануфактур-коллегия. Промышленные предприятия Урала (Невьянск, Нижний Тагил), Сибири (Нерчинские заводы, Алтай), Европейской части России (Тула, Сестрорецк), а также прикрепленное к ним население, образующие вместе индустриальное поселение, были под строгим контролем государства и работали «на казну». Не смотря на то, что отдельные предприятия («города-заводы») и были формально «частным», *нерадеющего* управляющего могли в любой момент сместить, если он не обеспечивал «государственный заказ».

Развитие отечественного варианта индустриализма отличается от классического европейского. Исследователи из Гарвардского университета – Дж. Бадфорд Де Лонг и Андрей Шлейфер отмечают, что причиной резкого экономического и индустриального скачка в европейской культуре является ограничение абсолютной монархии, а также децентрализация экономики¹¹⁰. В качестве примера приводится развитие европейских городов и стран, которые развивались в русле абсолютизма – Франция (династия Бурбонов), Испания и Австрия (династия Габсбургов) и стран,

---

¹⁰⁹ Глазычев, В. Л. Урбанистика [Текст] / В. Л. Глазычев. – М. : Европа, 2008. – С. 16.

¹¹⁰ Before the Industrial Revolution [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.j-bradford-delong.net/pdf_files/Princes.pdf.

которые также представляли собой монархию, но конституционную – Нидерланды, Великобритания. Показателем экономической и индустриальной «несостоятельности» является падение роста городского населения в абсолютистских государствах на 100 000 человек в столетие по сравнению с государствами, придерживающимися либеральной экономики.

С социокультурной точки зрения европейский вариант индустриализма можно объяснить благодаря идее М. Вебера об особом «протестантском духе» европейской культуры. «Иллюстрацией этой обусловленности должна служить связь современного хозяйственного «этоса» с рациональной этикой аскетического протестантизма»¹¹¹. Европейский капитализм и индустриализм является прагматичной формой взаимоотношений (социальных, экономических, политических). Таким образом, пространство индустриального города обусловлено ментальностью.

Россия, с точки зрения В. Глазычева, перешла к европейской (классической) форме индустриализма в 90-е годы XX века¹¹². Это связано, прежде всего, с переходом к частной собственности де-факто и де-юре.

Мы можем выделить следующие специфические черты русского индустриального города, начиная с «первой волны» индустриализации (эпоха Петра Великого):

- Население индустриальных городов пополнялось за счет внешних демографических ресурсов (до 1917 года население Российской империи на 85 % – крестьяне). В середине XX века доля уроженцев города среди тех,

---

¹¹¹ Вебер, М. Избранные произведения [Текст] : пер. с нем. / М. Вебер : сост. Ю. Н. Давыдов. – М. : Прогресс, 1990. – С. 56.

¹¹² Глазычев, В. Л. Урбанистика [Текст] / В. Л. Глазычев. – М. : Европа, 2008. – С. 10.

кому более 40 лет составляла порядка 12%¹¹³; в современных российских городах доля горожан в третьем поколении составляет 20%¹¹⁴.

- обеспеченность инфраструктурой (социально-бытовой, в частности) диктовались подушевыми нормативами, а не естественной необходимостью. Более того, инфраструктурное развитие территории намного опаздывало от демографической динамики – не на годы, но на десятилетия.
- индустриальные города не имеют четкой стратегии развития. Во много данная традиция идет из прошлых веков, когда города росли за счет механического присоединения поселков, деревень, которые находились в непосредственной близости от промышленного предприятия. Относительно Уральского Федерального Округа – до 2006 года только Екатеринбург имел генеральный план развития, а в Тюмени он только был в разработке. Большинство индустриальных городов развиваются по планам 60-70 гг. XX века и в русле функционалистской архитектурной парадигмы.
- направленность машинного производства на оборонные нужды, а не на удовлетворение потребительского спроса. Отличительная особенность отечественного индустриального производства заключается в его узкой специализации, отсутствие потребительной, массовой направленности продукции. В частности, государству потребовалось инициировать масштабный процесс «конверсию» – полный или частичный перевод предприятия военно-промышленного комплекса на произ-

---

¹¹³ Население России за 100 лет (1897-1997) [Текст] : сб. ст. / под ред. Ю. А. Юркова. – М. : Моск. изд. дом, 1998. – С. 32-34.

¹¹⁴ Алексеев, А. И. Кризис урбанизации: формирование нового образа жизни [Текст] / А. И. Алексеев, Н. В. Зубаревич // Проблемы прогнозирования. – 2000. – № 4. – С. 138-146.

водство гражданской продукции и товаров народного потребления.

- отсутствие многообразия форм социокультурной активности. Активность жителя индустриального города предельно детерминирована, а также организуется окружающее пространство таким образом, чтобы исключить феномен «социокультурного шока». Можно интерпретировать социокультурное пространство индустриального российского города в категориях традиционной культуры (в частности, «мифологическое», сознание, недесакрализованное).
- директивный характер управления социальными, культурными, политическими процессами. Для российских индустриальных городов на протяжении веков было характерно максимальная централизация власти. Политическая элита страны всегда старалась контролировать не только исполнительную власть городов, но также руководство индустриальных предприятий. Это наиболее действенные каналы воздействия на жителей города.

Итак, российский индустриальный город – это особый вариант социокультурного пространства, который складывался на протяжении нескольких веков – во многом в неизменном виде. Начиная с рубежа XX-XXI вв. и с переходом к новому типу социально-экономических отношений, в России появляется качественно иной тип городской пространственности, который аналогично европейскому примеру, будет определять социокультурный облик страны – мегаполис.

Наименование «мегаполис» в научной литературе означает (от греч. род. п. *megas*, *megalus* – большой и *polis* – город) «самую крупную форму городского расселения, образующуюся в результате интеграции главного города с

окружающими его поселениями, агломерациями»¹¹⁵. В англоязычной традиции существуют два термина «мегаполис» и «мегалополис», означающих с одной стороны любой «город-миллионик», с другой – объединение нескольких больших городов, расположенных на небольшом расстоянии друг от друга. Данная терминология происходит от названия древнегреческого города Мегалополь в Аркадии, возникшего в результате объединения более 35 поселений. Впервые термин «мегалополис» был употреблен в США, характеризуя сплошную городскую застройку вдоль Восточного побережья протяженностью свыше 1000 км и шириной до 200км.

По формальным критериям мегаполисом называют город с населением более 1 млн. человек (от приставки «мега-» – греч. «тысяча»), имеющий высотную застройку, мощную инфраструктуру (бизнес-процессов, транспортную, социально-бытовую, развлекательно-досуговую и др.). Мегаполисы являются центрами административной, финансовой, социокультурной жизни регионов (областей, провинций, штатов, префектур). Наиболее известны следующие мировые мегаполисы: Нью-Йорк, Токио, Шанхай, Мехико, Сан-Паулу, Бомбей. Российскими мегаполисами можно назвать города: Москву, Санкт-Петербург, Новосибирск, Екатеринбург, Нижний Новгород, Самара, Омск, Казань, Челябинск, Ростов-на-Дону, Уфу. Очевидно, что города-миллионники имеют национальную и региональную специфику, однако совмещают в себе вышеперечисленные «формальные критерии». Основная парадигма, которая соотносится с мегаполисом – это принцип разнообразия и многообразия, полистиличность.

---

¹¹⁵ Райзберг, Б. А. Современный экономический словарь [Текст] / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : ИНФРА-М, 2007.

В западной науке одним из авторитетных исследователей социокультурной составляющей мегаполисов является профессор Нью-Йоркского университета и Лондонской школы экономики и политологии Р. Сеннет. В своей работе «Падение публичного человека»¹¹⁶ мегаполис рассматривается как единство трех социокультурных характеристик: мультикультурализм; плотность населения; предпосылки публичности и коммуникабельности.

Мультикультурализм. Мегаполис является местом столкновения многочисленных и зачастую непохожих друг на друга людей, культур, этносов, социальных классов. Каждый житель мегаполиса представляет собой «незнакомца» – в прямом значении этого слова – имеющего незнакомое поведение, реакции, внешний вид. Характерный пример мирового мегаполиса – американский «супергород», представляющий собой постоянно бурлящий «плавильный котел», в котором есть не только специализированные районы («сити» – деловой центр, «спальный район»), но и этнические кварталы («Chinatown» – «китайский квартал», например).

Плотность населения. В пространстве мегаполиса – по причине высокой плотности населения и городской застройки – представители различных социальных групп и культур не просто могут встретиться, но постоянно встречаются. Это непрерывный и динамический процесс обмена (информации, опыта, смыслов).

Предпосылки публичности и коммуникабельности. Ситуация культурного плюрализма мегаполиса предоставляет отдельному его жителю возможность реализовать свою «публичность». Благодаря публичности существует общество, т.к. она, в противоположность приватности, порождает коммуникацию.

---

¹¹⁶ Сеннет, Р. Падение публичного человека [Текст] / Р. Сеннет ; пер. с англ. О. Исаевой [и др.]. – М. : Логос, 2002.

Исследования (Д. Белл, Ф. Фукуяма, В. Иноземцев) определяют современное общество как феномен постиндустриальной культуры. В данных категориях мы можем интерпретировать мегаполис.

Классическое определение «постиндустриальности» предложено Д. Беллом. «Это общество, в экономике которого приоритет перешел от преимущественного производства товаров к производству услуг, проведению исследований, организации системы образования и повышению качества жизни»¹¹⁷.

Мы придерживаемся точки зрения Д. Белла, который определяет постиндустриальное общество как концептуальную, теоретическую парадигму – не ограничивающуюся особым типом материального производства или экономическими отношениями. Постиндустриальное общество – это общество с высокой актуализацией нового типа капитала – информации, знания, интеллекта. «Постиндустриальное общество предполагает возникновение интеллектуального класса, представители которого на политическом уровне выступают в качестве консультантов, экспертов или технократов»¹¹⁸. Положение человека в постиндустриальном обществе меняется кардинально по сравнению с феодальным или классическим капиталистическим. Так, феодал мог быть изгнан со своих земель, а капиталист или промышленник – разорен, то человек «постиндустриального типа» в незначительной степени детерминирован внешними социальными факторами. *Homo postindustrialis* становится представителем элиты не по той причине, что имеет доступ к информации, но, потому что способен ей воспользоваться в своих целях. Ведь в современном обществе информация –

---

¹¹⁷ Bell, D. Notes on the Post-Industrial Society [Текст] / D. Bell // The Publik Interest. – 1967. – № 7. – P. 102.

¹¹⁸ Там же.

это один из самых демократичных продуктов¹¹⁹. Большую роль в постиндустриальном обществе играет образование, причем важна именно *динамическая* сторона образования – постоянное совершенствование профессиональных качеств. Ф. Фукуяма приводит примеры таких стран (США, Южная Корея), где уровень образованности населения напрямую зависит от экономической *развитости*. «В развитых странах социальный статус человека в очень большой степени определяется уровнем его образования»¹²⁰. Постиндустриальное общество также называют «информационным обществом», акцентируя важность нового типа «капитала» – информации.

Российский мегаполис, будучи вариантом (региональным, социокультурным, цивилизационным) мирового мегаполиса, имеет свои специфические черты. Специфика российского городского пространства рубежа тысячелетий в том, оно представлено как минимум двумя «типами» мегаполисов. Первый «тип» – это города, через которые происходит понимание историко-культурного процесса страны в целом, на макроуровне. Мы имеем в виду Москву и Санкт-Петербург – т.н. «мегаполисы-столицы». *Мегаполисность* данного типа детерминирована функциями, которые выполняли данные города. В 2002 году специалисты «Фонда общественного мнения» провели социологический опрос «Столицы и столичные функции». На вопрос, каковы основные функции столицы, респонденты дали следующие ответы: руководство, управление страной (15%); сосредоточение и концентрация власти, властных структур (14%); сбор и распределение финансов (6%); принятие законов (2%); создание условий для работы президента, правитель-

---

¹¹⁹ Beck, U. Risk Society [Текст] / U. Beck. – Thousand Oaks : Sage, 1992. – P. 53.

¹²⁰ Fukuyama, F. The End of History and the Last Man [Текст] / F. Fukuyama. – New York : Quill, 1992. – P. 116.

ства, администрации (1%)¹²¹. Также в ходе опроса было предложено назвать города, которые подходят для выполнения столичных функций. Наиболее популярные ответы: Москва (61%), Санкт-Петербург (39%). Итак, понятие столица тесно связано с категорией «власть». Мегаполис столичного типа подразумевает резиденцию властных структур, место, где распространен «*стол*» государства.

Второй «тип» – это «новые» мегаполисы. В данном случае мы подразумеваем региональные столицы и крупные города, которые выросли в мегаполисы в последние десятилетия из бывших ресурсных, промышленных центров. Специфика российских мегаполисов заключается в том, что это «пограничные» города. С социально-экономической точки зрения – это уже не промышленные и индустриальные городские поселения. Многие указанные нами выше черты мегаполиса уже присутствуют в этих городах. С социокультурной точки зрения городское пространство во многом детерминировано их индустриальным прошлым.

Однако мы не ставим целью противопоставить индустриальный город мегаполису – более того, определенные черты индустриального города могут проявляться в мегаполисе и наоборот. Мы пытаемся выявить актуальные социокультурные параметры двух типов городских поселений. Беря в качестве образца определенный локус социокультурного пространства города, мы рассматриваем, как он специфически представлен в индустриальном городе или мегаполисе, каковы его функции и культурно-образовательный потенциал.

Социокультурный анализ двух типов городских поселений может быть проведен, если ввести в качестве основной операционной единицы категорию «городской об-

---

¹²¹ Столицы и столичные функции. Опрос населения [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://bd.fom.ru/report/cat/spb/dd020328>.

раз жизни» и то, в какой мере она проявляется. Под «городским образом жизни» мы подразумеваем, с одной стороны, конкретные формы социокультурной активности горожан (динамический аспект), с другой – специфические условия, в которых развивается данная активность (пространственный аспект).

С точки зрения пространственного аспекта, т.е. условий протеканий процессов, городской образ жизни имеет следующие характеристики:

- повышенный уровень психосенсорного пространства, – городское пространство насыщено событиями, вследствие чего богато впечатлениями. Города имеют свой *темпоритм* (С. Милграм). Мегалополис «обогащен» психосенсорными элементами (карнавальными, аудио-, визуально-, медийными-), в этом отношении более мощным аттрактором. Рекламный и медийный рынок более развит именно в мегалополисе, чем в индустриальном городе. Именно в мегалополисе появилось такое явление как «фланерство» – прогулки по городу «без цели и дела». Для индустриального города – в данном случае логична аналогия с сельской местностью – характерно триединство: единство место работы, отдыха и жительства, т.о. менее насыщено психосенсорными элементами.
- городское пространство является формальным и регламентированным пространством. Индустриальный центр – это район «реальной экономики» (непосредственного промышленного производства), в котором неформальные и нерегламентированные отношения будут существенной помехой, что может привести к нарастанию хаотичности. В мегалополисе, скорее, действует принцип «цель оправдывает средства», следовательно, формализм в отношениях теряет свою актуальность. Это тем более подтверждается на практике, если учи-

тывать, что высокая конкуренция – это атрибут именно «большого города».

- индивидуализм и личностная автономия – отличительная черта города. Для индустриальных центров характерны многопоколенные семьи, проживающие в одной квартире. Так в мегаполисе широко практикуется система аренды помещений, в том числе жилых. Однако в силу социально-экономических обстоятельств в нашей стране есть отступления от этого правила.

Динамический аспект позволяет выделить следующие характеристики городского образа жизни:

- город характеризуется высокой социокультурной (ролевой, профессиональной) мобильностью – «то есть явление перемещения индивида внутри социального пространства»¹²². В индустриальном городе малый набор социальных групп, вернее, он ограничен. Следовательно, горожане выполняют практически идентичные функции и находятся в одинаковом социальном положении – человек выбирает работу и род занятий, как правило, на очень длительное время, если не на всю жизнь (своеобразное «прикрепление» к заводу). В городском пространстве мегаполиса социальная группировка населения (профессиональная, этническая, политическая) и социальная дистанция более значительны. Даже если географически два человека находятся близко друг другу, это совершенно не значит, что *социально* они идентичны, как следствие возникают коммуникативные и нормативные трудности. Для жителей мегаполиса также характерна относительно частая смена места работы и видов деятельности.
- межличностные отношения в городе носят прагматический характер – человек как функционально-статусная

---

¹²² Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество [Текст] / П. А. Сорокин. – М. : Политиздат, 1992. – С. 297.

единица; в то время как в «не-городе» происходит непосредственная интеракция. Межличностные отношения в индустриальном центре аналогичны традиционному обществу, т.е. характерны: ригидность, редукция коммуникативных медиаторов, «кастизация» общества. В мегаполисе коммуникативная ситуация практически каждый раз носит уникальный, неповторимый, непредсказуемый характер.

Специфика двух типов городской пространственности может быть объяснена благодаря теории М. Мид, которая интерпретировала культуру на том основании, что существуют различные способы передачи социокультурной информации между представителями разных поколений, возрастных групп. Исследователь выделяла три типа культур:

1. постфигуративная культура. Культура, в которой доминируют традиции, обычаи, повседневная практика аналогична той, что была у представителей старшего поколения («Дети» учатся у «отцов»). В педагогической интерпретации – это культура репродуктивного, шаблонного знания (повторение учителя, руководителя).

2. кофигуративная культура. Культура основана на принципе рационализации знания, приобретает черты «массовой». («Дети» и «отцы» учатся у своих сверстников). Данную культуру можно представить как культуру с конструктивно-функциональным подходом к знанию (развитие и анализ и продолжение идей, предложенных учителем или руководителем).

3. префигуративная культура. Культура, в которой опыт, накопленный предшествующими поколениями, преодолевается. В межсубъектном отношении локомотивом культуры являются представители молодого поколения, к которому прислушиваются «отцы». Это культура креативного знания, характеризующаяся самостоятельным

поиском информации и инновационных технологий её использования. Необходимо не только «иметь» информацию, но важно иметь уникальный инструментарий, чтобы превратить ее в знание.

Для кофигуративной культуры характерно появление *нетрадиционных* явлений – контр- и субкультуры. Данные культурные *течения* возникают как результат рефлексии на действительность и представляют собой способы и формы (активные, революционные) социокультурной идентификации горожан.

В свете вышесказанного индустриальный город – это часть постфигуративной культуры. Контркультурные и субкультурные явления неразвиты в индустриальном городе, либо не могут оказывать значительного влияния на жизнь города. Некоторые из индустриальных городов, имеющих «собственное лицо», «бренд», включают черты «кофигуративности».

Мегаполис является примером кофигуративной и префигуративной культуры: с высоким уровнем социокультурной динамики. Представители социокультурных миноритарных групп активно взаимодействуют с социальной реальностью, участвуют в ее конструировании. В качестве примеров мы можем привести практики карнавальной культуры:

- хеппенигов (англ. happening – случай, событие).
«1) разновидность театрализованного представления с изображением артистами явлений повседневной жизни; 2) экспромт на сцене при отсутствии литературного текста; целью хеппенинга является шокирование публики неожиданными сопоставлениями фактов и импровизациями»¹²³.

---

¹²³ Комлев, Н. Г. Словарь иностранных слов [Текст] / Н. Г. Комлев. – М. : Эксмо, 1999.

- Перформанс (performance от англ. «действие», «представление»). «Перформанс – это действие, предполагающее *паратеатральные* формы исполнения, направленное на достижение художественной цели»¹²⁴. Пример перформанса в Екатеринбурге – разукрашенные в невероятные цвета деревянные формы коров в натуральную величину, которые в настоящее время установлены на центральных улицах города.
- Флэш-моб (flash-mob, от англ. flash mob – flash – вспышка; миг, мгновение; mob – толпа, дословно – «вспышка толпы» или «мгновенная толпа»). Это заранее спланированная массовая акция, в которой большая группа людей (мобберы) внезапно появляется в общественном месте, в течение нескольких минут люди с серьезным видом выполняют заранее оговоренные действия абсурдного содержания (сценарий) и затем одновременно быстро расходятся в разные стороны, как ни в чём не бывало. Один из сценариев – «замирание»: в определенном месте мобберы резко замирают, как будто «само время остановилось», на несколько минут. По прошествии времени все участники расходятся в разные стороны, как будто ничего не случилось. Другой пример – «В Челябинске 14 сентября 2008 года на главной площади пройдет флешмоб под названием "Челябинск улыбается миру". Стоя плечом к плечу, 10 тысяч челябинцев в желтых дождевиках встанут в границах специально расчерченных линий и создадут "смайл" диаметром 80 метров»¹²⁵.

---

¹²⁴ Гниренко, Ю. В. Перформанс как явление современного отечественного искусства [Электронный ресурс] / Ю. В. Гниренко. – Режим доступа : <http://www.gif.ru>.

¹²⁵ Челябинск, 12 сентября – РИА Новости [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ural.rian.ru/society/20080912/81644026.html>.

Отличие двух типов городской пространственности определяется способом восприятия окружающего мира. Существенными элементами пространственного чувства человека является способ и скорость передвижения. Каждая эпоха характеризуется своей спецификой течения времени и количеством полученной информации или свершенных актов в единицу времени. Если XVIII – XIX века могли позволить себе тратить несколько суток на перемещение в пространстве, то сегодня — это непростительная роскошь траты времени.

Скорость является одним из важнейших атрибутов городского образа жизни. Однако в мегаполисе она приобретает особую актуальность. Это подтверждается тем, что в мегаполисе освоены три уровня архитектоники, что позволяет интенсифицировать скорость процессов: наземный (ландшафтный), подземный (субшафтный), воздушный (люфтшафтный). В индустриальном городе освоен, как правило, два уровня – ландшафтный и субландшафтный. Так, общественный и личный автотранспорт в индустриальном городе является исключительно наземным.

Различие мегаполиса и индустриального города может быть объяснено через теорию демонстративного потребления, разработанной социологом Т. Веблен. Демонстративное потребление – это «использование потребления для доказательства обладания богатством», потребление «как средство поддержания репутации»¹²⁶. Демонстративное потребление – это текст, состоящий из символов, сознательно сконструированных знаков. Это потребление, которое осуществляется для его чтения, раскодирования окружающими. В той или иной мере тенденция к показному потреблению характерна для всех эпох. Содержание этого текста просто: «Я богат(а). Я респектабельный человек. Я

---

¹²⁶ Веблен, Т. Теория праздного класса [Текст] : пер. с англ. / Т. Веблен. – М. : Прогресс, 1984. – С.108.

преуспевающий». Однако в разных культурах, эпохах одна и та же фраза пишется с помощью разных символов. Как в разных языках одно и то же слово или буква могут нести разный смысл, так и в показном потреблении один и тот же предмет может иметь разную смысловую нагрузку.

Как отмечает Т. Веблен, жизнь людей в городах делает их жизнь более анонимной. Человек в городе постоянно находится в толпе и при этом не перестает быть одиноким. Его в течение дня окружают тысячи людей, которых он не знает, и которые не знают его. В этой ситуации лишь через демонстрацию потребления можно обозначить свой социально-экономический статус.

В мегаполисе общение носит анонимный и более широкий характер по сравнению с индустриальным городам. Отсюда различие в масштабах демонстративного потребления. В индустриальном городе жители, как правило, знают друг друга лично и с разных сторон, степень анонимности и автономности ниже, чем в мегаполисе. Человек может одеваться как угодно, но соседи видят, каких размеров его дом или квартира, знают, как его семья питается. Здесь демонстративное потребление имеет мало смысла: богатство на виду, а бедность не скрыть хорошей одеждой.

Совершенно иная ситуация в мегаполисе. Здесь люди судят друг о друге в основном по отдельным штрихам, которые нередко являются сознательно сконструированными символами в виде стиля потребления или использования отдельных вещей. Поэтому жители мегаполиса тратят на поддержание благопристойного вида существенно больше, чем жители индустриального центра.

Это ведет к изменению структуры потребления: траты на его видимые формы в мегаполисе растут за счет экономии на скрытых формах потребления. Его благосостояние – в его одежде, автомобиле, а индустриального жи-

теля – в обильном столе, прочном доме. Жители крупных городов часто свысока смотрят на скромно и немодно одетых «провинциалов», но те, попадая в города, часто также свысока смотрят на своих городских родственников, экономящих на питании.

Социокультурное пространство мегаполиса и индустриального города отличаются тем, как горожане реагируют на то, что С. Милграм назвал «когнитивными перегрузками»¹²⁷ (Отметим, что данная традиция берет свое начало в трудах Г. Зиммеля). Городское пространство характеризуется повышенной плотностью, большим количеством людей, высоким уровнем социокультурной гетерогенностью. Все это характерно для любого города, но с разной степенью проявления. Специфика поведения и социокультурных практик городского жителя в том, как он реагирует на данные «перегрузки», адаптируется к ним. Адаптация проявляется следующим образом:

1. Поступающую «извне» информацию горожанин ранжирует по степени важности.
2. В определенных ситуациях часть информации, которая может перегрузить, перераспределяется на второго участника взаимодействия.
3. Информационная защита в городе устроена таким образом, чтобы не «захлестнуть» человека. Для этого создаются «медиаторы» – устройства и институции сортировки и распределения информации.

Уровень информационной «атаки» и, соответственно, перегрузки в мегаполисе сильнее, нежели в индустриальном городе. Этим, в частности, объясняется социально-психологический «климат» и ценностные установки и предпочтения.

---

¹²⁷ Милграм, С. Эксперимент в социальной психологии [Текст] / С. Милграм ; пер. с англ. Н. Вахтина. – СПб. : Питер, 2000.

В мегаполисе – по терминологии Г. Зиммеля – жителя можно охарактеризовать как «невротика». В ролевом и функциональном отношении – вступать в строго детерминированные и прагматические отношения. Городское пространство индустриального города характеризуется: меньшей степенью аномии и отчужденности; более высокой степенью моральной и социальной вовлеченности индивидов.

Крупные города, по выражению Ю.Лотмана, являются «информационными котлами». Наиболее актуальными и востребованными профессиями являются: повышенная компетенция и специализация в области информационных технологий, аналитических отраслях (маркетинг, PR). В индустриальном городе наиболее ценны компетенции в той области, которые способствуют промышленному производству.

Вопрос о ценностных установках и предпочтениях коррелирует с понятием норма. Нормативность является одной из важнейших составляющих пространственного измерения города. Так, Ю.М. Лотман определял культуру как система норм и запретов, разрешений и ограничений.

Исследователь В. Руднев – автор «Словаря культуры XX века»¹²⁸ – придерживается той позиции, что норма складывается из трех типов модальности – «должно» («плюс»), «запрещено» («минус»), «разрешено» («ноль»). В данном отношении в мегаполисе превалируют модальности «плюс» и «ноль», с наименьшей актуальностью – «минус». Это действительно так, потому что нормативные конфликты должны быть нивелированы в мультикультурном пространстве мегаполисе. Для индустриального города характерны антагонистичные модальности – «плюс» или «минус». Это становится понятным, если принять во

---

¹²⁸ Руднев, В. П. Словарь культуры XX века [Текст] / В. П. Руднев. – М. : Аграф, 1997.

внимание, что нормативная динамика или нормативная релевантность являются *вредными* для самой сути индустриального города, т.к. могут затронуть жизненно важные процессы: демографические, производственные, от которых, в свою очередь, колоссально зависит само городское поселение.

Уникальность социокультурной парадигмы заключается в том, что она позволяет объяснить феномен «превращения» индустриального (узкоспециализированного) города в мегаполис, в той же мере объясняет «затухание» крупного города, переход его в разряд «типовых», либо, почему «малый город» привлекательнее или комфортнее другого – более крупного, который по определению должен быть «магнитом» для большинства. «Теория креативности», предложенная Чарльзом Лэндри, предлагает один из вариантов ответа на данный вопрос – один город является успешнее другого (успех не только в экономическом, но в универсальном смысле) благодаря его «креативности», вернее, креативности людей, которые населяют данный город¹²⁹. (*Далее наш перевод источника*).

Город, который является административным и политическим центром территории, имеет определенные «препятствия», которые мешают ему стать «креативным»:

бюрократизм. Креативную деятельность горожан на «сдерживают» бюрократические препоны: лицензии, разрешения. Эти бюрократические преграды имеют долговременный характер, инертны в изменениях. Т.о. человеку трудно донести до муниципалитета свои «креативные идеи». Креативный город, вернее, его власти создают «общественные приемные», которые стараются редуцировать бюрократизм.

---

¹²⁹ Landry C. The creative city: A Toolkit for Urban Innovations [Текст] / С. Landry. – London : Demos, 1995.

Отсутствие отчетности должностных лиц и городских властей перед общественностью. Городские власти представляют собой ригидную структуру. Сложная иерархия отсекает муниципальные власти от «внешнего мира». Заметим, что город, власти которого являются «креативными», создают пресс-службу. Данный отдел городской администрации использует любой информационный повод, включая негативный, чтобы улучшить имидж города.

Недальновидность городского руководства и отсутствие должного профессионального опыта. Главная проблема городских властей в том, что они пытаются достигнуть наиболее быстрого решения проблемы, которое приносит очевидные плоды. Перспективные решения не всегда имеют сиюминутное и очевидное решение. Популизм, «игра на настроениях» электората заставляет политиков выбирать тактические, а не стратегические решения.

«Покровительство». Под «покровительством» Лэндри подразумевает назначение на ответственные государственные должности, предоставление государственных контрактов и других привилегий, осуществляемое победившим на выборах претендентом, в благодарность за поддержку, оказанную в ходе избирательной кампании.

Благодаря web-конференциям, которые в настоящее время популярны среди молодых специалистов из различных научных кругов, мы можем привести характерные черты «креативного города», как его понимает российская молодежь. «Креативный город» – это наличие рабочих мест и разнообразной экономической деятельности; высокий уровень жизни; высокое качество университета; близость к природе; отсутствие транспортных проблем; условия для свободных «игр ума», т.е. возможно иметь легких доступ к разнообразным интеллектуальным занятиям.

На основе теории «креативного города» может быть предложена методика улучшения городского пространства, повышения качества городской жизни.

Итак, социокультурный аспект является наиболее актуальной характеристикой, позволяющей понять специфику рассматриваемых нами примеров городской пространственности – мегаполис и индустриальный город. Под индустриальным городом мы подразумеваем отраслевой центр, экономическая специализация которого сосредоточена на одном или нескольких сегментах производства. Мы показываем особые черты российского индустриального города, которые отличают его от европейского.

Мегаполисом мы, вслед за общепринятой практикой, называем город с населением более 1 млн. человек, имеющий высотную застройку, мощную инфраструктуру (бизнес-процессов, транспортную, социально-бытовую, развлекательно-досуговую и др.). Мегаполисы являются центрами административной, финансовой, социокультурной жизни регионов. Российский вариант мегаполиса – это особый тип мегаполиса, отличающийся от западного, ставшего классическим, в социокультурном отношении.

Социокультурный аспект рассмотрения мегаполиса и индустриального города состоит из совокупности нормативных, ментальных, гносеологических, бытийных установок, которыми руководствуются жители двух типов городов в своих ежедневных практиках. Поэтому мы выделили существенные характеристики мегаполиса и индустриального города. Однако мы пришли к выводу, что определенные характеристики могут быть представлены в обоих типах городской пространственности. Именно поэтому мы предложили ввести такую операционную единицу, которая однозначно определяет их социокультурную специфику: «городской образ жизни» – динамический и пространственные аспекты.

Одним из показателей *аттрактивности* является степень разработанности природного ландшафта и его уровней – подземного, наземного и воздушного также.

Социокультурная активность (ситуация предпочтения и публичное поведение) может быть объяснено через теорию «демонстративного потребления» Т. Веблен.

Индустриальный город и мегаполис являются феноменами информационного порядка. Характер адаптации к поступающей извне и продуцируемой информации – отличительная особенность городского поселения.

Вопрос о ценностных установках и предпочтениях коррелирует с понятием норма. Нормативность является одной из важнейших составляющих пространственного измерения города.

Методика, позволяющей *улучшить* качество жизни горожан, стимулировать их эвристические и культуротворческие способности, базируется на теории «креативного города», предложенной американским исследователем Ч. Лэндри.

Внимание к данной проблематике позволит нам рассмотреть конкретные примеры городской пространственности – города Нижний Тагил, который принято считать одним из мощнейших индустриальных центров страны, и Екатеринбург – крупнейший региональный мегаполис, с точки зрения их культурно-образовательного потенциала.

2.2. Культурно-образовательный потенциал мегаполиса и индустриального города (на примере Екатеринбурга и Нижнего Тагила)

В данной главе мы предлагаем рассмотреть локальные примеры социокультурного пространства мегаполиса и индустриального городского центра. В качестве примеров мы выбрали два города Свердловской области – Екатеринбург и Нижний Тагил. Наш выбор продиктован следующими соображениями: города имеют множество историко-культурных параллелей, общие черты генезиса – Екатеринбург и Нижний Тагил первоначально были основаны как города-заводы, специализированные в области металлургии и машиностроения. Более двух веков Нижний Тагил и Екатеринбург имели общие черты развития (культурного, экономического, социального), настолько, что любые изменения в стране и мире практически дублировались в указанных городах. Даты оснований городов практически совпадают – Нижний Тагил – 1722 год, Екатеринбург – 1723 год. В качестве даты была взята схожий факт – важное производственное событие – пробный пуск ковочных молотов (в случае с Екатеринбургом) или день получения первой продукции (как это произошло в Нижнем Тагиле). Приведенные даты оказываются важными в историческом контексте нашей страны, поскольку это было время кардинальных, парадигматических, изменений. Реформы, инициированные Петром I и развитые его сподвижниками, были призваны создать в стране импортозамещающую промышленность, основанной на богатых природных запасах Урала. «Патронами», «покровителями» двух городов были высшие руководители государства – царская семья. Так, при строительстве Нижнего Тагила Никита Демидов «заручился» личной поддержкой Петра I. В.Н. Татищев, закладывая Екатеринбург, назвал город в честь св. Екате-

рины, негласно желая снискать благоволение императрицы Екатерины I. Если многие сибирские города (при движении русской колонизации с запада на восток) основывались «вольными людьми», то в рассматриваемых нами городах с начала их основания организовывалась централизованная власть – настолько стратегически важными были эти города для государства. Первоначально это были не поселения в их классическом представлении, а заводы с прикрепленной «рабочей силой» – конгломерат заводских поселков (Нижний Тагил) и завод-крепость (Екатеринбург). Первые жители селились в непосредственной близости от заводских построек, либо около рудников, шахт. За свою работу они получали земельные наделы, хлеб, «копейку».

Таким образом, смысл существования первых «горожан» определялся промышленностью изначально, *завод* – этот градообразующий принцип был заложен изначально, влияние которого ощущается и в настоящее время. Отметим, что роль уральских заводов настолько велика, что менеджмент промышленников является существенной политической силой, поддержкой которых заручаются федеральные элиты. Это действительно оправдано, т.к. *завод* является медиатором, через который политически влиять на большую долю потенциального электората. Процесс индустриализации, который начался в XVIII веке, привел к тому, что на территории Среднего и Южного Урала начал формироваться новый тип социокультурной системы. Исследователями был введен в научный оборот термин «горнозаводская культура», который употребляется относительно указанных городов. «Основные, структурные ее характеристики образуются, прежде всего, из того «промежуточного» в социокультурном отношении положения промышленного Урала, которое он занял между традиционной народной культурой и культурой индустриального

общества»¹³⁰. На первоначальном этапе колонизации Урала (конец XVII – нач. XVIII вв.) социокультурное пространство представляло собой фрагментарное, мозаичное образование, так как прибывающее в регион население было с культурной и социальной точки зрения гетерогенным. Однако к концу XVIII века данные противоречия нивелируются, когда общим знаменателем культуры становится новый архетип – Завод, который начинает присутствовать в фольклоре, официальной, религиозной социокультурных феноменах. Итак, «горнозаводская» культура – важнейшая социокультурная доминанта, которая определяет диалектику городского пространства Нижнего Тагила и Екатеринбурга.

В настоящее время, население Екатеринбурга составляет 1 млн. 315 тыс. человек (четвертое место в России после Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска). С 1924 по 1991 год город назывался Свердловском – в честь революционера и одного из лидеров коммунистической партии Я.Свердлова. Город является административным центром Свердловской области и Уральского федерального округа. Это важнейший транспортный узел Транссибирской магистрали и крупный логистический центр. Город имеет диверсифицированную промышленность, представленную не только металлургией и машиностроением, но также – химической, легкой, пищевой, военной промышленностями. Екатеринбург занимает 3-е место в России (после Москвы, Санкт-Петербурга) по объёму розничного товарооборота, по количеству дипломатических и внешнеторговых представительств иностранных государств. Это крупнейший образовательный и культурный центр – здесь расположены

---

¹³⁰ Мурзина И. Я. Культура Урала: очерки становления и развития региональной культуры [Текст] : учеб. пособие для вузов : в 2 ч. / И. Я. Мурзина, А. Э. Мурзин ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург : [б. и.], 2006. – С. 92.

президиум и значительное число институтов Уральского Отделения Российской Академии Наук, более 30 музеев, порядка 20 государственных и несколько десятков коммерческих высших учебных заведений, свыше 600 памятников истории и культуры, из них 43 – объекты федерального значения. В Екатеринбурге работают порядка 17 телекомпаний, 12 местных радиостанций, около 50 журналов и более 100 газет. В городе функционируют следующие виды общественного транспорта: автобусы, метрополитен, такси, трамваи, троллейбусы; международный аэропорт Кольцово связывает Екатеринбург со 104 городами мира.

Нижний Тагил расположен на восточном склоне Уральских гор, в 20-25 км от условной границы Европы и Азии на высоте 200 м над уровнем моря. Географические координаты 60° в.д., 58° с.ш. Расстояние от Екатеринбурга около 140 км. Население города составляет 383 тыс. человек, занимая по этому показателю второе место в Свердловской области (после Екатеринбурга и 7-8 на Урале; по численности населения и экономическому потенциалу Нижний Тагил входит в число первых 30 городов России), площадь – 4106 км², в то время как Екатеринбурга – 490 км². Город является центром Пригородного района и Горнозаводского управленческого округа. Основа промышленного производства Нижнего Тагила является черная металлургия (город производит 10 % выплавляемого в стране чугуна и 8 % стали и проката) и транспортное машиностроение. Сегодня в Нижнем Тагиле – 8 ВУЗов и филиалов, 10 средних профессионально-технических учебных заведений, 7 средних специальных учебных заведений, 73 общеобразовательных школы, 131 детское дошкольное учреждение, три театра, два музея, цирк. Город является *рекордсменом* по количеству исторических открытий и *know-how*: здесь построены первые в России паровоз и велосипед; впервые в мире использовано в промышлен-

ных целях электричество; единственный в мире завод-музей; тагильский металл использован при возведении Статуи Свободы в Нью-Йорке. Нижний Тагил включен в список «исторических городов России». Исторические города – населённые пункты, имеющие архитектурные памятники, градостроительные ансамбли и комплексы, являющиеся памятниками истории и культуры, а также сохранившиеся природные ландшафты и древний культурный слой земли, представляющий археологическую и историческую ценность¹³¹. В Российской Федерации 478 исторических городов, в них проживает 69,9 млн. человек.

Краткий «портрет» очерчивает ту линию, с которой мы можем начать наш анализ. Изменения (социальные, экономические, политические, культурные) – особенно последних нескольких десятилетий – привели к тому, что Екатеринбург стал одним из крупнейших мегаполисов России; Нижний Тагил признается крупным индустриальным центром металлургии и тяжелого машиностроения. Один из важнейших аспектов нашего исследования – социокультурная интерпретация процессов, приводящих к развитию городов по пути мегаполиса, либо индустриального центра. Мы не придерживаемся исключительно эволюционистского взгляда на данную проблематику (методика, описывающая поступательное развитие социокультурной системы от «простого к сложному»). В основе нашего исследования комплексный и междисциплинарные подходы, включая антропологические (в частности, структурализм, функционализм) и общеполитические (аксиологическая, герменевтическая, постмодернистская интерпретация).

---

¹³¹ Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации [Текст] : Федер. закон РФ от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 26. – С. 6577-6610.

Аналитически и в рамках данного исследования мы можем представить соотношение «мегаполис – индустриальный город» в виде трех моделей.

1. Первый уровень, уровень городского поселения. Индустриальный центр интегрирован в мегаполис и составляет его неотъемлемую часть. В данном случае промышленная составляющая пространства мегаполиса сводится до определенного района. Екатеринбург, как мегаполис, вырос из индустриального города и в настоящий момент индустриальный потенциал города сосредоточен в отдельных периферийных районах, в названии которых фигурирует сокращение «*маш*», т.е. «*машиностроение*» (Эльмаш = Электрическое машиностроение, Уралмаш = Уральское [тяжелое] машиностроение, Химмаш = химическое машиностроение). Анализ данного уровня позволяет также определить эвристические элементы культурно-образовательного пространства, которые позволяют индустриальному городу *стать* «модернистской формой поселения» – мегаполисом. Ю. Хабермас определяет черты и специфику «модернистского общества», которые мы можем перенести на городское пространство. Для исследователя в основе модернизации лежит рационализация жизненного мира. Рационализированный жизненный мир «только он один способен воспроизвести среду, благоприятную для действий, ориентированных на взаимопонимание»¹³². В рационализированном обществе и поселении – мегаполисе – возрастает автономия личности по отношению к общественным институтам, развивается рефлексивно-критическое отношение к унаследованной традиции, что не подразумевает толкование ее как негативного фактора («в области семантики традиция также не прерывается»

---

¹³² Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне [Текст] : сб. лекций / Ю. Хабермас ; пер. с нем. М. М. Беляева [и др.]. – М. : Весь Мир, 2003. – С. 332.

ся, если воспроизводство культурных ценностей происходит путем критического анализа»). «В настоящее время происходит становление рефлексии культуры, генерализируются ценности и нормы, усиливается индивидуация обобщенных субъектов»¹³³. Общественная модернизация раскрывает коммуникативный потенциал реальности, т.е. становится возможной активная интеракция между субъектами и объектами жизненного мира. Итак, мегаполис – это модернистская форма поселения с эмансипированными структурами жизненного мира.

2. Второй уровень, региональный уровень. Соотношение «мегаполис – индустриальный центр» как продолжение оппозиции «столица – провинция». Данная оппозиция является универсальным кодом истории страны (политической, культурной, экономической), т.е. через неё возможно *прочтение* цивилизационного *метатекста*. Дихотомия определяет двойственную специфику российского менталитета, диапазон культурных ценностей – прозападная ориентация жителей столицы (= мегаполиса), инициирующих перманентный цикл модернизации и почвенническое самосознание жителей провинции (= индустриального города), оказывающихся в постоянном положении «догоняющей». В региональном медийном пространстве (классические СМИ, Интернет), репрезентирующих общественное мнение, соотношение двух рассматриваемых нами городов определяется как оппозиция «столица – провинция». Подобный дискурс позволяет определить, в частности, *качество* аксиологического пространства городов и жителей, их населяющих. В качестве операционных и дискурсивных единиц выступают категории: «культурные предпочтения», «нормативность», социализация и инкультурация. Мы определяем соотношение «мегаполис – индустриальный центр» не только как географическое или политико-

---

¹³³ Там же. С. 356.

правовое, административное понятие, но как культурно-образовательное. Екатеринбург и Нижний Тагил развиваются в рамках единого географического пространства, имеют общие черты природного ландшафта, климата, отдельные элементы архитектурной планировки. Однако указанные выше ключевые определяют особенности социокультурного пространства города.

3. Третий уровень, уровень страны, федерации. Екатеринбург и Нижний Тагил выступают как провинциальные города относительно столичных центров – Москвы и Санкт-Петербурга. Екатеринбург определяется как «большая провинция», Нижний Тагил – «малая». Оба города функционально и формально соподчинены федеральному центру, однако пытаются *находить* свою уникальность, *отличность*. При данной постановке проблематики Екатеринбург и Нижний Тагил являются репрезентативными локусами социокультурного пространства региона, представляют образ пространства региона. Действительно, в силу специфики психики человек *генерализирует* представление о регионе через отдельные города, т.е. перенос на весь регион мнения, которое складывается в результате восприятия конкретного города. Категории «геокультурный ландшафт региона», «региональная идентичность» раскрывают культурно-образовательный потенциал городов.

Опишем социокультурные пространства Екатеринбурга и Нижнего Тагила, что позволит в дальнейшем определить специфику культурно-образовательного пространства мегаполиса и индустриального города.

Одним из первых, кто предложил методику построения анализа социокультурного пространства города в отечественной науке, был исследователь П.А. Словцов (1767–1843 гг.). В его труде «Историческое обозрение Си-

бири»¹³⁴ предлагаются следующие обязательные элементы анализа: время и причины основания города; природный ландшафт, в котором расположен город; особенности населения города (численность, этнический состав, виды социально-экономической активности); характер городской застройки и планировки.

Одной из причин образования цивилизаций и, в частности, урбанизации является процесс инвазии. Как показала исследовательница Э.В. Сайко, на те или иные территории приходят новые поселенцы, мигранты, которые приносят с собой новые типы организации жизнедеятельности – новую культуру¹³⁵. Колонизация русским населением новых территорий Урала породили новое социокультурное пространство. До массовой колонизации территория современного Урала находилась в состоянии социокультурного гомеостаза – т.е. ситуации долговременной стабильности процессов на протяжении нескольких столетий и тысячелетий. Племена, проживавшие на данной территории, находились в состоянии первобытного или родоплеменного общества. Действительно, мы можем наблюдать пассионарный всплеск на Урале, вызванный приходом новых этнических и культурных групп. Помимо автохтонного населения – коми-пермяков, удмуртов, ханты, манси – на Урал пришли русские (православные), представители русских субэтносов (староверы, казаки) восточные славяне (мало- и белоруссы), западноевропейцы (немцы, голландцы, шведы). Это были наиболее инициативные и предприимчивые группы; находясь на Урале – на значительном расстоянии от центральной власти – они могли

---

¹³⁴ Словцов, П. А. Историческое обозрение Сибири [Текст] / П. А. Словцов. – М. : Вен-Мер, 1995.

¹³⁵ Сайко, Э. В. Древнейший город. Природа и генезис. Ближний Восток. IV-II тыс. до н. э. [Текст] / Э. В. Сайко. – М. : Наука, 1996. – С. 208.

реализовать свои амбиции. Так, роль купечества, основная часть которого являлась староверами по вероисповеданию, оставили значительный след в архитектурном наследии Екатеринбурга и Нижнего Тагила. Профессиональный опыт западноевропейцев дал старт уральской промышленности не только в начале XVIII века, но и в эпоху массовой индустриализации 30-х гг XX века. В XVIII веке Урал заметно опережал Россию по темпам роста населения. За 1719-1800 годы население Урала выросло в 3,4 раза, тогда как России – в 2,4. В следующем столетии популяция уральцев увеличилась в 4,6 раза, население Российской империи в целом в 2,7 раза. По данным первой всероссийской переписи (1897 г.) на территории Урала проживала 6791 тысяча человек¹³⁶. Городская культура продолжает оказывать значительное влияние на этнокультурный состав уральских территорий, но с большей силой, чем в предыдущие века.

Мы можем интерпретировать процесс нового этапа культурогенеза через категорию аккультурации – понимаемой как взаимодействие культур, в ходе которого происходит их изменение, усвоение ими новых элементов, образование в результате смешения различных культурных традиций принципиально нового культурного синтеза¹³⁷.

Итак, аккультурация уральского пространства проходила следующие этапы: 1) изменение морфологии и структуры природного пространства; 2) строительство специальных сооружений функционального характера;

---

¹³⁶ Оруджиева, А. Одни – на Запад, другие – на Восток: миграционные процессы на Урале [Текст] / А. Оруджиева // Родина. – 2001. – № 11. – С. 81-83.

¹³⁷ Билз, А. Аккультурация [Текст] / А. Билз // Антология исследовательской культуры / отв. ред. А. А. Мостова. – СПб., 1997. – Т. 1 : Интерпретация культуры. – С. 348-370.

3) придание местам и объектам культурных значений и смыслов.

Освоение природного пространства, на котором выросли уральские города, связано с наделением его смыслообразующими, онтологическими координатами – вертикальной и горизонтальной осями. При помощи координат человек «одомашнивает» «Хаос», семантически наполняет пространство, делает его жизненным. Первичными онтологическими координатами Урала являются горы (вертикаль) и реки (горизонталь). По мере освоения природного (географического) пространства указанные координаты дополняются, «надстраиваются» артефактами – рукотворными феноменами. Это позволяет говорить о культурном ландшафте – «лишенного разрывов и пустот сплошное телесно и семантически пространство сопряжения природных и культурных компонентов на земной поверхности... Это одновременно земное и семантическое пространство»¹³⁸.

Природный ландшафт, на котором были основаны уральские города, имеют общие черты — гористая местность, покрытая густыми лесами. Обязательным для обоих городов является наличие полноводной реки, способной, в случае запруды и постройки плотины, служить в качестве источника энергии для работы гидравлических механизмов. Это обуславливало схожесть планировки многих уральских городов (в частности, в Свердловской области: Екатеринбург, Алапаевск, Нижний Тагил, Кушва, Невьянск, Реж и др.).

Организующим и главным градообразующим элементом сооружением горнозаводского поселения, его «узлом», «**Центром**» была заводская плотина – «одетая в ка-

---

¹³⁸ Каганский В.Л. Основные зоны и типы культурного ландшафта // Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. Сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2001. – С. 60.

мень» река, которая формирует горизонтальную координату. Плотина стала «отправной точкой», от которой прокладывались улицы, верстовые столбы. На освобожденной от воды («завод» – «за-водой»); хотя, этимология слова «завод» согласно словарю М. Фасмера происходит от глагола «заводить», т.е. устраивать какое-либо предприятие) территории возводились заводские постройки. За плотиной образовывался городской пруд, служивший местом для хозяйственных нужд, а в дальнейшем – для отдыха. По набережным пруда строились ведущие городские постройки: административные учреждения, церкви, торговые ряды. По терминологии М. Элиаде, пространство, прилегающее к плотине, является сакральным центром. Городская плотина является своеобразной *Axis mundi* – Осью Мира. Поэтому в «центре» всегда расположены органы государственной власти. Это наиболее публичная часть городского социокультурного пространства – здесь проводятся важнейшие городские мероприятия, инициируемые властями, а также многие неофициальные собрания. В настоящее время пространство городов, прилегающее к плотине и сама плотина являются «исторически охраняемыми территориями». Так, в Нижнем Тагиле в охранной исторической зоне расположены 26 представляющих исторический интерес памятников индустриальной культуры. В Екатеринбурге по берегам плотины расположены три ключевых для понимания истории и культуры города музея – музей Изобразительный Искусств, музей истории архитектуры и промышленной техники Урала, Музей природы.

В Центре города проводятся наиболее значимые мероприятия – официальные (праздничные парады, митинги) и неформальные (гуляния). Большая часть манифестируемых сообщений (лозунгов, акций) – политических, социальных – анонсируются именно в Центре – наиболее *аттрактивной* части городского пространства. Отлична и

репрезентация элементов карнавальной культуры. До конца XX века «карнавальная культура» городов была схожа. Каждый праздник представлял собой переплетение производственных и эстетических потребностей. В той или иной мере они были связаны с индустриальным прошлым, манифестировали производственные успехи городов. Если в Нижнем Тагиле (и других областных городах) эта «манифестация» остается до настоящего времени – причем проводится на общегородском уровне (т.н. профессиональные праздники: День металлурга, День машиностроителя и т.п.), то в областном центре эти праздники отходят в прошлое, либо сводятся до районного масштаба (старых промышленных районов: Уралмаш, Химмаш, Эльмаш и т.п.) – как будто Екатеринбург старается «откреститься» от своего исключительно индустриального наследия, создает образ «столичного центра».

Код Центра является кодом городской системы в целом. Любые социокультурные изменения, чтобы они были успешными и имели долгосрочный характер, должны быть закреплены в центре. Заметим, что политические изменения, в частности, последовавшие после 1917 года, перекодировали Центр и остальное пространство городов. Вместо имперских и религиозных построек, новая власть возвела новые архитектурные сооружения. В Екатеринбурге на месте памятника царю-освободителю первоначально поочередно ставили памятники «Свободному человеку», Карлу Марксу, в настоящее время – В.Ленину. Аналогичная ситуация происходила в Нижнем Тагиле, когда с установлением власти большевиков в центре города вместо памятника Александра II воздвигли памятник «вождю народов». В постсоветское время все чаще возникают разговоры о замене коммунистического наследия (памятники, названия улиц) российских городов. Однако отметим, что в случае Екатеринбурга подобные инициативы деклариру-

ются сильнее, чем в Нижнем Тагиле. Первый город позиционирует себя как неидеологическое, открытое пространство. Екатеринбург (власть + общественность, особенно молодое поколение) ориентируются на западные ценности. Нижний Тагил – придерживается принципа традиционализма, старается апеллировать к «золотому веку», когда была создана его промышленность.

Аналогичная ситуация «парадигматического изменения» происходит с вертикальными координатами в сакральном центре. Конечно, и в Екатеринбурге и в Нижнем Тагиле до сих пор сохранены – в качестве музеев под «открытым небом» – заводские постройки XVIII – XIX вв. Однако, в Екатеринбурге происходит активный процесс замены прежних координаты, характеризующих город как административный центр промышленного региона. «Перекодирование» центра Екатеринбурга происходит в сторону позиционирования его как торгового, финансового, привлекательного для туристов города. Все чаще городские власти и общественность говорят, что «Екатеринбург – это город на границе Европы и Азии».

«Центр» Екатеринбурга – полистиличен. Это место, где конкурируют как минимум три «пласта»: дореволюционный, горнозаводской, классический; советский, индустриальный, конструктивистский; федеративный, информационный, постнеклассический.

«Центр» Нижнего Тагила специализирован. Не смотря на то, что сменяются эпохи и политические системы, все привносимые ими изменения инкорпорируются в «изначальную» доминанту города – быть индустриальным центром, производственной базой. Значительная часть материальных, финансовых средств тратится на поддержание и развитие производства, от которых зависит *жизнь* города.

Пространство центра Екатеринбурга манифестирует, что этот город является мегаполисом, Нижнего Тагила – крупного индустриального центра. Первый город является мощным аттрактором, более *ценен* в представлении жителей (обеих городов), т.к. обладает всеми атрибутами мегаполиса, более технократичен. Культурное пространство областного центра имеет трехчастную структуру мира, созданную искусственно: «верхний мир» («мир богов», люфтландшафт), формируемый высотными зданиями; «средний мир» («тело», ландшафт), который образуется за счет активный социокультурных ежедневных практик; «нижний мир» («антимир», субландшафт) – город активно осваивает подземное пространство – например, метро, а также подземные паркинги.

Культурное пространство Нижнего Тагила *«более естественное и природное»* в том отношении, что дополняет и вписывается, а не уничтожает природный ландшафт. Примечателен факт: всего в нескольких минутах от центра города остались выработанные карьеры, угольные шахты также находятся в городской черте. Город освоен по двум измерениям: ландшафт и субландшафт. Первый уровень (ландшафт) – это пространство «обыденной жизни», пространство социального взаимодействия. Второй уровень – субландшафт – играет не меньшую роль, т.к. обеспечивает производство в городе за счет природных ископаемых (образуется за счет шахт, рудников, карьеров). Вертикальная координата Нижнего Тагила – не артефакт, не создан руками человека, это не высотная постройка, а гора (т.н. «Лисья гора»).

Социокультурное пространство Нижнего Тагила представляет собой массивную «провинцию» (в терминологии В. Каганского). Все силы города (человеческие, административные, финансовые) направлены на то, чтобы «поддержать базу системы» – промышленные предпри-

ятия, т.к. само существование города зависит от их функционирования. Поговорка: «стоит завод – стоит город» – отражает степень зависимости города от промышленности. Если учесть, что в городе проживает порядка 400 тыс. человек, а в промышленности (в основном в металлургии) сосредоточено порядка 100 тыс. человек, то очевидно, что заводы «кормят» многие семьи. Ментальность жителя провинции Нижнего Тагила аналогична ментальности сельского, деревенского жителя – того, кто *ценит* каждый свой «выход» в город. На вербальном уровне это демонстрирует следующая ситуация. Покидая своё жилище, на вопрос, – куда ты собрался? – горожанин отвечает: в город! Это удивительно, тем более, что люди проживают на центральных улицах города.

«Провинция» Екатеринбурга, как нам кажется, имеет фрагментарный характер, в отличие от «провинции» Нижнего Тагила, которая полностью окружает, обволакивает «центр». Фрагментарность – это в буквальном смысле разбросанные по пространству города бывшие рабочие поселки, которые формировались вокруг крупных промышленных гигантов: «Уралмаш», «Эльмаш», «Химмаш», включая также такие районы, как «ЖБИ», «Сортировка». Однако в настоящее время эти районы-«провинции» теряют свою «ресурсную» значимость, превращаясь в своеобразные городские «центры», формируют «город-в-городе», со своей неповторимой ментальностью. Инфраструктура, формирующаяся в этих «провинциальных центрах», позволяет жителю не покидать его пределы, осуществлять активную социокультурную деятельность на протяжении долгого времени. При этом роль «провинции» переносится на города-спутники (В. Пышма, Березовский, Среднеуральск и др.), образующие екатеринбургскую агломерацию, а сам Екатеринбург рассматривается как «сакральный центр», превращаясь в мощный аттрактор.

Можно отметить, что граница Нижнего Тагила совпадает с периферией, за которой сразу же начинается «неосвоенное пространство». Граница этого города не имеет четкого оформления. Город как бы медленно «перетекает» в природное пространство.

Границы Екатеринбурга имеют более четкое семантическое обозначение, характерное для мировых мегаполисов: крупные транспортные развязки, наличие вынесенных торговых центров, цикличность транспортных потоков (в течении рабочего дня или дня недели).

Т. Вахитов в статье «Проблема реабилитации промышленных предприятий в структуре г.Екатеринбурга» отметил, что Екатеринбург сегодня переживает «процесс перехода от концепции «город для производства» к концепции «город для человека»¹³⁹. В результате приоритетным становится жилая среда и общественные пространства, их образность и выразительность. Производственные территории и промышленные предприятия в этой ситуации теряют свою ценность с градостроительной и архитектурной точек зрения. И действительно, сегодня трудно выделить какие-то екатеринбургские предприятия в качестве градообразующих. Несмотря на это, промышленность в Екатеринбурге не утратила своей актуальности и значимости. Это подтверждается одним из самых высоких предложений, по сравнению с другими, вакансий в промышленной сфере производства.

Для сопоставления доминирующих форм репрезентации мегаполиса и индустриального центра проведем не-

---

¹³⁹ Вахитов, Т. Р. Проблема реабилитации промышленных предприятий в структуре г. Екатеринбурга [Электронный ресурс] / Т. Р. Вахитов. – Режим доступа : http://archvuz.ru/magazine/Numbers/2005_02/template_article?ar=K01-20/k14.

большой лингвистический анализ предпочтительных номинаций в одном и другом типе города.

Екатеринбург позиционирует себя как центр не только УрФО (что проявляется в частом употреблении топонима «Урал» в названиях: «Шеф-Урал», «Уральский рабочий», «Уральский изобретатель», «Уральские авиалинии», «Столица Урала», ОАО КБ «Уралтрансбанк», ОАО «Драгоценности Урала» и пр.), но и как одну из наиболее коммерчески развитых и масштабных точек России. Данные смысловые компоненты можно проследить, например, посредством контент-анализа номинаций структурных единиц некоторых сфер общественной жизни.

Например, в Екатеринбурге в течение около десяти лет в отношении к розничным магазинам прививалось слово «супермаркет». Сегодня рост масштабов социально-бытовой и деловой активности выражается в стремлении к гиперболизированию: появление оптовой реализации материальных благ, отражаемых в названиях «Мегамарт», «МЕГА», гипермаркет.

Подчеркнутая коммерческая ориентированность сегодняшнего Екатеринбурга отражена в выборе названий СМИ: «Бизнес калейдоскоп», «Деловой квартал», «Директор», «Екатеринбург. Услуги и цены», «Журнал «Эксперт-Урал», Информационно-аналитическое агентство "Урал-БизнесКонсалтинг", «Капитал», «Предприниматель – профи», «Пульс цен», «Товарный рынок», «Уральский деловой союз», «Я покупаю».

В столице Урала можно обнаружить значительно большее количество и развлекательно-увеселительных мест и их изоционности: дельфинотерапия, аквагалерея, аквапарк, сауны, искусственные катки, рестораны любой кухни мира, кофейни, чайные, зоопарк, цирк, театры, музеи, кинотеатры, планетариум и мн. др.

Заметим, что градообразующими предприятиями Нижнего Тагила являются преимущественно промышленные предприятия, занимающиеся обработкой металлов, машиностроением или химической деятельностью. Не может не привлечь к себе внимания также и форма собственности самых крупных предприятий города — это открытые акционерные общества и Федеральные государственные унитарные предприятия, что свидетельствует о том, что значительная часть градообразующих предприятий Нижнего Тагила принадлежит государственным и муниципальным властям, а владение в форме акционерных обществ разделено между несколькими лицами. В Екатеринбурге превалирует форма личной или акционерной собственности.

Руководители данных учреждений трудятся на своем месте в среднем 8-10 лет, что приводит к мысли об отсутствии склонности к изменениям, стремлению к смене профессиональной обстановке и пр.

Приведем примеры описанных выше предприятий Нижнего Тагила: ОАО «Высокогорский горно-обогатительный комбинат», ФГУП «Высокогорский Механический Завод», Федеральное казенное предприятие «Нижнетагильский институт испытания металлов», ОАО «Нижнетагильский Хлебокомбинат», ОАО «Нижнетагильский металлургический комбинат», ОАО «Нижнетагильский завод металлических конструкций», ФГУП «Производственное объединение «Уралвагонзавод», ОАО «Уральская химическая компания», ФГУП «Химический завод «Планта», ОАО «Нижнетагильский котельно-радиаторный завод».

Как следствие, названия средств массовой информации Нижнего Тагила обладают семантической соотнесенностью с промышленной спецификой деятельности города. Для газет характерны названия Газета «Горный

Край», «Химик», «Машиностроитель», «Строитель» и др. Журналы — преимущественно региональные. Все имеющиеся тагильские СМИ с точки зрения их общественно-политического влияния охарактеризованы Администрацией города как «незначительные»¹⁴⁰.

Итак, социокультурное пространство мегаполиса является более «открытым», жители которого имеют широкое смысловое и ценностное окружение, за счет чего постоянно создается вариативность действий, практик, ситуаций. В постмодернистской интерпретации пространство мегаполиса можно сравнить с компьютерной сетью, содержащей гиперссылки и позволяющей бесконечно долго перемещаться между «смыслами», каждый из которых не похож на предыдущий и последующий.

Социокультурное пространство индустриального города является «вещью-в-себе», самодостаточной системой, функционирующей на основе собственных ценностей, не «инородных». Метафорически городское пространство Нижнего Тагила можно сравнить с листом Мёбиуса — человек бесконечно долго перемещается по топологически однородному пространству.

Специфика культурного ландшафта формирует культурно-образовательное пространство Екатеринбурга и Нижнего Тагила. Выделим структуры/элементы города, формирующие культурно-образовательное пространство, рассмотрим, как они функционируют и реализуются в мегаполисе и индустриальном городе. Также важно определить культурно-образовательный потенциал указанных элементов. Дополняя к социокультурному пространству города культурно-антропологический компонент, мы представляем феномен культурно-образовательного порядка. Это действительно кажется нам важным, так как в

---

¹⁴⁰ Официальный городской информационный сервер. Нижний Тагил [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ntagil.ru>.

противном случае городское пространство превращается в массивный симулякр, пустой знак. «Симулякры – претенденты, не имеющие основания, тщательно скрывающие отсутствие сходства, несущие внутренний дисбаланс»¹⁴¹. Городское пространство перестает быть ценностно-значимым бытием, оставляя за собой *право быть только* перцептивно-воспринимаемым, фрагментарным объектом.

Функция города как культурно-образовательного пространства описываются феноменами социализации и инкультурации.

В Екатеринбурге, как и в других мегаполисах, социализация определяется разнонаправленными процессами. Это «плавильный котел», наполненный дифференцированными элементами, которые имеют характер возрастания: языковыми, конфессиональными, социальными. Микроуровень (семья) зачастую *ценностно* противоречит макроуровню (городской среде). Динамическая модель социализации определяет ее возможные типы в мегаполисе: ресоциализация, десоциализация. В Екатеринбурге индивид за относительно короткие временные отрезки переживает ряд ресоциализаций (в частности, профессиональных – за счет смены мест работы, новых обязанностей; социальная мобильность в мегаполисе адаптирует психику, делая ее менее категоричной в условиях возможного «культурного шока»).

Результатом социализации является космополитичная и *мультикультуральная* личность. Одним из важных качеств личности в мегаполисе признается толерантность. Результат социализации «идеального жителя мегаполиса» можно найти в требованиях к персоналу: коммуникабельность, умение оперировать большим объемом информации, стрессоустойчивость. В процесс межличностной ком-

---

¹⁴¹ Делез, Ж. Платон и симулякр [Текст] / Ж. Делез // Новое литературное обозрение. – 1993. – № 5. – С. 45-56.

муникации включается развитый комплекс «медиаторов» – средства массовой информации, как «бумажные», так и электронные, которые формируют новый тип пространственных отношений – виртуальную реальность. Следуя логике социокультурного развития крупнейших мегаполисов, в Екатеринбурге высока степень «интернетизации», освоенности виртуальных коммуникаций. С одной стороны, это означает анонимность отношений, редуцирование физических контактов, стереотипизацию поведения. С другой, большой выбор партнеров по «неформальному общению», инвариантность в поиске «идентификационной группы». Таким образом, *публичность* двух городов качественно отличается.

Специфика социализации Нижнего Иагила – центристичность, направленность на «свою» внутреннюю территорию. Это патриархальная культура, ориентирующая на «один язык, одну религию, одну культуру». Контркультура индустриального города всегда будет маргинальным феноменом. По терминологии М. Мид Нижний Тагил является постфигуративным городом, в котором культурно значимая информация передается от старшего поколения к младшему; культурное пространство стоит на основе субкультур (профессиональных, как правило). Абсолютно большее число культурных ценностей, на которые ориентируется житель этого города, было создано в прошлом. Результат социализации в социокультурном пространстве является во многом предсказуемым: рабочий, служащий, учитель, врач и др. Набор социальных ролей ограничен, направлен на поддержание системы. Ограниченный выбор (социокультурных практик, профессиональных) определяет низкую возможность ресоциализаций и относительно стабильные предпочтения (политические, социальные).

Екатеринбург сочетает черты:

- «кофигуративного» города, для которого культурная информация циркулирует между представителями одного поколения. Этот факт наиболее заметен в области кадровой политики предприятий, многие из которых стараются подбирать персонал одной возрастной категории, руководствуясь идеальными представлениями о западной модели корпоративной культуры.
- «префигуративного» города, в котором информационный поток «взрослые» учатся у своих «детей». Молодежная интерпретация современной ситуации, часто «контркультурная», является в городе немаловажной составляющей – благодаря молодежной музыке Екатеринбург известен как «столица уральского рока». В западном обществе *бывшие* контркультуры (музыкальные: рокеры, рэперы; экстремального спорта: скейтеры, фри-джамперы [от англ. free jump – «свободный прыжок»] и др.) стали субкультурами, актуализируя внимание своего творчества на критической оценке современной реальности, но не на ее полном разрушении. В Екатеринбурге наблюдается такая же тенденция.

Механизмы трансляции социокультурного опыта также имеют различную природу в двух городах. Традиция – как одни из механизмов трансляции – играет большую роль в Нижнем Тагиле. «Городской» миф Нижнего Тагила строится на архетипе «завод». Не смотря на социально-политические изменения (революции, смена государственной политики, войны) архетип не изменен. Этим обстоятельством объясняется коллективистское самосознание жителей города, самоидентификация как представителя «рабочего класса». Традиция регулирует социальную мобильность горожанина. «Заводская» профессия часто становится определяющим фактором при выборе места работы; на протяжении нескольких поколений представители одной семьи работают на промышленных предприятиях.

Стабильным спросом в высших учебных заведениях пользуются технические специальности, имеющие привязку к конкретному сектору промышленного производства. Высшее образование в Нижнем Тагиле было долгое время представлено двумя государственными учреждениями, позволяющими человеку стать либо педагогом, либо получить техническое образование. Это позволяет поддерживать производственный и социальный потенциал городу на самодостаточном уровне.

В социокультурном пространстве Екатеринбурга традиция становится наименее актуальной инстанцией, либо является «маргинальной» частью жизнедеятельности жителя города. Архетип «завод-крепость», замкнутого на самом себе, меняется на новый, являющийся мощным хронотопом – «ворота», «медиатор» «дверь» – из «Европы в Азию» и наоборот. Так, неофициальным символом Екатеринбурга, используемым представителями деловых и властных элит является стилизованная башня-арка, символизирующая границу между двумя частями света. Эта «открытость» миру требует от города отдавать приоритет не традиционному социокультурному производству, но больше обращаться к инновационным практикам.

Определим локусы культурно-образовательного пространства Екатеринбурга и Нижнего Тагила, а также представляемый ими потенциал. Культурно-образовательное пространство – это многоуровневая система, представленная микро-, мезо-, макроуровнем.

Макроуровень городов актуализирует и формирует потенциал на основе общей регионально-культурной идентичности. Положительный, эвристический потенциал культурно-образовательного пространства индустриального города и мегаполиса – *точкой преломления* социализации и инкультурации (освоения ценностей родной культуры) – актуализируется за счет феномена «региональной

идентичности». В последнее десятилетие Екатеринбург и Нижний Тагил все чаще возвращаются к своему общему историко-культурному прошлому. Так в средних общеобразовательных учреждениях вводится региональный компонент, подразумевающий глубокое изучение региональной культуры. Процесс глобализации и федерализации российского пространства заставляет регионы искать свою уникальную идентичность. Это тот стержень, который позволяет ориентироваться территориям в переходную эпоху.

Городское пространство является при этом репрезентативным локусом (по терминологии Э Гидденса «time-space comparison»¹⁴² – «пространство-временным сжатием») региона.

Проблема формирования регионально или территориальной идентичности подробно рассмотрена в рамках социальной психологии, которая дала эвристический импульс другим дисциплинарным направлениям.

В отечественной исследовательской традиции проблема территориальной или региональной идентичности разработана Н.А. Шматко и Ю.Л. Качановым. Региональная идентичность образуется на основании тождества «Я – член территориальной общности»¹⁴³. При определенном наборе образов, символом механизм идентификации является постоянным. Наиболее важным являются те границы, с которыми себя отождествляет человек. Это может быть как малая территория (город, область), так и значительная (государство, цивилизация). Идентичность может носить и ретроспективный характер в тех, случаях, когда человек

---

¹⁴² Giddens, A. The constitution of society [Текст] / A. Giddens. – Oxford : Polity Press, 1997.

¹⁴³ Шматко, Н. А. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования [Текст] / Н. А. Шматко, Ю. Л. Качанов // Социс. – 1998. – № 4. – С. 94-98.

соотносит себя с несуществующим территориальным образованием («державность» – СССР, царская Россия; «имперскость» – британский колониализм).

В сознании жителей Екатеринбурга и Нижнего Тагила на протяжении более двух с половиной веков присутствовало социокультурное представление об отличности от остальной страны, *инаковости*. В пиковые моменты истории, когда возникал «кризис идентичностей» (1917 или 1991 гг.) жители Урала объединялись вокруг общей идеи, которая передавалась от поколения к поколению. Так в период «парада суверенитетов» начала 90 гг. XX века в Свердловской области активно обсуждалась идея создания т.н. «Уральской республики». В этой связи можно сравнивать уральскую идентичность с тем, как описывал Ю. Лотман древнерусскую литературу, которая имеет сильную географическую привязку¹⁴⁴.

Отличительная особенность уральской региональной идентичности в том, что она «не конфликтна». Связана это, прежде всего, с тем, что на одну и ту же территорию в политическом, культурном, социальном плане не претендует «другая» региональная идентичность. Однако конфликт (социальный, политический) возможен, если на регионально значимую институцию (предприятие, организацию, структуру, ведомство) претендует или «*был поставлен*» представитель другого региона. Политологи выделяют, например, конфликтность взаимоотношений между т.н. *московскими управленцами* и уральскими рабочими. Последними выдвигаются тезисы об отсутствии «*у чужих*» знаний и реалий конкретного предприятия – ставленников сравнивают (в обычной речи) с «варягами», что они «*пришлые*».

---

¹⁴⁴ Лотман, Ю. М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах [Текст] / Ю. М. Лотман // Избр. ст. : в 3 т. / Ю. М. Лотман. – Таллинн, 1993. – Т. 1. – С. 407-412.

Региональная идентичность формируется за счет следующих факторов¹⁴⁵:

- общности исторических судеб. Как мы отмечали ранее, Екатеринбург и Нижний Тагил формировались в рамках общей цивилизационной и исторической логики развития страны – развитие собственной промышленности, обеспеченной богатыми природными ресурсами.
- Свойственных только этой группе особенностей культуры (материальной и духовной). Региональный тип культуры Екатеринбурга и Нижнего Тагила определяют как горнозаводской, подчеркивая *синтетичность* природной фактора и технократического.
- Единства территории и общность экономики. Екатеринбург и Нижний Тагил расположены в Уральском экономическом регионе, на территории Среднего Урала. Города имеют много общих черт экономической активности (с оговоркой, что в Екатеринбурге проявляется экономическая диверсификация – формируются новые финансовые институты, инновационные предприятия.).
- совместной работы в региональных организациях. Екатеринбург и Нижний Тагил (а также предприятия и организации) представлены в региональных политических и общественных структурах: Уральский федеральный округ, Ассоциация уральских городов, Уральская торгово-промышленная палата, Фонд промышленников и предпринимателей и др.

Мезоуровень представлен архитектурой Екатеринбурга и Нижнего Тагила. Культурно-образовательный потенциал уровня формируется за счет интерференции не-

---

¹⁴⁵ Межевич, Н. М. Основные направления региональной политики Российской Федерации [Текст] : учеб. пособие / Н. М. Межевич ; С.-Петербург. гос. ун-т телекоммуникаций им. М. А. Бонч-Бруевича. – СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т телекоммуникаций, 2005.

скольких измерений городского пространства: *физическое измерение* (окружающее предметное и физическое пространство); *ментальное измерение* (то, что мы подразумеваем под пространством, образ пространства); *символическое измерение* (смысл пространства, воплощенные в культурных формах); *социальное измерение* (пространство социального взаимодействия);

Опишем указанных выше элементы с точки зрения их культурно-образовательного потенциала.

Физическое измерение мегаполиса и индустриального города формируется в рамках одного макрорегиона – Урала. Каждый город играет ведущую роль в образовании агломераций – Екатеринбургской и Нижнетагильской. Культурно-образовательный потенциал регионального образовательного пространства по физико-географическому критерию раскрывается через сеть образовательных и культурных учреждений. В частности, Екатеринбург и Нижний Тагил являются главными «образовательными аттракторами», т.к. в городах представлены государственные высшие учебные заведения со значительными образовательными традициями. Институциональный аспект играл и играет немаловажную роль в культурно-образовательном пространстве городов. Напомним, что одними из первых учреждений в появляющихся уральских городах были т.н. «школы» (например, *цифирные*). Каждый район Екатеринбурга и Нижнего Тагила имеет (если таковая не разрушена) сеть культурно-досуговых учреждений: «дворец культуры», библиотека, досуговый клуб, спортивный комплекс (стадион, бассейн), кинотеатр. Учреждения выполняют несколько культурных и образовательных функций: коммуникативная (трансляция наследственной информации от одного поколения к другому); гносеологическая (познание мира); компенсаторная и релаксационная (отдых после *трудового дня*), аксиологическая. Физическое простран-

во становится эвристическим, если оно представлено институциональным аспектом, представляющим возможность разнообразных форм активности.

Ментальное измерение мегаполиса и индустриального города является специфичным. Ментальное измерение имеет разное *качество* в зависимости от способа его восприятия, т.е. какую точку занимает *субъект* (*тот, кто смотрит*) по отношению к *объекту* (*на что смотрят* – индустриальный город или мегаполис). Во-первых, субъект не является частью рассматриваемых нами городов (турист, житель другого региона). Ментальное измерение представляется *«хронотропным»* – за счет того, что Нижний Тагил и Екатеринбург физически расположены на границе «Европы и Азии. Города как бы *сливаются* в сознании в единое целое, пространство *стереотипизируется*. Во-вторых, субъект погружен в ментальное пространство городов. Ментальное измерение такого типа кодируется в разные типы фреймов (структуру, содержащую некоторую информацию). Фреймы конструируются за счет: понимания времени и пространства; образа природы и воздействия на нее; *того, что ценно*. Как мы отмечали ранее, в городе происходит наложение нескольких временных шкал: географической, социальной и индивидуальной. Нам кажется, что в Нижнем Тагиле данные временные шкалы не противоречат друг другу, объединены в общую – индустриальную – доминанту. Географическое время жители Нижнего Тагила проживают аналогично предшествующим поколениям – природный (географический) ландшафт равен ландшафту XIX – XX вв. В черте города, в непосредственной близости от его центра расположены рудники и карьеры. Социальное время определяется институциональными структурами и социальными группами. Отметим, что в названии многих учреждений Нижнего Тагила фигурируют промышленные составляющие. В Екатеринбурге

данная также сохранилась, но тенденция идет к сокращению. Индивидуальное время определяется производственными циклами, совпадающими с функционированием промышленных предприятий (посменных режим работы; простои во время сокращения промышленного производства; экстренная мобилизация сил для поддержания нормальной работы предприятия). Екатеринбург представляется нам как пространство с разнонаправленными временными шкалами. Географическое время, формально равное индустриальному городу (за счет общего времени основания и схожего процесса первоначальной урбанизации), отличается своим техницизмом. Природный ландшафт разработан и освоен человеком по трем уровням: воздушном (высотная застройка, авиасообщение), наземном (транспорт, активная социокультурная динамика, разнообразие форм социокультурной деятельности), подземном (город активно *уходит* вниз за счет дороговизны и недостатка наземного пространства; метро). Социальное время представляется более динамичным и описывается, как мы показали ранее, через категорию «социализация». Более того, Екатеринбург представляется социально *взрослее* за счет нахождения административно-властных структур федерального значения. Индивидуальное время определяется поливариантностью в выборе сфер активности (профессиональной, досуговой).

Нам кажется, что ментальное измерение (если оперировать категорией «образ природы») Нижнего Тагила можно определить как *мифологическое*. Для жителя Нижнего Тагила важными являются сезонные *земельные* практики – ежегодный сбор урожая на приусадебном участке, а также продовольственная обеспеченность за счет личного дачного хозяйства. «Образ природы» для жителя Екатеринбурга оттеняется техногенной средой. Важными критериями при выборе места активности (проживания, работы)

являются наличие инфраструктуры (транспорт, ЖКХ, здравоохранение, продовольствие). Ментальное пространство Екатеринбурга представляется индивидуалистическим («атомарным»), Нижнего Тагила – коллективистским («телесным»).

Культурно-образовательный потенциал ментального измерения актуализируется через ценностно-ориентированную деятельность. Локомотивом может стать «краеведческий» фактор, через которые индивид входит в культуру, выстраивает свою «картину мира». Так, исследованиями подтверждено, что богатая «картина мира» определяет толерантность взглядов и суждений, открыта для инноваций, соответственно, *строит* модернистское (по Ю. Хабермасу) пространство.

Символическое измерение современного города постоянно меняется и в плане внешнем – за счет новых построек, и в плане – внутреннем за счет непрекращающейся социокультурной динамики. Современный город, вернее, его образ представляется мозаичной, фрагментарной структурой. Для характеристики современного городского пространства можно применить специально дефиницию – «ризом», которую впервые использовали Ж. Делёз, Ф. Гваттари, М. Фуко. Данная дефиниция коррелирует с идеями У. Эко о новом качестве пространственных феноменов в современную эпоху, которое можно характеризовать как «сеть», точнее – «гипперсеть».

Итак, исследователями признается новое качество современного городского пространства – виртуальность. Под виртуализацией социокультурного пространства мы понимаем процесс, обусловленный и опосредованный не только и столько современными электронными и компьютерными технологиями. Этот процесс в основных чертах повторяет логику основных универсалий виртуальной ре-

альности¹⁴⁶: нематериальность воздействия (изображаемое производит эффекты, характерные для вещественного); условность параметров (объекты искусственны и изменяемы); эфемерность (свобода входа/выхода обеспечивает возможность прерывания и возобновления существования).

Вкладывая в понятие виртуализации гуманитарную, социокультурную составляющую, можно сказать, что это процесс замещения, трансформации, изменения реальности ее образами, или симулякрами. Так, социокультурное содержание виртуализации городского пространства – это «конкуренция» и «борьба» образов на уровне города. Таким образом, городское пространство является генератором виртуальности. Виртуализация городского пространства повлияла не только на его ментальную модель, но также на его архитектурно-ландшафтную (планировочную) организацию.

Культурно-образовательный потенциал символического измерения раскрывается через феномен локального (регионального мифа).

Локальный миф материализуется в физических объектах, прежде всего в архитектуре (не только отдельных зданий, но общей городской планировке, зонировании), топонимах. Можно отметить, что сакральный сюжет и внутренний план локальных мифов двух городов подчинен единой теме – взаимоотношениям между природой и человеком, который ее покоряет. Особенность локального мифа в том, что он устойчивее письменного источника, нарратив мифа мощнее материального источника. Мощь можно объяснить тем фактом, что локальный миф проду-

---

¹⁴⁶ Иванов, Д. В. К пониманию современности: критический вызов [Текст] / Д. В. Иванов // Проблемы теоретической социологии : сб. ст. / С.-Петерб. гос. ун-т им. А. А. Жданова ; под ред. А. О. Баранова. – СПб., 1996. – Вып. 2. – С. 86-95.

цирует регионально значимые смыслы, т.е. поддерживает городскую и региональную систему изнутри. Локальный миф, представленный как онтологическое "откровение места", становится тем самым ахроничным и гетеротопичным¹⁴⁷. Более того локальный миф на протяжении более 300 лет планомерно включался в «высокую», официальную культуру. В настоящее время можно констатировать, что локальный миф включается в «масс-культ», локальный миф *обыгрывается* современным горожанином.

Социальное измерение индустриального центра и мегаполиса складывается на базе общих социальных установок и институтов, характерных для региона. Культурно-образовательный потенциал социального измерения городов формируется, в частности, за счет педагогического взаимодействия. Эффективность педагогического взаимодействия может достигаться как опосредованно через взаимодействие инициативных групп (родителей, общественных ассоциаций) и образовательных учреждений, так и через выполнение «социального заказа»¹⁴⁸. В качестве «социального заказа», актуального для региона, должны выступать специальные образовательные программы, такие как «Культура Урала», «История Урала», «География родного края».

Микроуровень культурно-образовательного пространства Екатеринбурга и Нижнего Тагила определяется личностью и индивидуальностью горожан. Потенциал данного уровня раскрывает категория «креативность». Ранее мы выделяли, что креативное пространство формиру-

---

¹⁴⁷ Замятин, Д. Локальные мифы: модерн и географическое воображение [Текст] / Д. Замятин // Литература Урала: история и современность : материалы IV Всерос. конф., 7-8 окт. 2008 г., г. Екатеринбург / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург, 2008. – С. 51-56.

¹⁴⁸ Мурзина, И. Я. Региональное образовательное пространство: к вопросу об одной педагогической категории [Текст] / И. Я. Мурзина // Образование и наука. – 2008. – № 5. – С. 51-59.

ется на институциональном уровне, а также за счет носителей качества «креативности» жителями города. Рассмотрим это применительно к Екатеринбург и Нижнему Тагилу. В качестве объективного источника информации нами выбраны статистические данные о социальном, экономическом, культурном положении городов с официальных порталов – Екатеринбург (<http://www.ekb.org.ru>) и Нижнего Тагила (<http://www.ntagil.ru>). Во-первых, примечательно, что данная информация находится в открытом доступе. Екатеринбург и Нижний Тагил инициировали процесс формирования образа города в виртуальном пространстве задолго до того, как это начали директивно определять федеральные власти. Действительно, с развитием информационных технологий первое впечатление о городском пространстве «сторонний наблюдатель» (т.е. потенциальный инвестор, турист, политики) составляет косвенно через различные каналы: СМИ, Internet, *чужой* опыт.

Сравнивая уровень креативности институционального уровня, в Екатеринбурге, по естественным причинам, он является более «взрослым». Однако динамика развития за несколько лет – 2005-2007 гг. – показывает следующее. В Екатеринбурге идет постепенное увеличение учреждений образования, культуры, спорта, здравоохранения. Это объясняется, прежде всего, тем, что население мегаполиса постоянно увеличивается. Так по состоянию на 1 января 2009 года численность населения Екатеринбурга составляет 1 401 729 чел, что больше аналогичного периода прошлого года на более чем 48 тыс. человек¹⁴⁹. В проводимом несколько лет авторитетным изданием «Русский репортер» рейтинге «Где в России можно жить» Екатеринбург второй

---

¹⁴⁹ Официальный городской информационный сервер. Екатеринбург. Автоматизированная информационная система «Муниципальный регистр населения города Екатеринбурга» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://passport66.ru/mrn/numb.php>.

год подряд занимает первое место в категории «Самый перспективный мегаполис России»¹⁵⁰.

Нижний Тагил сохраняет или незначительно (на десятые доли %) увеличивает количество учреждений образования, культуры, спорта, здравоохранения – не смотря на отрицательный естественный прирост населения (по уровню учреждений начального образования)¹⁵¹. Экспертный и независимый информационный канал «УралПолит.Ru» определяет креативность Нижнего Тагила через оценку инициатив исполнительной властей города. Источник ставит средний балл – 3,7 из 5 возможных (наиболее количество баллов набрали такие инициативы, как «Создание Счетной палаты» – 4,14; «Бесплатный проезд пенсионеров» – 4,57; «14 государств обсудили перспективы международного сотрудничества с гордом» – 4; «В администрации началась борьба с коррупцией» – 4 и др.)¹⁵².

Итак, с точки зрения институционального и властного уровня города представляют собой самодостаточные территории. Однако существуют критерии, которые сдерживают развитие креативности городов. Для Екатеринбурга таковой является отставание уровня инфраструктуры от роста населения:

- проблемы жилищно-коммунального и социально-бытового хозяйства (неоднократные вступления представителей интеллигенции и «гостей города» о Екатеринбурге как «самом грязном городе России»); высокая

---

¹⁵⁰ Дятликович, В. Где в России можно жить [Электронный ресурс] / В. Дятликович, Д. Виноградов, Л. Наздрачева. – Режим доступа : http://www.rusrep.ru/2009/16/rejting_gorodov.

¹⁵¹ Официальный городской информационный сервер. Нижний Тагил [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ntagil.ru/?m=adm&id=100#IV>.

¹⁵² Оценка инициатив исполнительной власти Нижнего Тагила [Электронный ресурс] : спецпроект. – Режим доступа : http://fedpress.ru/federal/ratings/vlast_effect/id_139123.html.

стоимость жилья; «невозможность устроить ребенка в детский садик»);

- дорожно-транспортные проблемы (неразвитость метро-строения; отсутствие полноценной городской объездной дороги);
- сложный процесс образования субъектов малого и среднего бизнеса (бюрократизм в принятии разрешительных мер; отсутствие принципов «одного окна» и уведомительного характера инициирования бизнеса);
- Для Нижнего Тагила факторами, снижаемыми уровень креативности, являются, прежде всего:
- зависимость от бюджетных поступлений в результате обработки природных ресурсов и отсутствие диверсифицированной экономики;
- тяжелая экологическая ситуация (промышленные предприятия находятся на расстоянии не более 500 – 1000 метров от жилых помещений; из 200 тыс. тонн промышленных газов отчищается только 30 тыс. тонн);

Управление культурно-образовательным пространством потенциалом, заложенным в нем, возможно, если горожане представляют собой «креативный класс» – горожане, которые участвуют в творческом решении задач. Это общественный ресурс, который определяет рост и процветание городов. Креативный класс (профессионалы сферы образования, культуры, искусства и здравоохранения, специалисты из сектора информационных технологий, коммерции и финансов, бытового обслуживания, представители общественных объединений) – через креативные практики – преобразуется город, «присваивается» мир. В Екатеринбурге на одного учителя средней школы приходится 12 учеников, в Нижнем Тагиле – гораздо больше. Выпускники вузов, как наиболее активная часть населения, оставляет соответственно 2, 65 % и 3,5 %. Численность горожан, работающих в малом бизнесе, в Екатеринбурге более 16 %, в

в Нижнем Тагиле – 5,2%. Для сравнения доля малого бизнеса в промышленном производстве Запада достигает 50-60%, по России в среднем 13-14%¹⁵³.

Анализ критериев формирования креативного пространства Екатеринбурга и Нижнего Тагила показывает, что оно находится в процессе становления, однако с большими перспективами.

Итак, для описания актуального состояния культурно-образовательного потенциала мегаполиса и индустриального города нами выбраны Екатеринбург и Нижний Тагил. На первоначальном этапе мы описали социокультурное пространство выбранных городов. Аналитически и в рамках данного исследования соотношение «мегаполис – индустриальный город» можно представить в виде трех моделей.

Первый уровень. Индустриальный центр интегрирован в мегаполис и составляет его неотъемлемую часть. Промышленная составляющая пространства мегаполиса сводится до определенного района. Анализ данного уровня позволяет определить эвристические элементы культурно-образовательного пространства, которые позволяют индустриальному городу стать «модернистской формой поселения» (как это определяет Ю. Хабермас) – мегаполисом.

Второй уровень. Соотношение «мегаполис – индустриальный центр» как продолжение оппозиции «столица – провинция». Подобный дискурс позволяет определить, в частности, специфику аксиологического пространства городов. Операционными единицами выступают категории: «региональная идентичность», «культурные предпочтения», «нормативность», социализация и т.п. Мы определяем соотношение «мегаполис – индустриальный центр» не

---

¹⁵³ Чепуренко, А. Ю. Малое предпринимательство в России [Электронный ресурс] / А. Ю. Чепуренко. – Режим доступа : http://www.hse.ru/journals/wrldross/vol01_4/Chepurencol.htm.

только как географическое или политико-правовое, административное понятие, но как культурно-образовательное. Екатеринбург и Нижний Тагил развиваются в рамках единого географического пространства, имеют общие черты природного ландшафта, климата, отдельные элементы архитектурной планировки.

Третий уровень. Екатеринбург и Нижний Тагил выступают как провинциальные города относительно столичных центров – Москвы и Санкт-Петербург. При данной постановке проблематики Екатеринбург и Нижний Тагил являются репрезентативными локусами социокультурного пространства региона, представляют образ пространства региона. Действительно, в силу специфики психики человек генерализирует представление о регионе через отдельные города. Категория «геокультурный ландшафт региона» раскрывает культурно-образовательный потенциал городов.

В основе процесса образования цивилизаций и урбанизации, в частности, лежит процесс инвазии – проникновение на территорию новых этнических групп, которые привносят новые «картины мира». Колонизация и аккумуляция русским населением новых территорий Урала породили новую социокультурную среду.

Освоение природного пространства, на котором выросли уральские города, связано с наделением его смыслообразующими, онтологическими координатами – вертикальной и горизонтальной осями. Так основной вертикальной осью стало «завод», горизонтальной – «городская плотина». Человек одомашнил природное пространство, надстроив артефакты.

Описаны его значимые локусы культурного ландшафта Екатеринбурга и Нижнего Тагила. Так, центр Екатеринбурга является полистиличным, в нем конкурируют три пласта: дореволюционный, советский, федеративный

(«город как третья столица»). Прежние индустриальные артефакты редуцируются до мифа. Центр Нижнего Тагила специализирован. Не смотря на то, что сменяются эпохи и политические системы, все привносимые ими изменения инкорпорируются в «изначальную» доминанту города – быть индустриальным центром, производственной базой. Можно отметить, что граница Нижнего Тагила совпадает с периферией, за которой сразу же начинается «неосвоенное пространство». Граница этого города не имеет четкого оформления. Город как бы медленно «перетекает» в природное пространство. Границы Екатеринбургa имеют более четкое семантическое обозначение, характерное для мировых мегаполисов: крупные транспортные развязки, наличие вынесенных торговых центров, цикличность транспортных потоков.

Специфика культурного ландшафта формирует социокультурную идентичность Екатеринбургa и Нижнего Тагила. В первом – она более космополитична и мультикультурна. Областной центр – это «плавильный котел», наполненный дифференцированными элементами, которые имеют характер возрастания: языковыми, профессиональными, социальными. Специфика второго – центростремительность, направленность на «свою» внутреннюю территорию. Это патриархальная культура, ориентирующая на «один язык, одну религию, одну культуру».

Механизмы трансляции социокультурного опыта также имеют различную природу в двух городах. Традиция – как одни из механизмов трансляции – играет большую роль в Нижнем Тагиле. «Городской» миф Нижнего Тагила строится на архетипе «завод». Результат социализации в социокультурном пространстве является во многом предсказуемым: рабочий, служащий, учитель, врач и др. Набор социальных ролей ограничен, направлен на поддержание системы. Социокультурное пространство индустриального

города является «вещью-в-себе», самодостаточной системой, функционирующей на основе собственных ценностей, не «инородных». Так социокультурное пространство Нижнего Тагила представляется постфигуративным (традиционными, «культура детей» = «культуре отцов»). Метафорически городское пространство Нижнего Тагила можно сравнить с листом Мебиуса – человек бесконечно долго перемещается по топологически однородному пространству.

В социокультурном пространстве Екатеринбурга традиция становится наименее актуальной инстанцией. Архетип Екатеринбурга – «ворота», «медиатор», «дверь» – из «Европы в Азию. Социализация личности в социокультурном пространстве Екатеринбурга происходит среди гетерогенных элементов. Микроуровень (семья) зачастую ценностно противостоит макроуровню (городской среде). Социокультурное пространство Екатеринбурга является префигуративным («дети» не наследуют «культуру отцов»). В процесс межличностной коммуникации включается развитый комплекс «медиаторов» – средства массовой информации, как «бумажные», так и электронные, которые формируют новый тип пространственных отношений – виртуальную реальность. В постмодернистской интерпретации пространство мегаполиса можно сравнить с компьютерной сетью, содержащей гиперссылки и позволяющей бесконечно долго перемещаться между «смыслами», каждый из которых не похож на предыдущий и последующий.

Актуальным вопросом социокультурной исследовательской парадигмы является проблема использования потенциала городского пространства, в частности, в педагогических целях. Дополняя к социокультурному пространству города педагогический (культурно-антропологический) компонент, мы представляем перед собой феномен культурно-образовательного порядка. Это

действительно кажется актуальным, так как в противном случае городское пространство превращается массивный симулякр, пустой знак.

Определены локусы культурно-образовательного пространства Екатеринбурга и Нижнего Тагила, которые представлены микро-, мезо-, макроуровнем.

Макроуровень городов актуализирует и формирует потенциал на основе общей регионально-культурной идентичности. Факторами и мотивами формирования региональной идентичности Екатеринбурга и Нижнего Тагила являются: общность исторически судеб, общий тип материальной и духовной культуры, единство территории и хозяйственной деятельности, совместная активность в региональных организациях. Региональная идентичность Екатеринбурга и Нижнего Тагила представляет собой набор постоянных образов, символов, механизмов и образуется на основании тождества «Я – член территориальной общности». Наиболее важным являются те границы, с которыми себя отождествляет человек. Это стержень, который позволяет ориентироваться территориям в переходную эпоху, воспитывать личность с важными для данной территории качествами.

Мезоуровень представлен архитектурной Екатеринбург и Нижнего Тагила. Мы рассмотрели, как представлен потенциал измерений (физическое, ментальное, символическое, социальное) культурно-образовательного пространства городов в актуальном (сегодняшнем) состоянии. Потенциал физического измерения городов представлен сетью образовательных и культурных учреждений. Физическое пространство становится эвристическим, если оно представлено институциональным аспектом, представляющим возможность разнообразных форм активности. Культурно-образовательный потенциал ментального измерения актуализируется через ценностно-

ориентированную деятельность. Локомотивом может стать «краеведческий» фактор, через которые индивид входит в культуру, выстраивает свою «картину мира». Так, исследованиями подтверждено, что богатая «картина мира» определяет толерантность взглядов и суждений, открыта для инноваций, соответственно, строит модернистское (по Ю. Хабермасу) пространство. Культурно-образовательный потенциал символического измерения раскрывается через феномен локального (регионального мифа). Локальный миф, нарратив которого мощнее материального источника, продуцирует регионально значимые смыслы, т.е. поддерживает городскую и региональную систему изнутри. Культурно-образовательный потенциал социального пространства городов формируется, в частности, за счет педагогического взаимодействия. Эффективность педагогического взаимодействия может достигаться как опосредованно через взаимодействие инициативных групп (родителей, общественных ассоциаций) и образовательных учреждений, так и через выполнение «социального заказа».

Микроуровень Екатеринбурга и Нижнего Тагила определяется личностью и индивидуальностью горожан. Потенциал данного уровня раскрывают креативные практики, через которые преобразуется город, «присваивается» мир. Управление культурно-образовательным пространством возможно, если горожане представляют собой «креативный класс» – горожане, которые участвуют в творческом решении задач. Это общественный ресурс, который определяет рост и процветание городов. Анализ критериев формирования креативного пространства Екатеринбурга и Нижнего Тагила показывает, что оно находится в процессе становления, однако с большими перспективами.

Заключение

В результате исследования мы показали, что культурно-образовательное пространство обладает большим потенциалом. Культурно-образовательный потенциал городского пространства может быть изучен в рамках социокультурной исследовательской парадигмы, придерживающейся междисциплинарного подхода. Под *культурно-образовательным пространством* мы понимаем динамически развивающуюся целостность, структурные элементы которой используются субъектами социокультурного процесса для трансляции и освоения актуального комплекса ценностей и смыслов.

В качестве актуальных примеров городской пространственности нами выбраны мегаполис и индустриальный городской центр – на примере Екатеринбурга и Нижнего Тагила.

В нашей работе мы пришли к следующим выводам:

1. Современная интерпретация дефиниции «город» представляет собой рассмотрение совокупности географической, исторической, социологической составляющих исследуемого феномена, актуализируемых в рамках социокультурной парадигмы, которая, в свою очередь, представляет собой совокупность нормативных, ментальных, гносеологических, бытийных установок, которыми руководствуются жители городов в своих ежедневных практиках. Междисциплинарный статус культурологии дает возможность обратиться к анализу дефиниции «городское пространство», привлекая понятийный и категориальный аппарат других парадигм (географической, исторической, социологической, психологической). Рассматривая городское пространство как культурологическую категорию, определяется комплекс факторов, мотивов, механизмов, влияющих на субъект-объектные отношения между человеком и окружающим пространством. Городское про-

странство рассматривается как практическая реализация ценностного отношения к пространству. Физическое пространство, на котором расположен город, наделяется уникальным культурным смыслом.

2. Городское пространство представляет собой совокупность нескольких измерений: физического, символического, ментального, социального. Вхождение в образовательный мир – образовательное пространство – происходит через постижение феноменов культуры, культурных «измерений». Измерения социокультурного пространства города обладают культурно-образовательным потенциалом. Под физическим образовательным пространством понимается конкретное образовательное учреждение или существующая сеть образовательных учреждений, объединенных в систему образования. Символическое пространство представлено «культурными текстами», которые человек прочитывает на протяжении своей жизни. Ментальное пространство образования – комплекс представлений «о том, чему и как мы учим». Интеллектуальное пространство является синонимичным ментальному пространству, так как представляет собой локализацию *imago mundi*, образов реальности. Образование является социальным пространством, т.к. является одновременно социальным институтом и генератором общественных отношений и связей, норм и ценностей.

3. Под культурно-образовательным потенциалом города понимают специфические особенности и функции городского пространства, которые используются субъектами образовательного процесса для трансляции и освоения культурно значимых ценностей. Выделены критерии, в соответствии с которыми можно судить о культурно-образовательном потенциале пространственного явления – городе. Во-первых, это система учреждений, которая гарантирует содержательное погружение в культурный мир.

Как правило, это происходит через приобщение к региональной культуре. Это помогает преодолевать фрагментарность культурного пространства современного города, снимает противоречия первичной социализации. Метафорически, само пространство (социум) «готовит» личность, которая будет *жить* в нем, закладывая с детства те качества, которые будут потом в нем востребованы. Во-вторых, гуманизация методов образовательного процесса. Применение практик, которые отвечают требованиям дифференциации, поливариантности образовательного процесса. Классические методы обучения и воспитания (репродуктивные, словесные, поисковые и др.) обретают потенциал в зависимости от позиции субъекта образовательного процесса. В-третьих, специфика пространства, заключающаяся в его *открытости, диалогичности*. Обращение к разным – в пространственном и временном отношении – точкам зрения на проблемы бытия формирует многоуровневую «картину мира».

4. Мегалополис и индустриальный город являются особыми типами социокультурной организации поселений. Культурно-образовательный потенциал мегалополиса и индустриального города реализуется как многоуровневая система. Потенциал макроуровня раскрывается через регионально-культурную идентичность. Факторами и мотивами формирования региональной идентичности Екатеринбург и Нижнего Тагила являются: общность исторически судеб, общий тип материальной и духовной культуры, единство территории и хозяйственной деятельности, совместная активность в региональных организациях. Региональная идентичность Екатеринбурга и Нижнего Тагила представляет собой набор постоянных образов, символов, механизмов и образуется на основании тождества «Я – член территориальной общности». Наиболее важным являются те границы, с которыми себя отождествляет чело-

век. Это стержень, который позволяет ориентироваться территориям в переходную эпоху, воспитывать личность с важными для данной территории качествами. Потенциал мезоуровня актуализируется за счет специфики архитектуры мегаполиса и индустриального города. Архитектоника представлена как интерференция нескольких измерений: физического, ментального, символического, социального. Потенциал физического измерения городов представлен сетью образовательных и культурных учреждений. Физическое пространство становится эвристическим, если оно представлено институциональным аспектом, представляющим возможность разнообразных форм активности. Культурно-образовательный потенциал ментального измерения актуализируется через ценностно-ориентированную деятельность. Локомотивом может стать «краеведческий» фактор, через которые индивид входит в культуру, выстраивает свою «картину мира». Культурно-образовательный потенциал символического измерения раскрывается через феномен локального (регионального мифа). Локальный миф, нарратив которого мощнее материального источника, продуцирует регионально значимые смыслы, т.е. поддерживает городскую и региональную систему изнутри. Культурно-образовательный потенциал социального пространства городов формируется, в частности, за счет педагогического взаимодействия. Эффективность педагогического взаимодействия может достигаться как опосредованно через взаимодействие инициативных групп (родителей, общественных ассоциаций) и образовательных учреждений, так и через выполнение «социального заказа». Микроуровень раскрывает культурно-образовательный потенциал за счет индивидуальных, личностных – креативных – практик горожан. Потенциал данного уровня раскрывают креативные практики, через которые преобразуется город, «присваивается» мир. Управле-

ние культурно-образовательным пространством возможно, если горожане представляют собой «креативный класс» – горожане, которые участвуют в творческом решении задач. Это общественный ресурс, который определяет рост и процветание городов. Анализ критериев формирования креативного пространства Екатеринбурга и Нижнего Тагила показывает, что оно находится в процессе становления, однако с большими перспективами.

Библиографический список

1. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации [Текст] : Федер. закон РФ от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 26. – С. 6577-6610.
2. Алексеев, А. И. Кризис урбанизации: формирование нового образа жизни [Текст] / А. И. Алексеев, Н. В. Зубаревич // Проблемы прогнозирования. – 2000. – № 4. – С. 138-146.
3. Анциферов, Н. П. Душа Петербурга [Текст] / Н. П. Анциферов. – СПб. : Лира, 1991. – 249 с.
4. Апресян, Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира [Текст] / Ю. Д. Апресян // Избр. тр. : в. 2 т. / Ю. Д. Апресян. – М., 1995. – Т. 2. – С. 625-650.
5. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика [Текст] : пер. с фр. / Р. Барт. – М. : Прогресс : Универс, 1994. – 616 с.
6. Бахтиаров, А. А. Брюхо Петербурга [Текст] : очерки столич. жизни / А. А. Бахтиаров. – СПб. : Ферт, 1995. – 221 с.
7. М. М. Бахтин как философ [Текст] : сб. ст. / отв. ред. Л. А. Гоготишвили, П. С. Гуревич. – М. : Наука, 1992. – 251 с.
8. Бекарев, А. М. Свобода человека в социальном пространстве [Текст] / А. М. Бекарев ; Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. – Н. Новгород : Изд-во Нижегород. ун-та, 1992. – 389 с.
9. Бергер, П. Социальное конструирование реальности [Текст] : трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.

10. Библер, В. С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика и культура [Текст] / В. С. Библер. – М. : Прогресс : Гнозис, 1991. – 169 с.
11. Билз, А. Аккультурация [Текст] / А. Билз // Антология исследований культуры / отв. ред. А. А. Мостова. – СПб., 1997. – Т. 1 : Интерпретация культуры. – С. 348-370.
12. Бродель, Ф. Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II [Текст] : в 3 ч. / Ф. Бродель ; пер. с фр. М. А. Юсима. – М. : Яз. славян. культуры, 2002-2004.
13. Брокгауз, Ф. А. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона [Текст] : соврем. версия : в 82 т. / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – М. : Terra, 2000-2004.
14. Бурдые, П. Социальное пространство и генезис «классов» [Текст] / П. Бурдые // Вопросы социологии. – 1992. – Т. 1. – № 1. – С. 17-26.
15. Вайль, П. Гений места [Текст] / П. Вайль. – М. : Колibri, 2008. – 484 с.
16. Вебер, М. Избранные произведения [Текст] : пер. с нем. / М. Вебер : сост. Ю. Н. Давыдов. – М. : Прогресс, 1990. – 804 с.
17. Вебер, М. Город [Текст] / М. Вебер // Вебер М. История хозяйства. Город : пер. с нем. / М. Вебер. – М., 2001. – С. 333-488.
18. Веблен, Т. Теория праздного класса [Текст] : пер. с англ. / Т. Веблен. – М. : Прогресс, 1984. – 367 с.
19. Веденин, Ю. А. Проблемы формирования культурного ландшафта и его изучения [Текст] / Ю. А. Веденин // Известия АН СССР. Сер. Географическая. – 1990. – № 1. – С. 5-17.
20. Вышеславцев, Б. П. Сочинения [Текст] / Б. П. Вышеславцев. – М. : Раритет, 1995. – 325 с.

21. Вышеславцев, Б. П. Кризис индустриальной культуры [Текст] : избр. соч. / Б. П. Вышеславцев. – М. : Астрель, 2006. – 1037 с.
22. Гак, В. Г. Языковые преобразования [Текст] / В. Г. Гак. – М. : Яз. рус. культуры, 1998. – 763 с.
23. Гёте, И. Максимы и рефлексии [Текст] : об искусстве / И. Гете // Собр. соч. : в 10 т. / И. Гёте. – М., 1980. – Т. 10. – С. 423-432.
24. Гиляровский, В. А. Собрание сочинений [Текст] : в 4 т. / В. А. Гиляровский. – М. : Правда, 1989. – Т. 4. – 448 с.
25. Глазычев, В. Л. Урбанистика [Текст] / В. Л. Глазычев. – М. : Европа, 2008. – 219 с.
26. Голомидова, М. В. Образ пространства и пространственные образы в названиях старого Екатеринбурга [Текст] / М. В. Голомидова // Известия Уральского государственного университета. – 2001. – № 20. – С. 56-69.
27. Граве, И. М. История в краеведении [Текст] / И. М. Граве // Краеведение. – 1996. – № 4. – С. 23-31.
28. Громов, И. А. Западная социология [Текст] : учеб. пособие / И. А. Громов, И. А. Мацкевич, В. А. Семёнов. – СПб. : ДНК, 2003. – 560 с.
29. Гумилев, Л. Н. Этносфера: история людей и история природы [Текст] / Л. Н. Гумилев. – СПб. : Кристалл, 2002. – 576 с.
30. Гуревич, А. Я. Изучение ментальностей: социальная история и психология исторического синтеза [Текст] / А. Я. Гуревич // Советская этнография. – 1988. – № 6. – С. 16-25.
31. Гуревич, А. Я. Исторический синтез и школа Анналов [Текст] / А. Я. Гуревич. – М. : Индрик, 1993. – 328 с.
32. Гуссерль, Э. Феноменология [Текст] / Э. Гуссерль // Логос. – 1991. – № 1. – С. 12-21.

33. Делез, Ж. Платон и симулякр [Текст] / Ж. Делез // Новое литературное обозрение. – 1993. – № 5. – С. 45-56.
34. Деррида, Ж. Письмо и различие [Текст] / Ж. Деррида ; пер. с фр. Д. Ю. Кралечкина. – СПб. : Акад. проект, 2000. – 494 с.
35. Дильтей, В. Собрание сочинений [Текст] : в 6 т. / В. Дильтей ; под ред. А. В. Михайлова, Н. С. Плотникова ; пер. с нем. В. С. Малахова. – М. : Дом интеллектуал. кн., 2000. – Т. 1 : Введение в науки о духе. – 456 с.
36. Дюркгейм, Э. Метод социологии [Текст] / Э. Дюркгейм // Западноевропейская социология XIX – начала XX веков : учеб. пособие для студентов вузов / под общ. ред. В. И. Добренькова. – М., 1996. – С. 256-309.
37. Заковоротная, Н. В. Информационные технологии: индивидуализм и тотальность [Текст] : (социал.-психол. аспект) / Н. В. Заковоротная // Человек и город : в 2 т. / гл. ред. Н. Н. Моисеев. – М., 2000. – Т. 1. – С. 238-240.
38. Замятин, Д. Локальные мифы: модерн и географическое воображение [Текст] / Д. Замятин // Литература Урала: история и современность : материалы IV Всерос. конф., 7-8 окт. 2008 г., г. Екатеринбург / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург, 2008. – С. 51-56.
39. Замятин, Д. Н. Метагеография: пространство образов и образы пространства [Текст] / Д. Н. Замятин. – М. : Аграф, 2004. – 512 с.
40. Иванов, Д. В. К пониманию современности: критический вызов [Текст] / Д. В. Иванов // Проблемы теоретической социологии : сб. ст. / С.-Петербург. гос. ун-т им. А. А. Жданова ; под ред. А. О. Баранова. – СПб., 1996. – Вып. 2. – С. 86-95.
41. Каганский В.Л. Основные зоны и типы культурного ландшафта [Текст] // Каганский В.Л. Культурный ланд-

- шафт и советское обитаемое пространство. – М.: НЛЮ, 2001. – 576 с.
42. Кант, И. Критика чистого разума [Текст] / И. Кант ; пер. с нем. Н. Лосского. – М. : Эксмо, 2006. – 736 с.
  43. Кассирер. Э. Философия символических форм [Текст] : в 3 т. / Э. Кассирер ; пер. с нем. С. А. Ромашина. – М. : Унив. кн. ; СПб. : Унив. кн., 2001. – Т. 1 : Язык. – 306 с.
  44. Комлев, Н. Г. Словарь иностранных слов [Текст] / Н. Г. Комлев. – М. : Эксмо, 1999. – 672 с.
  45. Креативная лаборатория: диалог творческих практик [Текст] / ред.- сост. О. А. Карлова. – М. : Акад. Проект, 2009. – 476 с.
  46. Ле Корбюзье, Ш. Э. Архитектура XX века [Текст] : пер. с фр. / Ш. Э. Ле Корбюзье. М. : Прогресс, 1977. – 303 с.
  47. Линч, К. Образ города [Текст] / К. Линч ; пер. с англ. В. Л. Глазычева ; сост. А. В. Иконников. – М. : Стройиздат, 1982. – 328 с.
  48. Лосев, А. Ф. Двенадцать тезисов об античной культуре [Текст] / А. Ф. Лосев // Лосев А. Ф. История Античной эстетики: итоги тысячелетнего развития : в 2 кн. / А. Ф. Лосев. – М., 1992. – Кн. 1. – С. 314-322.
  49. Лотман, Ю. М. Избранные статьи [Текст] : в 3 т. / Ю. М. Лотман. – Таллинн : Александра, 1993. – Т. 1 : Статьи по семантике и филологии культуры. – 479 с.
  50. Лотман, Ю. М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах [Текст] / Ю. М. Лотман // Избр. ст. : в 3 т. / Ю. М. Лотман. – Таллинн, 1993. – Т. 1. – С. 407-412.
  51. Мамфорд, Л. Миф машины: техника и развитие человечества [Текст] / Л. Мамфорд. – М. : Логос, 2001. – 404 с.
  52. Мангейм, Д. Б. Политология: методы исследования [Текст] : пер. с англ. / Д. Б. Мангейм, Р. К. Рич. – М. : Весь Мир, 1997. – 542 с.

53. Маркарян, Э. С. Об исходных методологических предпосылках исследования этнических культур [Текст] / Э. С. Маркарян // Методологические проблемы этнических культур : материалы симп. – Ереван, 1978. – С. 8-9.
54. Межевич, Н. М. Основные направления региональной политики Российской Федерации [Текст] : учеб. пособие / Н. М. Межевич ; С.-Петерб. гос. ун-т телекоммуникаций им. М. А. Бонч-Бруевича. – СПб. : С.-Петерб. гос. ун-т телекоммуникаций, 2005. – 345 с.
55. Мертон, Р. К. Социальная структура и аномия [Текст] / Р. К. Мертон // Социс. – 1992. – № 3. – С. 104-114.
56. Милграм, С. Эксперимент в социальной психологии [Текст] / С. Милграм ; пер. с англ. Н. Вахтина. – СПб. : Питер, 2000. – 336 с.
57. Мурзина, И. Я. Культура Урала: очерки становления и развития региональной культуры [Текст] : учеб. пособие для вузов : в 2 ч. / И. Я. Мурзина, А. Э. Мурзин ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург : [б. и.], 2006.
58. Мурзина, И. Я. Региональное образовательное пространство: к вопросу об одной педагогической категории [Текст] / И. Я. Мурзина // Образование и наука. – 2008. – № 5. – С. 51-59.
59. Население России за 100 лет (1897-1997) [Текст] : сб. ст. / под ред. Ю. А. Юркова. – М. : Моск. изд. дом, 1998. – 222 с.
60. Общество и книга: от Гуттенберга до Интернета [Текст] / общ. ред. А. П. Королевой. – М. : Традиция, 2000. – 279 с.
61. Орлова, Э. А. Культурная (социальная) антропология [Текст] : учеб. пособие для вузов / Э. А. Орлов. – М. : Акад. Проект, 2004. – 480 с.
62. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс [Текст] : пер. с исп. / Х. Ортега-и-Гассет. – М. : АСТ : Ермак, 2005. – 299 с.

63. Оруджиева, А. Одни – на Запад, другие – на Восток: миграционные процессы на Урале [Текст] / А. Оруджиева // Родина. – 2001. – № 11. – С. 81-83.
64. Пирогов, С. В. Социология города [Текст] : программа дисциплины / С. В. Пирогов ; Томск. гос. ун-т им. В. В. Куйбышева. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2003. – 31 с.
65. Платонов, С. Ф. Полный курс лекций по русской истории [Текст] / С. Ф. Платонов. – СПб. : Литера, 2000. – 800 с.
66. Поппер, К. Миф концептуального каркаса [Текст] / К. Поппер // Поппер К. Логика и рост научного знания : избр. работы / К. Поппер. – М., 1983. – С. 445-467.
67. Пузаченко, Ю. Г. Разнообразие ландшафта и методы его измерения [Текст] / Ю. Г. Пузаченко, К. Н. Дьяконов, Г. М. Алешенко // География и мониторинг биоразнообразия / Н. В. Лебедева [и др.]. – М., 2002. – Разд. 2. – С. 145-302.
68. Райзберг, Б. А. Современный экономический словарь [Текст] / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : ИНФРА-М, 2007. – 480 с.
69. Ратцель, Ф. Земля и жизнь: сравнительное землеведение [Текст] : в 2 т. / Ф. Ратцель. – СПб. : Просвещение, 1905.
70. Руднев, В. П. Словарь культуры XX века [Текст] / В. П. Руднев. – М. : Аграф, 1997. – 384 с.
71. Сайко, Э. В. Древнейший город. Природа и генезис. Ближний Восток. IV-II тыс. до н. э. [Текст] / Э. В. Сайко. – М. : Наука, 1996. – 207 с.
72. Сеннет, Р. Падение публичного человека [Текст] / Р. Сеннет ; пер. с англ. О. Исаевой [и др.]. – М. : Логос, 2002. – 423 с.
73. Словцов, П. А. Историческое обозрение Сибири [Текст] / П. А. Словцов. – М. : Вен-Мер, 1995. – 246 с.

74. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество [Текст] / П. А. Сорокин. – М. : Политиздат, 1992. – 534 с.
75. Социальная психология [Текст] : словарь / под ред. М. Ю. Кондратьева // Психологический лексикон : энцикл. словарь : в 6 т. / под общ. ред. А. В. Петровского. – М. : ПЕР СЭ ; СПб. : Речь, 2006. – 175 с.
76. Социология [Текст] : энциклопедия / сост. А. А. Грицанов [и др.]. – Минск : Кн. Дом, 2003. – 1312 с.
77. Сухомлинский, В. А. Методика воспитания коллектива [Текст] / В. А. Сухомлинский. – М. : Просвещение, 1981. – 192 с.
78. Тишков, В. А. Культурный смысл пространства [Текст] / В. А. Тишков // Этножурнал. – 2003. – № 8. – С. 32-41.
79. Тойнби, А. Д. Постижение истории [Текст] / А. Д. Тойнби ; пер. с англ. Е. Д. Жаркова. – М. : Прогресс : Культура, 1996. – 640 с.
80. Тоффлер, Э. Третья волна [Текст] : пер. с англ. / Э. Тоффлер. – М. : АСТ, 1999. – 784 с.
81. Трушина, Л. Е. Интерпретация визуальных текстов городского пространства [Текст] / Л. Е. Трушина // Этическое и эстетическое: 40 лет спустя : материалы науч. конф., 26-27 сент. 2000 г. : тез. докл. и выступлений. – СПб., 2000. – С. 155-157.
82. Трушина, Л. Е. Культурология города как самостоятельная дисциплина [Текст] / Л. Е. Трушина // Формирование дисциплинарного пространства культурологии : материалы науч.-метод. конф., 16 янв. 2001 г., г. Санкт-Петербург. – СПб., 2001. – С. 209-210.
83. Уоддингтон, К. Х. Основные биологические концепции [Текст] / К. Х. Уоддингтон // На пути к теоретической биологии / под ред. Б. Л. Астурова. – М., 1970. – Т. 1 : Прологомены. – С. 11-38.

84. Флоренский, П. А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях [Текст] / П. А. Флоренский. – М. : Прогресс, 1993. – 324 с.
85. Флорида, Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее [Текст] / Р. Флорида ; пер. с англ. А. Константинова. – М. : Прогресс, 2007. – 421 с.
86. Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне [Текст] : сб. лекций / Ю. Хабермас ; пер. с нем. М. М. Беляева [и др.]. – М. : Весь Мир, 2003. – 414 с.
87. Шевандрин, Н. И. Социальная психология в образовании [Текст] : учеб. пособие / Н. И. Шевандрин. – М. : Владос, 1995. – Ч. 1 : Концептуальные и прикладные основы социальной психологии. – 544 с.
88. Шматко, Н. А. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования [Текст] / Н. А. Шматко, Ю. Л. Качанов // Социс. – 1998. – № 4. – С. 94-98.
89. Шпенглер, О. Закат Европы очерки морфологии мировой истории [Текст] : в 2 т. / О. Шпенглер ; пер. с нем. И. И. Маханькова. – М. : Мысль, 1998. – Т. 2 : Всемирно-исторические перспективы. – 624 с.
90. Шумакова, Н. Б. Исследование творческой одаренности с использованием тестов П. Торренса у младших школьников [Текст] / Н. В. Шумакова, Е. И. Щебланова, Н. П. Щербо // Вопросы психологии. – 1991. – № 1. – С. 27-32.
91. Элиаде, М. Священное и мирское [Текст] / М. Элиаде ; пер. с фр. Н. К. Гарбовского. – М. : Изд-во МГУ, 1994. – 143 с.
92. Beck, U. Risk Society [Текст] / U. Beck. – Thousand Oaks : Sage, 1992. – 125 p.
93. Bell, D. Notes on the Post-Industrial Society [Текст] / D. Bell // The Publick Interest. – 1967. – № 7. – P. 95-107.

94. Berelson, B. Content Analysis in Communication Research [Текст] / B. Berelson. – Glencoe : Free press, 1952. – 220 p.
95. De Long, B. J. Princes and Merchants: European City Growth [Текст] / B. J. De Long, A. Shleifer. – New York : Delacorte press, 1991. – 167 p.
96. Fukuyama, F. The End of History and the Last Man [Текст] / F. Fukuyama. – New York : Quill, 1992. – 367 p.
97. Giddens, A. The constitution of society [Текст] / A. Giddens. – Oxford : Polity Press, 1997. – 267 p.
98. Kaes, R. Images de la culture chez les ouvriers francais [Текст] / R. Kaes. – Paris : Dunod, 1968. – 215 p.
99. Landry C. The creative city: A Toolkit for Urban Innovations [Текст] / C. Landry. – London : Demos, 1995. – 344 p.
100. Moscovici, S. La psychoanalyse, son image et son public [Текст] / S. Moscovici. – Paris : Centurion, 1976. – 506 p.
101. Moscovici, S. Les représentation sociales [Текст] / S. Moscovici // Communication presente au colloque sur les representations socialts. – Paris, 1979. – P. 34-41.
102. Mumford, L. The City in history: Its origins, its transformations and its prospects [Текст] / L. Mumford. – London : Penguin Books, 1966. – 223 p.
103. Saint Augustine. The City of God [Текст] / Saint Augustine. – London : Penguin books, 1972. – 780 p.
104. Trowbridge, G. On fundamental methods of orientation and 'Imaginary maps' [Текст] / G. Trowbridge // Science. – Vol. 88. – 1913. – P. 45-56.
105. Газарян, А. Є. Субструктури і інформація [Текст] / А. Є. Газарян // Філософська і соціологічна думка. – 1990. – № 5. – С. 59–65.
106. Вахитов, Т. Р. Проблема реабилитации промышленных предприятий в структуре г. Екатеринбурга [Элек-

- тронный ресурс] / Т. Р. Вахитов. – Режим доступа: http://archvuz.ru/magazine/Numbers/2005_02/template_article?ar=K01-20/k14.
107. Глазычев, В. Л. Представление о городе и технологии управления средовым развитием. Типология городов [Электронный ресурс] / В. Л. Глазычев. – Режим доступа: http://www.glazychev.ru/courses/1998-10-30_predstavlenie_o_gorode.htm.
  108. Гниренко, Ю. В. Перформанс как явление современного отечественного искусства [Электронный ресурс] / Ю. В. Гниренко. – Режим доступа : <http://www.gif.ru>.
  109. Гурин, С. П. Образ города в культуре: метафизические и мистические аспекты [Электронный ресурс] / С. П. Гурин. – Режим доступа : http://www.comk.ru/HTML/gurin_doc.htm.
  110. Дятликович, В. Где в России можно жить [Электронный ресурс] / В. Дятликович, Д. Виноградов, Л. Наздрачева. – Режим доступа: http://www.rusrep.ru/2009/16/rejting_gorodov.
  111. Официальный городской информационный сервер. Екатеринбург. Автоматизированная информационная система «Муниципальный регистр населения города Екатеринбурга» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://passport66.ru/mrn/numb.php>.
  112. Официальный городской информационный сервер. Нижний Тагил [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ntagil.ru>.
  113. Обухов, А. Построение программы психологического исследования личности в контексте русской традиционной культуры [Электронный ресурс] / А. Обухов. – Режим доступа : <http://rl-online.ru/articles/1-02/32.html>.
  114. Оценка инициатив исполнительной власти Нижнего Тагила [Электронный ресурс] : спецпроект. – Режим

- доступа :
http://fedpress.ru/federal/ratings/vlast_effect/id_139123.html.
115. Столицы и столичные функции. Опрос населения [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://bd.fom.ru/report/cat/spb/dd020328>.
116. Чепуренко, А. Ю. Малое предпринимательство в России [Электронный ресурс] / А. Ю. Чепуренко. – Режим доступа : http://www.hse.ru/journals/wrldross/vol01_4/Chepurenco1.htm.
117. Before the Industrial Revolution [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.j-bradford-delong.net/pdf_files/Princes.pdf.

Научное издание

Р. Ю. Порозов

**Культурно-образовательный потенциал городского
пространства: теоретико-культурологический анализ**

Монография

Подписано в печать _____ . Формат 60x84/16

Усл. печ. л. – 6,6. Уч.-изд. л. 10,8

Тираж 500 экз. Заказ _____

ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет».
620017. г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26